



Г. ЧИЖЕВСКИЙ

# В ДЕБРЯХ ВРЕМЕНИ

ДЕТГИЗ









*Т. Чижевский*

# В ДЕБРЯХ ВРЕМЕНИ

ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКАЯ  
ФАНТАЗИЯ



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО  
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ  
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР  
Москва 1963



Под редакцией  
кандидата биологических наук  
Б. А. ТРОФИМОВА

*«В дебрях времени» — повесть о путешествии во времени на два миллиарда лет назад, основанная на палеонтологической фантазии. Вместе с героем книги читатель будет свидетелем и участником драматических событий на заре времен. Он познакомится с наиболее интересными представителями исчезнувшей ныне флоры и фауны, увидит динозавров, мастодонтов, встретится с первобытным человеком.*

РИСУНКИ И ОФОРМЛЕНИЕ АВТОРА

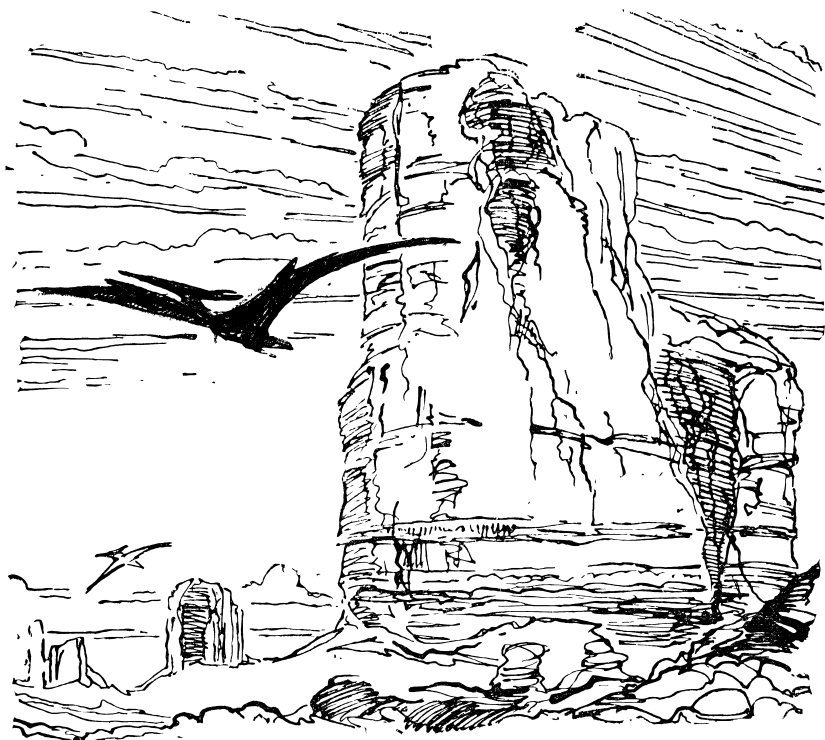
«Не может быть лучшей лаборатории для выработки правильного взгляда на место человека в этом сложном мире, чем цветущая лужайка, журчащий ручей или спиральная галактика. Ведь зеленые листья «вскормлены» излучением звезды. Ручей, бегущий через пороги под действием закона всемирного тяготения, размывает породы и разрушает величественные горы древности. Могучие кленовые деревья, которые тихо дремлют на протяжении десятилетий, существуют в той же Вселенной, что и туманность Андромеды с ее миллиардами звезд. Дерево подчиняется тем же законам тяготения, что и звезды в шаровом скоплении. Более того, дерево состоит из тех же самых сложных молекулярных соединений, что и гнездящиеся в его ветвях птицы, живущие в его корнях насекомые и размышляющие над всем этим ученые.

Из всего этого следует простой вывод: мы неразрывно связаны со всеми живыми организмами, а за пределами живой природы — с горными массивами и буйными ветрами...»

(Харлоу Шепли „Звезды и люди“)







## ВСТУПЛЕНИЕ

Однажды поздней осенью, когда хмурое, непроницаемое небо источало сырость и грусть и сквозь холодную пелену тумана бледным пятном проглядывала луна, я набрался мужества и отправился в путь. Я посетил загадочные страны Времени, страны, где не ступала нога человека. Путешествие заняло не больше месяца. Месяц в привычных условиях — не такой уж длительный срок. Но там, где я побывал, тридцать дней показались мне длиннее многих лет.

Это было рискованным предприятием — прогулка во времени по местам, из которых можно было и не возвратиться. Но



странное чувство руководило мной: я знал, что опасность велика, и все же не мог противостоять жгучему желанию найти и увидеть то, что искали, но не находили, не видели другие. Любезность моего друга, о необычайном опыте которого так обстоятельно и подробно рассказывает Герберт Уэллс, дала мне единственную в своем роде возможность проникнуть за пределы нашего времени и побывать в запретных странах.

## СНОВА МАШИНА ВРЕМЕНИ

Я повстречался с ним на лестничной площадке нового дома в Черемушках, где он командовал грузчиками, таскавшими старую, громоздкую мебель через узкую парадную дверь.

Я уже с неделю жил в этом доме и остановился посмотреть на нового соседа. Как раз в это время в дверь со страшным треском и скрежетом протискивали какой-то странный, обмотанный брезентом механизм.

— Осторожнее! — закричал новый жилец, и в тот же момент створки двери, еще сияющей нетронутой свежей краской, с жалобным визгом снялись со своего места и обрушились на спины рабочих...

— Осторожнее! — присоединился к нему и я, стараясь перекричать поднявшийся шум.

Незнакомец повернулся ко мне. Это был высокий сухопарый старик с характерным гладко выбритым лицом, с глубокими морщинами по сторонам тонкогубого рта.

— Судя по вашему интересу к моим делам, вы — мой ближайший сосед, — сказал он.

— Мне не нравится, когда ломают двери в моем доме, — рассердился я.

Он холодно и насмешливо рассмеялся, глядя на меня в упор. Я перевел взгляд на его машину. Во время возни брезент сполз с нее, и что-то странно знакомое почудилось мне в очертаниях никелированной блестящей станины, упершейся в нижнюю ступеньку.

— Машина времени?! — вырвалось у меня.

— Здесь на каждом шагу сталкиваешься с поклонниками мистера Уэллса, — недовольно проворчал старик и тоже посмотрел на машину. — Придется все-таки ее разобрать. Или ее, или этот дом, — пробормотал он и повернулся ко мне спиной.

В совершенной растерянности я спустился с лестницы и, только оказавшись на улице, услышал, как он крикнул мне вслед: «Заходите как-нибудь под вечер!»

В этот день я опоздал на заседание ученого совета и боюсь, что мое выступление было несколько сумбурным. Фантастические мысли роем шмелей шумели в моей голове. «Путешествие по времени! — без конца повторял я. — Нет, нет, это совершенно невозможно!» Возбуждение не оставляло меня весь день, и это неудивительно, принимая во внимание мою специальность — палеонтологию.

К вечеру третьего дня я не выдержал и пошел к нему. «Он поставил машину, конечно, или в кабинете, или в гостиной», — думал я, нажимая кнопку звонка. Он открыл мне сам, жестом пригласил в свой кабинет и так же молча указал на кресло. И тогда я напал на него:

— Где ваша книга?! Почему весь мир знает о вашем замечательном эксперименте только со слов Герберта Уэллса? Неужели нет даже рукописи, дневников?! Вы лишаете науку и человечество исключительно ценных наблюдений и обобщений. И потом — трудящееся человечество мыслит будущее бесклассовым и счастливым...

Кажется, я продолжал бы долго, но он мягко прервал меня:

— Все это правильно. Но в конце прошлого века я имел основания опасаться, что мир пойдет по другому пути. И я хотел предупредить людей о грозящей опасности вырождения...

— Вы хотели предупредить? — перебил его я. — А ваше путешествие в будущее? Ведь вы как будто видели то, что ожидает наших потомков?!

— Нет.

— Ну конечно! — воскликнул я. — То, что описано Уэллсом, вы видеть не могли. Но ведь вы путешествовали?

— Нет, я не рисковал. Рассказал же я обо всем этом только из добрых побуждений. Мистер Уэллс настаивал, чтобы этот обман не был раскрыт. Так было бы поучительней для наших современников.

— Значит, весь мир свыше полувека пребывал в заблуждении?..

— Вероятно, так. Но Машина времени существует, она не вымысел. И вы можете ее посмотреть.

— Невероятное признание!.. — пробормотал я растерянно. — И вы позволите объявить о нем?!

— Сделайте милость. Мир идет к коммунизму, и нет смыс-



ла пугать людей мрачными сказками. Теперь человечество на верном пути и не нуждается в моих мемуарах.

Придя в себя и поразмыслив, я сказал:

— Герберт Уэллс оказал хорошую услугу человечеству, подарив ему свой прекрасный роман «Машина времени». Помимо чисто литературных достоинств, этот роман заставляет задуматься об отдаленном будущем человеческого рода. Только невежды и люди, не видящие дальше сегодняшнего дня, могут не оценить призыва Уэллса к бдительности!

Мнимый Путешественник по времени повернул ко мне свое худое, бледное лицо.

— Я до сих пор не знаю, кто вы, — сказал он и добавил: — Я имею в виду вашу профессию.

Я ответил. Тогда он прямо сказал:

— Догадываюсь, что вы неспроста зашли ко мне. Вам нужна моя машина?

— Если быть искренним, — нетвердо проговорил я, — то да.

Мы оба замолчали. Взгляд его серых глаз остановился на мне не то выжидательно, не то сочувственно, но с холодком. Он несколько мгновений пристально рассматривал меня. Я смущенно сказал:

— Вероятно, это слишком смело с моей стороны и невежливо...

Но он вновь перебил меня:

— Отчего же?.. Я вас, кажется, понимаю. Вы хотите исследовать время? — В его голосе зазвучали теплые нотки. — Ваше смущение служит вам оправданием. Но вы извините мои колебания. Вы понимаете, конечно, какую огромную ответственность за вашу жизнь я должен взять на себя. Вы, может быть, думаете, что я дорожу машиной? Нет. Мне в моем возрасте она ни к чему. Ею должны воспользоваться молодые. Она для них. Но путешествие на ней опасно. Вы, разумеется, понимаете почему? — Он испытующе поглядел на меня. (Не слишком уверенно я кивнул.) Он продолжал: — Вы можете не вернуться. Никогда не вернуться в наше время!.. Если случится что-нибудь с вами или с машиной, вы затеряетесь в прошлом или будущем, как иголка в стоге сена.

Я перевел взгляд с его лица на окно. Спускались сумерки, мир погружался в тишину, и я вдруг всем существом ощутил ужас при мысли о возможности бесследно исчезнуть в пучине прошлого... За окном в отдалении милиционер настойчиво втолковывал мальчугану лет четырех, что не следует пугать голубей. Мальчуган, видимо, не соглашался с ним. Они неторопливо про-

шествовали через огороженный участок и скрылись за молодыми липами, провожаемые дружным хлопанием голубиных крыльев. «Вот таким может остаться последнее воспоминание о моем времени!» — подумал я.

Ровный бесстрастный голос произнес:

— Вам придется изучить ее механизм.

— А? — спохватился я. — Да, да, конечно. Все это так неожиданно. Я так рад!.. Ваша любезность...

— Допустим. Но вы, по-видимому, намеревались отправиться в путешествие немедленно? Разочарую вас. Как шофера в клубе, я буду вас обучать управлять ею. Будет и стажировка. На это уйдет недель четыре-пять. Затем я прочту вам свой собственный, единственный в своем роде курс «Ориентация во времени». Без этих специальных навыков вы не сможете определить время, в котором вы окажетесь. Вы будете метаться в безднах прошлого, потеряете ориентировку и вряд ли сумеете вернуться в наш век. Только на бумаге все выглядит просто, будто примитивная культура всегда предшествует более развитой цивилизации. Я говорю об этом на тот случай, если в пути у вас откажет «индикатор времени». Он укажет вам «местонахождение» во времени — до минуты! Риск, разумеется, велик, но и соблазн не мал. Так что готовьтесь к турне по времени! — добавил он в заключение и поднялся.

Мой визит к этому интересному человеку занял не меньше часа. С той поры я все свободные вечера проводил у нового соседа, прилежно усваивая премудрости путешествия по времени. Разумеется, я решил посетить далекое прошлое. Ведь я — палеонтолог, а палеонтология — наука о жизни, исчезнувшей задолго до появления человека, о животных и растениях, изображение которых можно видеть теперь только в музеях и на страницах специальных книг. Располагая чудесной машиной, я имел перед зоологами, биологами, ботаниками и собратьями-палеонтологами то завидное преимущество, что мне незачем было скитаться по бездорожью с рюкзаком, присматриваясь к обрывам по берегам рек и оврагов, и ползать на головокружительной высоте, прижимаясь к шершавым скалам, только для того, чтобы найти выпавший из бездны времени невзрачный обломок. Я должен был только раскрыть пошире глаза и смотреть вокруг на то, чего еще никто не видел. Я мог надеяться открыть тайну возникновения живого из неживого, тайну красной соленой крови, тайну первого стремительного прыжка и истошного вопля настигнутой жертвы. Я мог надеяться увидеть первый взмах крыла, усаженного перьями, и первое молоко, жирной густой



струйкой стекающее на маленький розовый язычок подслепова- того, беспомощного существа, которое, спустя сотню миллионов лет, преобразилось в человека. Я был полон самых радостных надежд и смутных, но осязаемых опасений...

Наступил день моего отъезда.

Проводив меня в кабинет, где стояла машина, Мнимый Путешественник по времени наскоро повторил последние полезные советы. Он настойчиво заклинал меня не оставлять механизм надолго без присмотра и, конечно, не удаляться от него.

— Не забыли взять фотоаппарат? — спохватился он, когда я уселся на жесткое сиденье машины.

— Об этом я позаботился прежде всего, — ответил я и указал на кожаные футляры, лежавшие поверх фляг и термосов. Два «Ленинграда», «Старт» и семь сменных объективов.

— Отлично, вы не останетесь без доказательств, как Челленджер у Конан-Дойля, — улыбнулся он. — В добрый путь!

Он кивнул мне, потом повернулся и тихо притворил за собой дверь гостиной. Я услышал, как в замочной скважине повернулся ключ, помедлил и, решившись наконец, обеими руками потянул на себя рычаг...

## СРЕДИ УМЕРШИХ МИРОВ

Не знаю почему, но инстинктивно я зажмурился. Мысли вдруг сразу разбежались, как трусливые кролики при виде коршуна. Странная пустота возникла в голове. Появилось отвратительное ощущение падения в пропасть. Тело утратило вес, и к горлу подступила тошнота.

Когда я открыл глаза, все пространство вокруг было исчерчено быстро сменявшимися темными и серыми полосами. Судя по стрелкам на индикаторах, мгновение назад машина молнией пронеслась через царствование египетского фараона Рамзеса II, а три секунды спустя я уже углубился в середину палеолита. Остановилась машина в этот момент — и мне открылись бы становища первобытных людей возле зияющих пещер во всем их диком своеобразии. Но я не задерживался, торопясь начать захватывающий обзор истории мира с того момента, когда наша Земля, ново-рожденная планета, едва начала остывать и покрываться непрочной корочкой затвердевшей магмы. Я собирался опуститься на самое дно океана Времени...

Машина стремительно разгонялась, стрелки индикаторов двигались всё быстрее. Сначала я ликовал, но потом мне стало как-то не по себе. Прошло около часа, индикаторы показывали, что все возможные стадии жизни на планете уже закончились или, правильнее сказать, еще не успели возникнуть, а машина с непрерывно возрастающей скоростью продолжала падать в бездонную пропасть миллионов, сотен миллионов, миллиардов лет.

Я лежал, откинувшись, в кресле, затянутый ремнями, и в оцепенении глядел перед собой. Серое мерцающее пространство вокруг гудело на высокой ноте, словно я находился возле мачты с проводами высокого напряжения. Странная мысль поразила и оглушила меня: сейчас я был единственным живым существом на всей планете, а может быть, и в ближайшей части Вселенной! Холодок ужаса подступил к сердцу, еще немного — и меня захлестнет волна безудержного, истерического страха...

Назад! Назад!! Я потянулся к рукояти управления и, собрав остаток сил, одним толчком отодвинул ее от себя.

Инерция у Машины времени оказалась огромной. При максимальном торможении она стремглав пронесла меня в седое первозданное прошлое еще на десятки миллионов лет!

Затем на краткий миг стрелки на индикаторах остановились и снова завертели, но в обратную сторону. Машина отпрянула назад. Я уменьшил скорость до минимума, лишь немного опережая естественное течение времени. Вокруг потемнело, и я почувствовал все усиливающийся жар. Стало нестерпимо душно. Я начал задыхаться, словно попал в раскаленную печь. Темнота сгущалась. И вдруг на меня обрушились потоки горячей воды. Я успел сообразить, что через секунду сварюсь заживо, и, хватая обжигающий воздух раскрытым ртом, рванул рычаг.

Мокрый, задыхающийся, ошеломленный тем, что произошло, я тем не менее сообразил: это была уже не космическая фаза в истории планеты. Формирование Земли закончилось, начиналось геологическое время. Я побывал где-то между космической эрой и архейской, когда возникли первые живые существа.

В то далекое время ужасающей силы горячие ливни непрерывно проливались на раскаленные кристаллические скалы безжизненной планеты и, шипя и взрываясь, обращались в пар. Сотни миллионов лет поверхность Земли не видела Солнце. Чудовищные, в десятки километров толщиной одеяла туч, низко нависавшие над голой буро-черной пустыней, скрывали звездное небо, обращенные в пар реки, моря и океаны. Лишь дрожащие ветви молний, полыхавшие от горизонта до горизонта, под неумолчный грохот освещали сиреневым и фиолетовым пламе-



нем остывающий мир. Но понемногу земная кора остывала, в толщах туч появились просветы. Становилось светлее.

Как пуст и страшен был этот мир, мир резких контрастов, встававший в красно-бурых и желто-черных тонах! Ливни кипящими потоками стекали с голых утесов, и земля мгновенно поглощала их. Выжженные теснины сжимали реки. Глыбы скал были иссечены трещинами, обнажавшими рудные жилы, затоплены лавами. Груды камня, похожие на кучи мертвых костей, громоздились у подножий острых хребтов. По всему лицу планеты зловещими опухольями вздымались кратеры вулканов. Багровые от зарева извержений ночи сменялись днями, желтыми от сернистого дыма.

Но наступила архейская эра — два миллиарда лет до нашего времени, когда первобытные моря во впадинах Земли перестали кипеть и испаряться. Пройдет еще немного времени, и они станут теплыми, как вода в ванне. И вот тогда в них начнутся чудесные превращения.

Жизнь возникла именно в воде, потому что без нее невозможно представить себе живой организм. Все химические процессы и обмен веществ мыслимы только в организме, насыщенном водой. Но каким образом возникла жизнь?

В те невообразимо давние времена океаны представляли собой густые «рассолы», растворы всевозможных солей, щелочей и металлов. Эти вещества не могли не вступать в реакции друг с другом. Образовывались всё более сложные и всё более стойкие молекулы, некоторые их виды обладали свойствами присоединять к себе из окружающего «рассола» новые вещества. Так начались сложнейшие химические процессы превращения неживого вещества в простейшие живые организмы. Эти процессы продолжались сотни миллионов лет, и вот непрозрачной белесой мутью поплыли по течению рой крохотных полупрозрачных существ. Воды были насыщены этой «живой пылью», и понадобился бы электронный микроскоп, чтобы разглядеть каждую отдельную «пылинку».

Живые «пылинки» гибли массами, течение увлекало их в места, где вода кипела над жерлом подводного вулкана, или во мрак неведомых глубин, где под чудовищным давлением и в вечной темноте эти искорки жизни быстро погибали. Но гигантские молекулы возникали невероятно быстро: погибших сменяли мириады новых.

Возможно, они были похожи на нынешние вирусы. Но они могли расти. Они увеличивались в размерах и усложнялись, причем усложнение это шло разными путями. Некоторые виды

микроорганизмов, достигнув определенной стадии развития, как будто на ней и останавливались. А другие продолжали изменяться. Менялась их структура, менялись способы обмена с окружающей средой. Менялась и сама среда. Из недр океанов росли континенты. Горные массивы проваливались бесследно под собственной тяжестью. Становилось то прохладнее, то теплее, воды океанов становились то более пресными, то более солеными. Природа словно ставила над жизнью эксперименты. Она необыкновенно точно отбирала существа с признаками, имевшими будущее, и развивала их; она же безжалостно «выпалывала» и уничтожала существа с признаками, которые не давали преимуществ или тормозили развитие в суровой борьбе за существование. Так развивался мир простейших существ.

Слизистые комочки становились крупнее. Они «научились» делиться и передавать прогрессивные признаки по наследству. Взаимодействуя с окружающей средой, они все более усложнялись, отдельные их группы все резче отличались друг от друга по способу существования.

Одни из них приобрели способность создавать свои крохотные тельца из углерода атмосферы с помощью солнечной энергии. Их пищей были простые неорганические соединения. Они стали простейшими растениями — сине-зелеными водорослями. Другие, давшие начало животному миру, продолжали строить свои ткани из органических веществ, которые они тоже получали из окружающей среды. Естественный отбор делал их все сложнее и обособленнее. Это из них постепенно сложилось все то разнообразие живого, которое теперь изумляет нас.

Никто никогда не наблюдал, как белковые тела преодолели бездонную пропасть, отделяющую их от первых организмов с клеточным строением. Чтобы преодолеть ее, понадобились сотни миллионов лет, а еще немного спустя появились и многоклеточные существа. Это было чрезвычайно важным событием в истории жизни.

Дело в том, что одноклеточный организм лишен возможности гибко и быстро прогрессировать. Одиночная клетка занята одновременно самыми различными делами: она заботится о питании, выполняет все сложные функции пищеварения, дышит (как амеба), двигается, заботится о защите и о многих других делах. Освободить себя хотя бы от одной из этих функций она не может, это было бы для нее губительным. На выполнение же всех этих функций уходит вся энергия клетки. У нее как бы не остается сил на то, чтобы, кроме того, еще расти и усложнять-

ся. Вот почему все высшие животные и растения — многоклеточные.

В сложных многоклеточных организмах различные группы клеток выполняют разные функции. Одни служат для дыхания, другие перерабатывают питательные продукты в вещества, удобные для усвоения, третьи разносят питательные соки всем клеткам. Все функции в живом организме поделены между большими группами клеток, и каждая группа занята каким-либо одним или несколькими делами «по специальности».

Древние многоклеточные организмы тоже пошли по разным путям развития. Некоторые осели на дно и прикрепились к нему, навсегда потеряв возможность передвигаться. Другие приобрели способность двигаться произвольно. Так появились, с одной стороны, водоросли, губки, а с другой — медузы и сифонофоры, кораллы, мшанки. Их появление относится к очень отдаленным временам, и тем не менее они почти не изменились до наших дней. После этого жизнь развивалась в водах морей и океанов еще около шестисот миллионов лет.

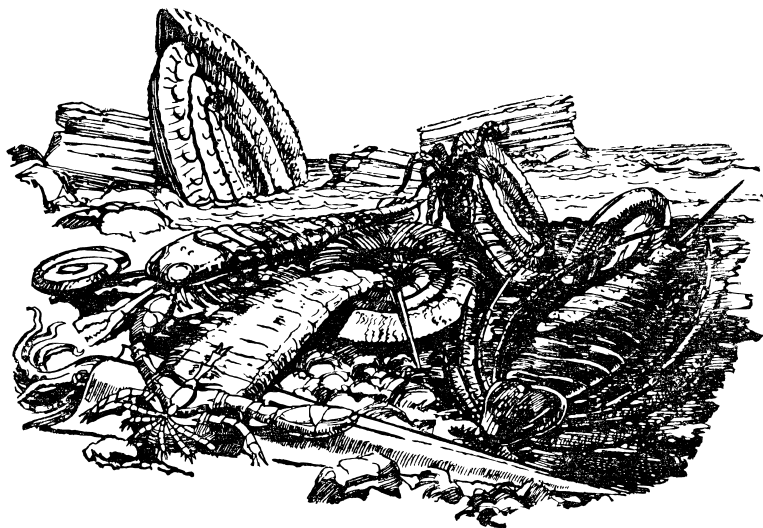
И сейчас животных, обитающих в воде, гораздо больше, чем на суше. Мы знаем, что жизнь в морях неизмеримо богаче и разнообразнее. В наше время в океанах и морях живет свыше ста пятидесяти тысяч видов животных и примерно десять тысяч видов водорослей. Ими пройден грандиозный путь эволюционного развития. Великими событиями была насыщена история жизни на заре времен с момента появления первых живых пылинков. Вот основные: возникновение многоклеточных организмов, появление и расцвет беспозвоночных и водорослей и возникновение позвоночных животных.

## ПОДВОДНЫЕ ДЖУНГЛИ СИЛУРА

Указатель геологического времени засвидетельствовал, что машина вырвалась в силурийский период, и я поспешно схватился за рычаг управления. Едва сквозь серую пелену «межвременного» пространства проступили яркие пятна нормального мира, как машина очутилась по щиток индикаторов в теплой спокойной воде. Я расстегнул ремни и вскарабкался на сиденье с ногами. Убедившись, что машина стоит прочно, я выпрямился во весь рост и огляделся.

Видимо, машина угодила на мелководье силурийского моря.





*Волны выбрасывали на берег силурийского моря гигантских  
ракоскорпионов и аммонитов.*

Глубина здесь была невелика, всего около метра. Яркое солнце насквозь пронизывало толщу воды, песчаное дно усеивали светлые пляшущие зайчики. Мне была видна каждая песчинка. Вокруг машины копошились десятки и сотни странных животных, напоминающих теперешних мечехвостов, мокриц и раков. Я без труда узнал в них трилобитов — их тела отчетливо делились на три части, чем они и заслужили свое название (трилобит — значит трехдольчатый). Они были разного цвета, некоторые окрашены очень пестро. Величина их тоже была разной, я видел мальков с пшеничное зерно и настоящих исполинов длиной в метр.

Трилобиты были одеты в панцирь, но он покрывал мягкие части животного не сплошным щитом, а отдельными сегментами. Трилобит мог свободно свернуться кольцом, как это делают в минуту опасности мокрицы.

Видимо, на этом заливе трилобиты чувствовали себя особенно привольно. Они энергично двигались во всех направлениях, ползали по песку и проплывали над дном. Некоторые копошились в ямках, вырытых в песке и иле. У трилобитов было множество плавательных ножек, выступающих по бокам пан-

циря наподобие весел у галеры, одинаково годных и для плавания и для разгребания песка. Трилобиты питались гниющими остатками животных и растений, поэтому их называют мусорщиками палеозоя.

Насмотревшись на трилобитов, я обратил внимание на морских ежей, напоминавших дыни, яблоки и тыквы. Даже слепящие блески солнца не мешали различить причудливый дырчатый орнамент, покрывавший их филигранные панцири. Между ежами, как страшные медузы-горгоны, высились офиуры. Они имели вид толстого приземистого ствола с пятью отростками, которые бесконечно ветвились, устилая дно красными, бурыми и черными шевелящимися нитями. Тут же копошились голотурии, цистондеи, морские яблоки — известковые «фрукты» подводного сада.

Невдалеке плавали граптолиты. Они напоминали большие слизистые шары, качавшиеся на поверхности. Большой сверкающий мешок лежал на нескольких маленьких, вокруг которых, как розовая бахрома, свешивались иссеченные прорезами перья.

Покой и довольство царили на мелководье. Трилобиты звучно терлись друг о друга жесткими панцирями. Большой проворный трилобит нежно-розового цвета, торопливо взмахивая ногами-веслами, настойчиво преследовал своего более мелкого собрата, и оба скрылись в карминных зарослях мшанок и ленточных водорослей.

Внезапно из этих зарослей пурпурной молнией вырвалась гигантская остроконечная стрела. Она пробуравила воду в двух метрах от машины и с пронзительным скрипом воткнулась заостренным концом в основание крупной губки, равнодушно вышавшейся в копошащейся гуще трилобитов.

Собрав венцом пурпурные щупальца, из раструба узкого трехметрового конуса, увязшего в волокнистой массе губки, медленно высунулся крупный спрут — ортоцератит. В его больших блестящих глазах то раскрывалась, то смыкалась поперечная щель зрачка.

Пытаясь освободить свою раковину, он несколько раз подряд выбросил мощные струи воды, которые могли бы придать ему стремительность и ударную силу артиллерийского снаряда. Но расписанная узорами конусообразная раковина только еще глубже вошла в ткань губки. Тогда спрут пришел в неистовство. Губка и раковина затряслись от бешеных толчков, поднялись и рассеялись тучи песка и ила. Затем спрут внезапно затих. С чувством омерзения я увидел, как его щупальца зашевелились и, вытягиваясь, стали расходиться в стороны, нащупывая опору.

У него было не менее десятка щупалец, и каждое было усеяно, как струпьями проказы, толстыми, кровавого цвета присосками. Прошла минута, другая, щупальца напряглись, зарываясь в песок. Неожиданно раковина качнулась и, выскользнув из недр губки, мягко упала на дно.

Только теперь я заметил, что волнистый песок вокруг губки покрывают свернувшиеся в маленькие мешковидные шары и многоугольники трилобиты. Некоторые из них лежали неподвижно, будто приклеенные ко дну, другие с видимым трудом передвигали свое неуклюжее тело, заключенное в твердый хитиновый панцирь.

Появление на мелководье спрута-ортоцератита вызвало среди трилобитов настоящую панику. Началось истребление. На моих глазах нервно подергивающиеся щупальца ортоцератита быстро опрокидывали на спину одного трилобита за другим. Трилобит снизу беззащитен. Заработал страшный попугающий клюв спрута, и обломки скорлуп медленно поплыли по едва заметному течению. Трилобиты либо не могли, либо не надеялись спастись бегством. Они сворачивались широким плоским кольцом и замирали, подставляя врагу хитиновую скорлупу, или, поднимая облачка мути, зарывались в ил.

Но пиршество спрута продолжалось, клюв с хрустом раздирал тела, пока какой-то новый темный инстинкт или удовлетворенный аппетит не оторвали ортоцератита от обильного стола, и он внезапно унесся вдаль и скрылся в темных расщелинах подводных рифов, в темной массе подводных джунглей, колышущейся у многоцветной поросли кораллов. Но там были не заросли безобидных водорослей, а укрепившиеся на камнях жесткие известковые стебли сидячих спрутов-лилий. Эти, густо сидевшие, гладкие и суставчатые, расширялись сверху наподобие чашечек цветка, из которых частой бахромой подымался букет обманчивых лепестков-щупалец.

Вдруг чудовищная малиновая клешня, шелкнув, вцепилась в манжет моих мокрых брюк.

Я мгновенно потерял интерес к фауне силура и с силой выдернул ногу, едва не потеряв равновесие. Мой несообразительный противник отпрянул и попятился. С внутренней дрожью и отвращением рассматривал я эту первобытную диковину длиной в три метра, в которой было нечто и от громадного рака, и от скорпиона. Это и был ракоскорпион-птеригот. Весь членистый, вооруженный огромными клешнями, со множеством простых граненых глаз, усыпавших радужными чечевицами выпуклую головогрудь, он поплыл, огибая машину, взмахивая хвостом с

роговой шпорой на конце и загибая им воду, как веслом. Только первобытные спруты, «упакованные» в свои толстостенные раковины, могли противостоять его нападению. Только несъедобные известковые губки и кораллы могли не опасаться его. А его соперниками могли быть только другие ракоскорпионы, например стилонур с непомерно длинными и тонкими ходильными ногами и плавательными ножками. К счастью, птеригот почему-то перестал интересоваться мной и уплыл в заросли.

А поодаль, в открытом океане, уступами гигантской лестницы громоздились коралловые рифы. Местами они сверкали снежной белизной, которая казалась даже неуместной среди ярко окрашенного растительного и животного мира теплых лагун и солнечного моря, обрамленного глыбами мертвого и живого камня. Белая пена покрывала шестигранные ноздреватые пирамидки, конусы и призмы, возведенные крошечными созданиями-строителями, которые тесно лепили друг к другу свои узорчатые соты. Живые вырастали на мертвых и потом погибали, чтобы, в свою очередь, стать надежным фундаментом для следующих поколений.

Я взглянул в сторону берега, подернутого туманной дымкой испарений. Где-то там, в сотне метров от меня, у границы, извечно отделяющей воду от суши, шла молчаливая упорная миллионолетняя борьба за жизнь.

Выброшенные на берег водоросли слабыми зелеными стебельками тянулись навстречу ветру и солнцу, ласковому и щедрому, гневному и беспощадному. Эти хилые растения были пионерами наземной флоры. Жизнь наступала на сушу.

## БЕСПОЗВОНОЧНЫЕ И ПОЗВОНОЧНЫЕ

Предками трилобитов и всех других силурийских животных, да, по сути, и нашими предками, были родственники медуз — гребневники. Это были, вероятно, неплохие пловцы, но какая-то неясная причина заставила их сменить способ передвижения. Они перестали плавать и начали ползать по дну. Постепенно тела их сплющились, голова развилась, брюшная и спинная часть стали более четко выражены. Через несколько миллионов лет они превратились в морских червей.

Морские черви ползали быстро. У них увеличивались мышечные волокна, сформировались нервная, пищеварительная и



кровеносная системы и многие другие органы. Появились кольчатые черви — кольцецы, они дали начало членистоногим животным. Придатки по бокам тела превратились в суставчатые ножки, которые обрели способность к сложным движениям. Наметился и развился головной мозг, нервная система намного усложнилась, глаза стали очень совершенными органами. Так постепенно сформировались мокрицеподобные трилобиты, рако-скорпионы и многие другие ракообразные. Затем, миллионы лет спустя, возникли насекомые, многоножки, пауки.

Сравнительная анатомия, палеонтология и эмбриология в один голос утверждают, что предками насекомых, многоножек и пауков были различные группы кольчатых червей. Пауки и их родственники произошли от одной группы кольцецов, многоножки и насекомые — от другой, а раки — от третьей. Моллюски тоже произошли от кольцецов, но у них выработался иной тип строения, не членистый, а так называемый концентрированный. Все основные классы моллюсков появились более пятисот миллионов лет назад.

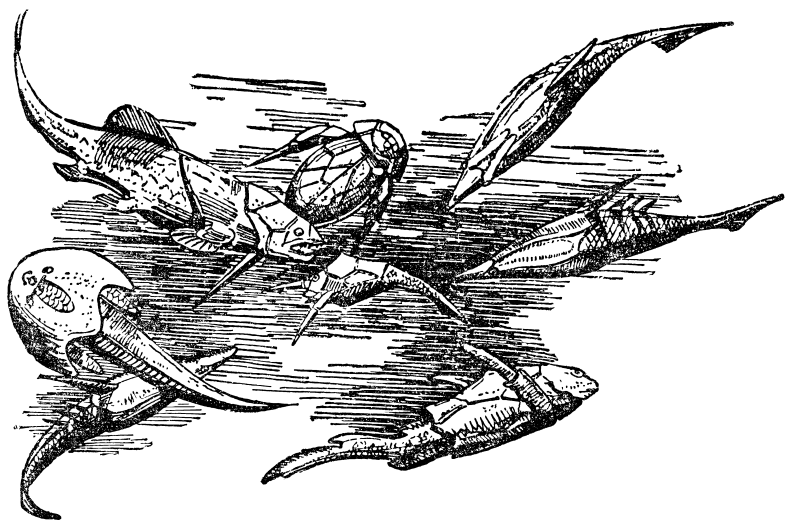
Но это произошло еще на заре жизни — в архейскую и протерозойскую эры, а я находился уже в палеозойской эре.

Силурийский период принадлежит к палеозойской эре — эре древней жизни. Она началась пятьсот миллионов лет назад и продолжалась свыше трехсот миллионов лет. На ее протяжении жизнь в разных формах продолжала свое развитие. В обширном мире медуз, морских губок, иглокожих, к которым относятся морские ежи, офиуры, морские лилии, морские звезды, появились более сложно устроенные организмы: трилобиты, рако-скорпионы, неуловимые и могучие «ракеты моря» — спруты.

В конце силурийского периода, около четырехсот миллионов лет назад, появились рыбы. Их происхождение долгое время было загадкой для ученых.

От известных уже нам обитателей древнего океана до рыб путь немалый. Их строение слишком различно.

Тайна была открыта сравнительно недавно. Стало ясно, что рыбы тоже произошли от морских червеобразных животных. Ближе всего они стояли к миногам и миксиннам. Эти древние рыбы имели много общего с живущим в наше время маленьким рыбообразным животным — ланцетником. Ланцетник и сейчас обитает в теплых южных морях в песчаном грунте. Он очень интересен тем, что совмещает в себе признаки строения как беспозвоночных, так и позвоночных животных. Его длинное,



*Тела панцирных рыб были заключены в тяжелые костяные «футляры».*

заостренное книзу тело похоже на медицинский ланцет и состоит, как и у червеобразных, из ряда четко выраженных сегментов. С другой стороны, многое в ланцетнике роднит его с низшими хордовыми — асцидиями, или оболочниками. Как известно, основное отличие хордовых от беспозвоночных состоит в том, что они имеют спинную хрящевую струну, или окостеневший позвоночник. У таких животных головной мозг расположен перед передним концом хорды. Позвоночные, или хордовые, бывают снабжены сложно устроенными органами для дыхания — жабрами или легкими.

Те животные, которые могут быть названы первыми позвоночными, внешне весьма напоминали рыб. Но они были без челюстей и не имели парных плавников. Тело их было заключено в панцирь, сплошным тяжелым щитом покрывавший голову и переднюю часть туловища до хвоста.

«Тяжелое вооружение» погубило их, когда появились гораздо более подвижные конкуренты — хрящевые рыбы. А затем и они утратили былое величие и, если не считать акул и некоторых других рыб, ведущих свое начало из седых глубин времени, отступили перед полчищами прожорливых костистых рыб.

Исследователи долгое время не могли определить, в пресной или соленой воде возникли позвоночные.

Присутствие в морской воде в большом количестве растворенного кальция и окостенение хрящей в результате отложений кальция словно само собой подводит нас к логическому выводу, что это окостенение могло скорее начаться у рыб, живущих в морской воде. Однако в речной воде тоже растворен кальций, а позвоночник мог развиваться в результате активного противодействия текучим водам. Это противодействие требовало значительного мышечного напряжения, и понадобился костный прочный стержень, пронизывающий все тело, к которому могли прикрепляться сильные группы мышц. Известно, что соленость морской воды в те времена была невелика и, очевидно, позволяла рыбам довольно свободно переходить из воды с меньшей соленостью в большую, и наоборот. Так что до сих пор вопрос о возникновении позвоночных окончательно не решен.

## ПЛАВНИК ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ЛАПУ

Как мы уже говорили, растения совершили «подвиг»: они вышли из воды и заселили сушу. Это были псилофиты — странные и слабые растеньица, не выше четверти метра, немного похожие на плауны. Выполнив эту величайшую из задач природы, псилофиты обессилели и потеряли способность к дальнейшим изменениям, и уже другие растения, грубо оттеснив их, предприняли вторичное решительное и прочное завоевание суши. Победители в слепой и свирепой борьбе за существование не оставляют места побежденным. Поэтому низкорослые растеньица со слабыми корнями, впервые принесшие на сушу зеленый цвет, были истреблены и исчезли.

Вслед за растениями на сушу поползли первые животные. Это были кольчатые черви, предки дождевых червей, моллюски, древние пауки, многоножки и животные, которые позже превратились в насекомых. В авангарде «наступления» шел, по-видимому, скорпион. Но у него уже были не плавники, а суставчатые ножки, и дышал он в отличие от морских скорпионов не жабрами, а «легкими» — трахеями. Он был покрыт хитиновым покровом, непроницаемым для иссушающих солнечных лучей, и хитин помог ему остаться на берегу, когда моря начали отступать и заливы пересохли. Не имей скорпион такой надежной защиты, он высох бы от зноя, как это случается с медузами.

И здесь, конечно, не обошлось без жертв: несомненно, что бесчисленные поколения скорпионов погибли, не вынеся суровых требований, поставленных перед ними жизнью. Но все-таки погибали не все, а те, что выживали, перестали возвращаться в воду.

Многие из первопоселенцев суши словно «законсервировали» себя в первоначальном виде. Пройдут сотни миллионов лет, а пауки все так же останутся пауками и скорпионы останутся скорпионами.

В то время происходило много событий.

Там и сям на плоских материках застывала вода. Появлялись озера, лагуны и бесчисленные лужи солоноватой воды. Кое-где песчаные валы полностью отрезали их от океана. Зеленоватые полосы засохшей тины выступали по краям водоемов. Вокруг расстилались пески, местами окрашенные красным налетом окиси железа. И надо всем этим тяжелым пышащим шаром медленно катилось по бесцветному небу солнце.

В полдень уколы его жгучих стрел становились нестерпимы и от них с сухими щелчками лопались камни. Дрожали марева над раскаленными песками. Сухие вихри жадными языками слизывали тучи песка и, покрутив, засыпали ими полосы растрескавшейся солончаковой грязи.

Тысячи тонн воды громоздились в небе ослепительными белыми башнями и холмами облаков. Водоемы мелели, некоторые пересыхали совсем. Грозовые ливни наполняли их снова. Эти усыхающие солоноватые лужи кишели жизнью. В них копошились черви и плавали трилобиты.

А в тех лагунах, которые не потеряли связи с океаном, опенело застыли в мягких волнах ила, как в подушках, чудовища в панцирях — панцирные рыбы. Они пугали всех своим устрашающим видом и размерами. Их головы и туловища были покрыты прочными изогнутыми щитками. Стараясь передвигаться, они взмахивали, как птицы крыльями, своими плавниками.

Это движение поднимало муть, ил серым землистым облаком оседал на голый рыбий хвост. Несмотря на свою внешность, панцирные туши были не опасны. Они лишь могли рыться в иле и засасывать его.

Их ленивые тела, до половины забитые в костяной мешок, были лишены внутреннего скелета. Только здесь, на этих скудных илистых пастбищах, панцирные рыбы чувствовали себя в относительной безопасности. Иногда в пору ливней или в жестокие штормы, когда морские валы перекачивались через пес-



*Кистеперые рыбы часто выбирались на сушу.*

чаные барьеры, в тихих затоках появлялись непрошенные гости. Море выбрасывало акул и скатов, удары их могучих несимметричных хвостов поднимали бурю в зацветших полусонных прудах. Или в буйной ярости волны выкидывали на берег исполинские колеса, подернутые радужной рябью. Там, где эта двенадцатиметровая спираль раскручивалась, в воздухе взвивались десятки упругих змей с мускулистыми присосками. Окруженный венцом щупалец, хищно и холодно глядел на мир чудовищный спрут-аммонит.

И тогда в водах, тронутых гнилью, принималась за работу смерть. Каждый спасался, как только мог: старались слиться с илом панцирные рыбы, мокрицеподобные трилобиты — потомки покорителей моря, свертывались в шары, пряча внутрь ножки-плавники. Но проворные челюсти акул и смертоносные щупальца спрутов находили своих жертв всюду. Оседали в вязкую муть обломки опустевших панцирей и скорлуп.



Там, где стоячие затоны сменяли море, нашли приют небольшие неказистые рыбки. Их телам не доставало стройности и обтекаемости. Они были похожи на небрежно выточенный брусок, а чешуя их напоминала насечку на напильнике. Эти рыбки были неважными пловцами и предпочитали ползать по дну в мелких укромных местах, цепляясь за тину двумя парами длинных узких плавников. Это были очень странные плавники, меньше всего они годились для плавания: колючие лучи топорщились в них, как растопыренные пальцы. Это были рыбы кистеперы.

В стоячей воде было смертельно душно, и рыбы приподнимались на плавниках, глотком захватывая воздух с поверхности. С этими беднягами природа шутила злые шутки: когда вытяжные насосы засухи забирали слишком много воды, рыбы оказывались в просыхающей тине. Тесня друг друга и толкаясь, они забирались в последнюю яму с мокрым илом в поисках уходящей влаги.

Потом они делали отчаянные попытки доползти на своих растопыренных плавниках до ближайшей поблескивающей лужи. Они глотали сухой воздух и захлебывались, и десятки их так и оставались на раскаленной песчаной косе: подсохшие жабры лишали их кислорода, и они умирали от удушья. И только самые сильные и выносливые, давя издыхающих червей и подминая под себя обмякшие водоросли, добирались до цели, скатившись по берегу, и, обессиленные, с болезненно пульсирующими сердцами, погружали головы в теплую воду.

Этим рыбам помогло то, что в их плавниках было больше мускулов и сам плавник напоминал лапу. Их плавательный пузырь, оплетенный сетью кровеносных сосудов, еще не был легкими, но уже не боялся воздуха. Если бы не недостаток кислорода, то рыбы не стремились бы выйти на сушу, ибо здесь эти нескладные создания были в большей безопасности, чем в родной стихии. Так, ковыляя на плавниках, они добирались до затонов, берега которых заросли растениями.

Плавники были парными — передние и задние — и довольно мясисты, а их длинные стержни покрыты чешуей. У некоторых из кистеперых плавники расщепились на пять гибких лучей; такими конечностями было удобнее пользоваться на суше: мускулы четко сгибали их в сочленениях, отдаленно напоминавших пятипалую кисть. Кистеперы уже утратили ненужный на суше рыбий хвост, он вытянулся и остался без плавника. Кости их головы разрослись в плоские тяжелые костяные щиты, костяные бляхи усеивали кожу. Тела, цвета тины, были сплюснуты и широки.

Некоторые кистеперые рыбы — остеолепиды — оказались наиболее склонными к прогрессивным переменам, они-то и дали начало первым четвероногим.

Растения в девоне, а это был уже девон — триста десять миллионов лет назад, мало напоминали те, что мы привыкли видеть вокруг себя. Выросшие в иле, невысокие, они казались ветвящимися трубочками. Внутри трубочек проходил древесный остов, не позволявший им обвисать, а на верхушках над водой набухали темные гроздья спор. Их мелкую пыль разносил ветер, и на влажном жирном иле каждая пылинка прорастала в новую зеленую трубочку.

...Вдруг внезапный всплеск вернул меня к действительности. Спугнув стайку мальков, большой кистепер, спасаясь от хищника, выпрыгнул на сушу. Вихляясь и изгибаясь, он поволок свое неуклюжее туловище по растрескавшейся глине. Он словно шел на плавниках, да и были ли они уже плавниками? Скорее всего это были плавники-ноги.

Но пора в путь. Я медленно потянул рычаги.

## В СУМРАКЕ БЕЗМОЛВНЫХ ЛЕСОВ

Силурийский период остался далеко позади, пора было тор-мозить, но меня вновь охватило отвратительное чувство беспомощности и страха. Даже сейчас мне неприятно вспоминать об этом, но тогда волнение достигло наивысшей степени. Моя рука с побелевшими суставами рефлексивно сжимала рукоять.

— Ну, кажется, пора, — как можно тверже сказал я вслух самому себе, когда стрелка на указателе поползла через первые миллионы лет каменноугольного периода, и судорожным движением нажал на рычаг.

Когда машина остановилась, я опять обнаружил, что сижу с зажмуренными глазами. Воздух был теплый и влажный, в нос бил отвратительный запах гнили. Я открыл глаза, но ничего не увидел. Меня окружала крошечная тьма. Тогда я сообразил, что оказался в одной из бесчисленных ночей середины каменноугольного периода.

Прислушиваясь к странным шорохам, я безуспешно пытался нащупать в рюкзаке фонарь, но нашел только спички. Никогда еще ночь не казалась такой непроглядной. Тропические ночи на экваторе в наше время могли показаться прозрачными сумерками по сравнению с обступившей меня угольной чернотой.

Но если мне не могли помочь глаза, то другие органы чувств не бездействовали. В особенности обоняние.

В жарком воздухе стоял густой, тяжелый смрад застойных маслянистых болотных вод, болотных трав и сырой ржавой заплесневелой земли. Временами к душному тошнотворному запаху гниющих растений и трупов примешивался дурманящий запах грибов и, что было уже совсем непереносимо, удушливая вонь сернистых газов. Дышать в этой затхлой оранжевой атмосфере было трудно. Кислорода явно нехватало, ритм дыхания учащался. Теплая липкая сырость невидимым покрывалом легла на лицо и руки.

Во мне вдруг проснулся острый интерес к этому игравшему со мной в прятки миру, и я чиркнул спичку... Но едва вспыхнул маленький огонек, как совсем рядом раздались звуки, похожие на глубокие затихающие всхлипывания. Я поднял спичку над головой, но только угол рамы моей машины тускло блеснул во тьме.

Эти жуткие всхлипывания напоминали жалобные стоны человека, передаваемые по уличному громкоговорителю. Странное гулкое эхо наполнило все пространство вокруг.

Вторая зажженная спичка вырвала из мрака буро-зеленый огромный ствол, который, как многоглазый великан, глянул на меня ромбическими струпами от опавших листьев. Я судорожно вытащил сразу несколько спичек, зажег их и смотрел, смотрел, не в силах оторваться, на жесткие выпуклые ромбы на шкуре живого патриарха каменноугольных лесов — лепидодендрона диаметром в три или четыре метра... А по сторонам его из отпрянувшей темноты смутно выступили силуэты других величественных колонн.

У подножия этих гигантов, в зеленых пузырях накали и в какой-то ядовитой поросли, виднелись их ветвящиеся корни; от ствола отходил в сторону один крупный корень, который затем расщеплялся надвое, и так несколько раз. Окаменелые пни с такими огромными корнями палеонтологи называют стигмариями.

Догоревшие спички погасли, и в ту же секунду дремотную тишину всколыхнул квакающий рев. Как будто взревел огромный бык, захлебываясь и пуская пузыри в невидимой воде. Этот крик гулко разнесся в отдалении, и снова вспугнутое эхо застало в недрах полузатопленного молчаливого леса от ствола к стволу, то убегая и замирая, то возвращаясь и проносясь где-то поблизости, пока не утонуло в мягкой замшелой чаще.

Я истратил полкоробка спичек, стараясь разглядеть ближайшие метры окружавшего пространства. Потом я долго сидел в

кромешной тьме и в душных испарениях, нетерпеливо ожидая рассвета и едва удерживаясь, чтобы не спрыгнуть с кресла и устремиться в недра каменноугольного леса.

Внезапно небо на западе озарилось кровавым светом. Видимо, где-то за горизонтом началось извержение вулкана, но я даже не обернулся, пораженный видом фантастических силуэтов, четко выступивших на фоне словно подожженных туч.

Перистые канделябры, гигантские пушистые хвосты, чудовищные шишки листьев по концам развилин и ажурные, тончайшей работы кружева ветвей, похожие на пальмы, но с рисунком изящней и нежней, заткали пылающий небосвод в сорока — пятидесяти метрах над моей головой.

Это была буйная флора примитивов. Мхи, плауны, хвощи и папоротники наших дней довольствуются положением, мало отличным от удела трав. Грибы, как известно, тоже не претендуют на видное место в современном учебнике ботаники. Но здесь эти растительные чудовища, насквозь пропитанные дурно пахнущей гнилой водой, превзошли по пышности величавую и расточительную щедрость нынешних тропических лесов.

Я засмотрелся на прямые, как колонны, без ветвей сигиллярии, похожие на ламповый ершик с густой щетиной из листьев, потом перевел взгляд на рубчатые стволы лепидодендронов с редкими, похожими на растопыренные пальцы ветвями. А позади меня тонула в красноватой мгле поросль гигантских тридцатиметровых каламитов, похожих на тысячекратно увеличенные хвощи. Каламиты поднимали над водой десятки ярусов палочковидных звездчатых ветвей, кружками опоясывавших ствол.

Это были потомки и преемники псилофитов. Они заселили все пространство: и открытые воды, и заболоченные почвы. Земля этого периода почти не знала солнечных лужаек и полей, а если изредка они и попадались, то их спешили захватить древовидные семенные папоротники и усыпанные иглами исполины кордаиты, ставшие впоследствии предками наших хвойных.

Эти размножавшиеся спорами чешуйчатые гиганты, отмерев, падали пластами на дно болот, озер и заболоченных заливов. Веками они заносились осадками и уплотнялись, покрывались сверху новыми пластами и все больше сдавливались и спрессовывались, пока, вовлеченные в круговорот химических превращений, не обращались многие десятки миллионов лет спустя в плотный блестящий антрацит.

Тучи над лесом разгорались, будто объятые пожаром, а с запада, все нарастая, надвигался гул, перемежающийся по временам с гневным грохочущим рокотом.

Огненный смерч на западе дрожал и вибрировал, и среди чернильных пятен и штрихов, которыми был испещрен весь участок леса, тут и там на глянцевиных со струпьями стволах плясали и кривлялись злоеющие блики.

«Теперь достаточно света», — подумал я и ступил на зыбкую почву девственного леса. По щиколотку погружаясь в жижу, с грудом вытаскивая ноги, я медленно пошел между стволами прямо вперед, навстречу свету, балансируя, чтобы не потерять равновесия. Впереди громоздились поваленные полусгнившие стволы.

Глаза постепенно привыкали к красному сумраку, я стал лучше видеть. Величавость и суровость этого леса действовали угнетающе. Напрасно было бы искать в нем светлую веселую листву или хотя бы скромно окрашенные цветы. Не было и пестрокрылых бабочек, суетливых шмелей и пчел, невозможно было бы увидеть и ярких жуков, хотя лес изобилдовал насекомыми от корней и до вершин. Не успев сделать и десяти шагов, я наткнулся на лесного клопа-левиафана величиной с перепела и тут же поспешно отпрянул в сторону, потому что увидел спускавшегося на меня громадного паука. Он висел, покачиваясь, с растопыренными коленчатыми ногами, на конце толстого, сверкавшего рубиновыми искрами шнура. Мне на мгновение представилось, что, попав в соответствующего размера паутину, человек мог бы запутаться в ней, как в капроновых шнурах или в сетях для ловли зверей.

Отойдя подальше от паука, я заметил тускло мерцавшее радужное пятно вытянутой формы. Это было чудовище, похожее на сверчка или кузнечика, но размерами с крупную ворону. Заря в неурочный час разбудила это фантастическое существо, и оно громко и недовольно скрипело челюстями. Другое такое же создание, но в тусклом монашьем одеянии, издавало жалобный скребуший звук.

Две меганейры-стрекозы, треща полуметровыми крыльями, кинулись на третью и жадно растерзали ее. Затаив дыхание, в немом изумлении я наблюдал за молниеносными перипетиями разыгравшейся воздушной драмы: не успели изломанные слюдяные крылья опуститься вниз, как сине-зеленые красавицы, покончив с ужином и подругой, взмыли к небу и, сверкнув на миг роскошной россыпью огней, скрылись в перистых султанах папоротников.

Я продолжал свой путь, а кругом шныряли полуметровые тараканы, и в затяжных прыжках проносились гигантские блохи.

Отсветы вулкана по-прежнему танцевали в небе и опаляли





*Гигантские стрекозы, трепеща радужными полуметровыми крыльями, мелькали среди древовидных папоротников.*

облака, озаряя местность неверным мигающим светом. Подойдя, чмокала и хлюпала трясина, и не раз мне приходилось балансировать на одной ноге, пока глаза, утомленные багровым светом, различали очередную шаткую опору. Мягкие, пушистые кочки и полузатонувшие и наполовину истлевшие стволы лесных исполинов усеивали дно леса. Под корой и в дуплах, в гниющей древесине — всюду, покрывая землю, копошились бледно-зеленые, полупрозрачные скорпионы и многоножки, во много раз превосходившие размерами тропических сколопендр...

Я шел, увязая в скользкой мякоти кочек, тыча перед собой обломком каламитовой палки. Вдруг одна из кочек, едва я ступил на нее, сдвинулась с места и поплыла, издавая глухие булькающие звуки, а я, провалившись по колено в воду, растерянно следил за ней.

Я, конечно, отлично знал, что каменноугольный период — это «рай» амфибий и что в каждой лесной прогалине их должно быть несметное количество. И все же столкновение носом к носу с трехметровым чудовищем, плоским, с широкой мордой в треть длины туловища и с пастью, усаженной по краям и на небе крокодильими зубами, застигло меня врасплох. Животное широко распахнуло вместительную пасть с мясистым розовым языком и, приподняв голову, как это свойственно крокодилам, побежало ко мне.

Слабые коротенькие лапки этой каменноугольной химеры явно не соответствовали своему назначению. Нелепое толстобрюхое существо, стегоцефал, так откровенно жаждавший контакта с человеком, на каждом шагу тыкался мордой в болотную жижу, но это не смущало его.

Меня охватило бешенство: тупая, жадная безмозглая тварь, едва ушедшая в развитии от примитивных рыб, возымела намерение закусить мною. Я крепко сжал в руке каламитовую палку.

Тут он набросился на меня. Я увернулся и изо всех сил треснул его палкой по спине. Стегоцефал только ухнул, неуклюже повернулся и упал снова. Тогда я стал колотить его по чему попало, пока случайно не повредил ему глаз. Он завертелся от боли, хватая зубами стволы растений и перемалывая их в щепы. Так я и оставил его беснующимся, вертящимся по кругу — чудовищную зубастую лягушку с коротким толстым хвостом и уродливыми маленькими лапами. Скоро его скрыли от меня деревья, и только злобное уханье и бульканье еще долго преследовало меня.

Вдруг я увидел сразу трех дипловертебронов. Эти существа



*Стегоцефалы терпеливо поджидали добычу.*

не превышали двух третей метра. Они безмятежно нежились над водой на большой коряге упавшего каламита и смотрели на меня сонными глазами. Их короткие хвосты свисали в воду, и, если бы светило солнце, можно было бы подумать, что они специально приползли сюда принять солнечные ванны. У самой воды в развилке корней гигантского лепидодендрона неподвижно лежало животное, похожее и на рыбу и на земноводное. Его тело было толстым и плоским, с крохотными лапками. Я не без труда узнал в нем эогиринуса. Передние лапы были хорошо видны, но задней половины туловища не было совсем, она точно была отрублена топором. Эогиринус был бездыханен, с впавшими мутными глазами. А между тем эта тварь даже для земноводного имела внушительные размеры — свыше четырех с половиной метров, и справиться с ним мог только еще более крупный хищник.

Я не стал задерживаться возле жертвы богатырского аппетита и, повернувшись, едва не попал в предусмотрительно открытую пасть эриопса. Полуметровый панцирноголовый гад с короткими толстенькими ножками являлся образцом бесчисленных живых капканов, усеивавших все леса на планете и подстерегавших свой обед в молчании и неподвижности.

## ЖИВЫЕ КАПКАНЫ КАРБОНА

Стоило только поискать, и я мог бы обнаружить их сотни на каждом квадратном километре. Задумчиво неподвижные, с устремленным в поднебесье взглядом они с бесконечным терпением ждали, когда случаю будет угодно накормить их. Даже наши современные крокодилы, прекрасные образцы невозмутимости, могли бы позавидовать выдержке стегоцефалов каменноугольного периода. Их иногда называют также лабиринтодонтами, что означает «лабиринтозубые», поскольку на разрезе зубы этих земноводных имеют сложный запутанный рисунок лабиринта.

Происшествие со стегоцефалом заставило меня насторожиться. Я понимал, что если пасть одного из них захлопнется у меня на ноге — это грозит большими неприятностями: сила их гигантских челюстей — это сила мощной пружины медвежьего капкана, а может быть, и еще больше. Вереница острых зубов, обрамляющих пасть, или раздробит мне кости, или чулком сни-

мет с них мускулы... А в здешнем климате даже легкая царапина в несколько часов превратится в гноящуюся рану.

Исполненная неподвижности задумчивость стегоцефалов навела меня на мысль: всегда ли они сознают, когда что-либо попадает им в пасть. Мне пришлось видеть, с какой неуволимой стремительностью захлопывалась пасть стегоцефалов. Это происходило словно автоматически, без участия их «сознания», и мечтательное выражение так и не исчезало с их морд.

Я немного сбился с пути и в поисках машины вышел к болоту, уходившему на сотни метров в темную глубину леса из полузатопленных сигиллярий.

Здесь я был свидетелем картины, какую никому и никогда еще не приходилось наблюдать. Я оказался в настоящем «раю амфибий». Болото кишело ими. Поваленные стволы создавали нечто вроде помостов, на которых, словно мухи, сидели амфибии. Одни из них неподвижными, ярко размаляванными чучелами высовывались из воды, и только ритмичная пульсация горлового мешка говорила о том, что это живые существа. Другие с характерной для амфибий и рептилий внезапной сменой покоя и стремительного движения то быстро семенили, загребая лапами по полусгнившим бревнам, то застывали, будто примеряясь для следующего броска. Разноголосые булькающие и похожие на мычание звуки не умолкали на этом «амфибном курорте».

Я вернулся к Машине времени. Она вся была изукрашена брызгами тины и грязными следами четырехпалых лап.

На востоке, разгоняя полумрак, в побледневших скачущих бликах пламени извергающегося вулкана восходило солнце. С чувством облегчения, весь в грязи, перепачканный и промокший, я взобрался на Машину и без сил упал в кресло... Только через час я смог взяться за рычаги и продолжать свое путешествие.

## В НЕДРАХ ОТЖИВАЮЩЕГО МИРА

В каменноугольном периоде климат Земли был жаркий и влажный — парниковый. Плоские берега материков были заболоченными и низменными. На них поднимались гигантские леса, почти затопленные пресными и морскими водами. Эти сумрачные пышные леса представляли как бы промежуточную среду между водой и сухой.

Именно такая среда могла взрастить громадных родичей те-

перешней лягушки, древнейших амфибий-стегоцефалов. Мы уже знаем, что эти существа прибегали к пассивному способу питания. Они подстерегали добычу, лежа в болотах с распахнутыми пастьми, — настоящие живые капканы с огромными челюстями, покрытыми по краям рядами мелких зубов, и с редкими, но крупными колющими зубами на нёбе.

Организм амфибий словно остановился на полдороге между чисто водным существованием и сухопутным. Голая кожа не защищала их организм от высыхания, и они должны были оставаться в сырых местах. Они не могли размножаться без воды, поскольку их яйца и личинки развиваются лишь в воде. Они вообще не могли жить без воды, потому что в начальный период жизни дышали жабрами и только потом, в зрелом возрасте, переходили на легочное дыхание.

Пока вся планета представляла собой гигантское болото, процветал мир амфибий.

Их незыблемое благополучие, длившееся свыше ста миллионов лет, впервые пошатнулось в пермский период, двести двадцать миллионов лет назад. С его началом открывается эпоха значительных поднятий земной коры, одновременно в ряде мест на планете наступают оледенения. Воздух над мутно-зелеными просторами дебрей стынет, климат суровеет, резче, четче проступают климатические зоны планеты. Теплолюбивые леса карбона исчезают, сменяясь прохладными пустынями.

Среди лабиринтодонтос стали возникать животные с гораздо более совершенной организацией. Это были рептилии, и первые из них появились в каменноугольный период. Рептилии откладывают яйца прямо на суше, а их кожа с роговым чехлом чешуи защищена от высыхания, что позволяет им жить даже в сухом климате.

Невыгодные для амфибий перемены оказались очень выгодными для рептилий. Их организм был лучше приспособлен к наступившим переменам, и они сделались энергичными завоевателями обширных пустынных пространств внутри материков.

Если не считать насекомых, именно рептилии стали первыми сухопутными существами, в дальнейшем же они завоевали и море и воздух. Так в пермский период начинается пышный расцвет рептилий. Они заняли обширные территории с умеренным климатом, где стала процветать совершенно особая фауна.

Тогда же, в пермский период, среди рептилий зародились существа с признаками самой совершенной организации. Это были непосредственные предки млекопитающих, так называемые звероподобные, или зверозубые ящеры. Несмотря на то что



расцвет млекопитающих наступил значительно позднее, это было гигантским шагом вперед в эволюционном развитии природы, и в сравнении с ним дальнейшее усиление класса рептилий и их необычайно бурное развитие в мезозойской эре было только временным и, вероятно, случайным торжеством менее развитых живых существ над более развитыми, торжеством, обусловленным исключительно благоприятными условиями.

Это происходило двести миллионов лет назад. В течение пермского периода стегоцефалов снова отнесли обратно в воду, и в следующем периоде, триасовом — первом периоде следующей эры — мезозойской, стегоцефалы вымирают, и амфибии навсегда теряют свое значение. Пермский период является одним из самых важных в истории позвоночных животных.

## ОПАСНАЯ ВСТРЕЧА

Я оказался в пермском периоде в тот утренний час, когда небосвод окрасился теплыми тонами рассвета, а в свежем воздухе, колыхаясь, тлел туман. Я слез с машины и медленно, непрестанно оглядываясь, пошел между громадными валунами, разбросанными вокруг. Среди них подымались огромные зеленоватые стволы кордаитов, хвощеподобных калямитов стало намного меньше, а те, которые остались, сделались гораздо ниже. Бесконечные безрадостные леса из лепидодендронов, сигиллярий и древовидных папоротников поределели. Земля будто облысела и открыла огромные оголенные пространства. Болота и реки обмелели, и изнеженная растительность, нуждавшаяся в непомерных количествах воды, теперь оскудевала и жалась к сильно сократившимся топям.

Место было открытое, и моя машина виднелась издалека.

Подернутые тонкой прозрачной дымкой редющего тумана, предметы вокруг меня казались плоскими декорациями, словно нарисованными и вырезанными из картона или фанеры. Кругом царила тишина, нарушаемая лишь звоном невидимого ручья, как вдруг в отдалении возник легкий гул или рокот, словно тяжело груженный товарный состав проезжал по небольшому железному мосту.

Низкий хриплый рев покатился по окрестности. И в тот же миг почва под ногами дрогнула, заколебалась и скользнула влево, весь пейзаж передо мной как бы сместился. «Землетрясение», — понял я, и в тот же момент меня бросило оземь. Рокот

быстро замирал вдали. Отряхивая с колен пыль, я прислушался. Чего-то не хватало?! Да, замолкло журчание ручья!

В эту минуту интуиция подсказала мне, что я являюсь объектом пристального наблюдения. На лбу у меня выступила холодная испарина. Я невольно попятился к машине.

Тот, кто рассматривал меня, таился среди громадных валунов. Когда я пошел, он стал красться параллельно мне, двигаясь совсем неслышно. На какое-то мгновение я успел увидеть его через плечо: зверь был крупнее любого тигра, его покрывала чешуя землистого цвета. Затем я увидел его еще раз, когда он глядел в мою сторону, высунувшись из-за камней. Его огромную узкую голову можно было сравнить с топором дровосека. Как у всякой рептилии, щеки его не прикрывали великолепного набора больших желтых зубов и огромных, торчавших вниз клыков в верхней челюсти.

Мощь и свирепость этого приземистого массивного существа не вызывали сомнений. Не в силах оторвать от него глаз, я думал: «Так вот что за свирепый ящер назван именем профессора Иностранцева!» Да, иностранцевия выглядела весьма внушительно...

Пока я с лихорадочной поспешностью изыскивал пути спасения, иностранцевия повела себя так же, как и уссурийские тигры в клетке, когда к ним впускают козленка. Тигры пятаются от него в испуге, потому что никогда не встречали такого животного в тайге...

Иностранцевия не напала на меня: я со своей незнакомой и странной для нее внешностью, да вдобавок ко всему и двуногий, принадлежал к неизвестному ей миру, а поэтому вызывал недоверие и боязнь. Разгадав ее страх и колебания, я сделал шаг в ее сторону — это был мой единственный шанс. Тогда она медленно повернулась и, неуклюже переставляя короткие массивные, с огромными когтями лапы, стала удаляться.

Мне хотелось узнать, куда ведет хищный инстинкт этого тяжеловесного ящера, и я на некотором расстоянии последовал за ним.

## СХВАТКА В ПАПОРОТНИКАХ

Неожиданно иностранцевия резко свернула в сторону и в один момент проглотила живьем батрахозавра, или лягушкоящера — небольшое животное, стоящее по уровню развития где-то между амфибиями и рептилиями.

Рептилий здесь было много, и они поспешно разбегались при появлении иностранцев. Местность постепенно полого понижалась, видимо какие-то «компасы» вели моего зверя к реке. Его длинное узкое туловище продиралось через колючую зелень цикадовых пальм и беннеттитов с венцом листьев на высоком, в жестких черешках, стволе. Это была уже сухолюбивая флора, лишь по берегам рек и в болотах доживали свой длинный век исполины каменноугольного периода.

Неширокая река катила передо мной свои воды, и на противоположном берегу я заметил целое стадо странных созданий, названных в палеонтологии мосхопсами. Передние ноги мосхопсов были удивительно велики, очень массивной была и передняя часть крупного тяжелого туловища.

Обогнув песчаный косогор, я оказался над местом недавнего побоища.

Под широкими вайями папоротников еще сейчас шла какая-то возня. Судя по всему, минут двадцать назад небольшая группа иностранцев и их столь же огромных свирепых родственников — амалицких, блуждая по прибрежным зарослям, наткнулась на медлительное стадо растительноядных парейазавров, бегемотоподобных ящеров, приземистых и крайне неуклюжих, покрытых мелкими костяными шишками. Я подоспел уже к моменту несомненного и полного торжества огромных холоднокровных тиранов с короткими хвостами и двадцатисантиметровыми саблеподобными клыками.

Две иностранцев сидели на распластанных среди хвощей тушах парейазавров, чем-то напоминающих исполинских черепах. «Моя» иностранцев немедленно присоединилась к пирующим, и через минуту я уже не мог отличить ее от других. В вывалившихся из растерзанных тел внутренностях копались варанопсы, похожие на полуметровых такс с чрезмерно длинными голыми хвостами. Стайки проворных двуногих ящеров величиной с петуха и с петушиными повадками, с миниатюрными головками и поблескивавшими желтыми глазами суетливо бежали вокруг мелкими частыми шажками, путаясь под ногами своих могучих «патронов». Странно было думать, что именно они являются предками грядущих властелинов Земли — динозавров. На огромном пространстве возле побоища песок был залит кровью и истоптан запачканными в крови следами. Некоторые следы можно было принять за отпечатки человеческих рук и за курьи следы.

Припав к холодному песку, укрывшись за перистыми листьями папоротников и бочонкообразными стволами цикадовых

пальм, я всматривался в шевелящиеся груды темных чешуйчатых тел, откуда доносилось прерывистое урчание. От саговников странно пахло: это распустились за ночь большие, с блюдце величиной, розовые, белые и желтые цветы, почти в шахматном порядке усеивавшие их стволы.

Среди хищников вспыхивали ссоры. Одна иностранцевия с прокушенным черепом в конвульсиях сползла со спины добычи и тотчас же сделалась предметом самого пристального внимания юрких мышевидных существ с острыми бугорчатыми зубами. Началась шумная драка.

Вдали у трупов парейазавров хлопотали две амалицкии и одна иностранцевия. Иностранцевия первой накинулась на показавшуюся сквозь ребра печень. Видимо, в этом было усмотрено нарушение этикета, и нарушителя немедленно схватили за заднюю лапу и за хвост. Послышался лягз зубов и шум завязавшейся борьбы. Минуту спустя иностранцевия была сброшена в чашу хвощей, получив и раздав изрядное число ударов и укусов.

Выброшенная из-за «стола», она не захотела вновь ввязываться в неравную драку. Поспешно отбежав в сторону, она набросилась на одинокую амалицкию, нейтралитет был сразу утрачен, и над трупами завязалась всеобщая битва. Все кусались, царапали когтями, полосовали друг друга клыками. Все оказались недовольны друг другом, и родовых различий не делалось. Так кончили свои дни еще одна иностранцевия и две амалицкии.

Утолив жажду крови, покрытые зияющими ранами, прихрамывая и припадая на искусанные и парализованные конечности, притихшие, усталые, сытые и сонные, чудовища разбрелись по зарослям, чтобы впасть в оцепенение, подобное спячке, и переварить свою долю мяса, крови и костей.

Я так загляделся на эту сцену, что перестал обращать внимание на все остальное. И вдруг я почувствовал резкую боль. Ощущение было такое, словно кожу на руке ниже локтя больно сжали кусачками.

Я мгновенно обернулся: изящный двуногий ящер величиной с фокстерьера настойчиво предлагал мне свою дружбу. Чешуйчатый, весь в синих и малиновых разводах, он так и подпрыгивал от нетерпения и щипал мою руку беззубой и безгубой мордой-клювом. Он был так настойчив в проявлении своих чувств, что пришлось крепко стукнуть его по голове. Однако мне не удалось окончательно прогнать его, он отбегал, шипел, раздувал нижнюю часть шеи, вхохтал совсем как курица, только более

сипло, и снова возвращался. Не успел я оглянуться, как к нему на помощь сбежалась целая стая других мелких хищников — пермоцинодонов. Почему-то им понравились концы пальцев у меня на руках, и некоторые даже подпрыгивали, чтобы ущипнуть их.

Спасаясь бегством, я ускорил шаги и неожиданно очутился в местности, напоминающей пойму реки, изобиловавшую большими лужами и озерами.

## «ПАРУСА» В ЛЕСУ

На земле было очень сыро, пахло гнилью. Здесь было царство ушербного рода стегоцефалов. Я вскоре заметил очень своеобразное существо — двинозавра. Эта амфибия интересна тем, что у нее на всю жизнь сохранились характерные для личинок наружные жабры, как, например, у современного аксолотля.

Я стал вспоминать, были ли среди встреченных мною сегодня животных предки млекопитающих.

Этих животных ученые ищут среди так называемых синапсид — большой группы рептилий пермского периода, у которой имелся ряд признаков, сближающих их с млекопитающими.

В их черепе исчезают многие костные элементы, исчезает теменной глаз, затылочный мыщелок становится двойным, как у млекопитающих, зубы приобретают различное строение и делятся уже на резцы, клыки и коренные. У других, менее прогрессивных рептилий ничего подобного не было. Некоторые из синапсид приближались к млекопитающим и по скелету конечностей. Сейчас еще довольно трудно сказать, какие именно животные стали предками млекопитающих. Одно время полагали, что ими могли быть цинодонты из синапсид, но это недостаточно подтвержденная версия. Поиски продолжаются...

Едва я миновал озера дурнопахнущей воды со змеевидными обитателями и стал медленно подниматься на пологий склон небольшой возвышенности, как показалось существо с метровым парусом на спине... Парус протянулся от головы на короткой шее до хвоста. Подобно спинному плавнику у рыб, парус-перепонка был натянут на метровые невральные отростки позвонков. И, как реи на мачтах парусных кораблей, эти отростки имели поперечные перекаладины-шпы на разной высоте, сидевшие перпендикулярно к перепонке.



*Диметродон неторопливо насыщался.*

Этот громадный хищник — диметродон с трудом волочил по земле полуобглоданные останки амфибии-эриопса. Завидя меня, он остановился. Мне показалось, что он медленно «соображает», как ему поступить в таком непредвиденном случае.

Вдруг он выпустил добычу из пасти, и я услышал шипение и свист, будто диметродон заранее предостерегал меня от возможной попытки завладеть его соблазнительным блюдом. В густом сумраке чащи глаза его горели зловещим сине-зеленым пламенем.

Мы стояли друг против друга в напряженном ожидании — отступить значило навеки уронить собственное достоинство. Я сделал резкое движение, хлопнул в ладоши... и он напал! Приподнявшись на своих коротких, но сильных лапах и вытянув стрелой напрягшийся хвост, он разинул зубастую пасть и проворно засеменил мне навстречу. Отпрянув в сторону, я пропустил его мимо себя.

Диметродон пробежал метров шесть, остановился и стал медленно и недоуменно озираться по сторонам. Мой прыжок в сторону означал для него исчезновение, и тупая рептилия, потеряв меня из виду, не могла понять, что произошло.

Я решил наказать ее за дерзость. Осторожно подкравшись сзади и внезапно выскочив из-за укрытия, я толчком ноги в основание паруса опрокинул животное на бок. Его попытки

освободиться и выпрямиться были тщетны. Я закрепил его парус палкой, воткнутой в землю, и пошел отыскивать свои следы, чтобы вернуться к машине. Был момент, когда мне показалось, что я сбился с пути, но в действительности до машины было лишь полторы или две сотни метров.

Я переоделся, вытер лицо и руки одеколоном, забрался на сиденье и мгновенно заснул...

Не знаю, какие добрые духи охраняли мой сон, но проснулся я от неистовой тряски. Серые сумерки заползли в самые темные уголки леса, небо покрывали темнеющие свинцовые облака. Сырой, промозглый туман потянулся из низин языками и щупальцами, разливаясь по окрестностям. Машину тряс крупный тонкоспинный ящер эдафозавр, зажавший в зубах хрустальный стержень. Из молочного марева торчала его спина, украшенная зубчатым гребнем. Я пихнул его ногой, но он продолжал с бесцельным упрямством механизма трясти и раскачивать машину. Волны поднимавшегося тумана достигли меня и залили, погрузив в зловонные испарения болот.

«Едва возможно дышать, — подумал я, — вероятно, здесь все еще мало кислорода в атмосфере и много, очень много углекислоты. Вот почему так пышно разрастались на болотах леса...» Мне казалось, что еще немного, и я захлебнусь этой холодной липкой жижей, от которой першило в горле.

«Пора в путь», — решил я.

Машина тронулась, зубы парусного хищника со скрежетом соскользнули, и он остался навсегда в прошлом, раздосадованный, угрюмый, недоумевающий. Никто никогда не расскажет ему, что он повстречался с пришельцем из далекого будущего. А я стремглав мчался в мезозой, в сказочное царство гигантских рептилий.

## ТИТАНИЧЕСКИЙ ОХОТНИК

Судя по указателю, палеозойская эра кончилась и началась другая — мезозойская, эра «средней жизни», нечто напоминающее наше средневековье. Итак, я перенесся в одну из стран геологических, палеонтологических, климатологических и прочих грез. Дорого бы дали исследователи самых различных специальностей за то, чтобы на полчаса окунуться в эту эпоху чудес, в эру, граничащую с нашей кайнозойской, но совсем нам чуждую.

Эта эра началась двести миллионов лет назад, а конец ее



наступил за шестьдесят или семьдесят миллионов лет до появления человека.

Сто сорок миллионов лет примитивной жизни взрастили самых ужасных исполинских хищников, когда-либо существовавших на планете, в сравнении с которыми наши теперешние львы, тигры и медведи могли бы показаться добродушными игривыми щенками и котятами. А между тем по уровню и сложности развития и общей организации современные хищники не знают себе равных.

Я прибыл в мезозой к концу дня. Тени уже начинали густеть и удлиняться, воздух был теплый и прозрачный. Совсем рядом широкая и, вероятно, неглубокая река неслышно катила свои воды; вязкие берега ее заросли чем-то вроде тростников, едва различимых в меркнувшем свете заката.

Слева вдали темнела группа странных деревьев с поникшей зеленью, которая бесформенными клочьями торчала из ствола. Стволы были высокие, сужающиеся кверху конусом, толщиной у основания в несколько обхватов. Я узнал в этих деревьях знаменитые болотные кипарисы — таксодиумы. В наше время в устье реки Миссисипи измерили несколько экземпляров старых болотных кипарисов; оказалось, что в отдельных случаях болотные кипарисы имеют в обхвате на уровне воды (они растут на болотах) тридцать три метра при высоте тоже в тридцать три метра!

Весь противоположный берег был покрыт саговыми пальмами. За ними поднимались давно исчезнувшие с лица Земли беннетитты, тоже похожие на пальмы, а на моем берегу, в километре от меня, виднелись необычного вида сосны араукарии — хвойные деревья с опрокинутым зонтом сучьев на вершине.

Я расположился на песке возле машины. Темнело скорее, чем хотелось бы, почти так же быстро, как в тропиках... Впрочем, я и находился в тропиках.

В мезозое различия в климатических поясах стерлись, и на всей планете был ровный, теплый климат. Повсюду поднимались леса из красных деревьев и секвой, из тюльпанных деревьев, гинкго и магнолий, предоставляя в своих чащах убежище полчищам сумеречных хищников.

Я находился в мире плоских материков, мелководных заливов, лениво текущих болотистых рек, широких полузатопленных низин с пышными коврами сочных высоких растений в поймах.

Воздух был очень сырой и душный. Временами поднимался слабый ветерок, вызывающий озноб. А между тем в центре ма-

териков были места, схожие с нашими пустынями, где очень редко или совсем не выпадали дожди.

Мое внимание привлекло светлое пятно, возникшее в восточной части небосклона. С каждой минутой становилось светлее: это наша неизменная спутница — луна, затуманенная испарениями болот, поднималась над горизонтом. Она-то осталась, какой была! Или нет? Возможно, двести миллионов лет назад она вращалась быстрее... Но туманная пелена не позволяла разглядеть форму пятен на бледном диске.

Что это?!

Низкий вибрирующий рокот взмыл к мутному небу. «Как быть с машиной?» — спросил я себя, но не о машине мне следовало беспокоиться. Даже заметив машину, мезозойское чудовище вряд ли заинтересуется ею. Оно просто не заметит ее или сочтет за какое-нибудь необычное дерево или куст. Такие бесполезные вещи не вызовут у них интереса.

Я еще ранее приметил густой кустарник и теперь во весь дух устремился к нему, чтобы спрятаться и наблюдать за всем происходящим.

А вот и он. Он был намного выше телеграфного столба и шагал на задних лапах. Его темно-серый, почти черный силуэт четко рисовался на фоне араукарий. Через минуту, если он не изменит направление, он приблизится вплотную к моим кустам. А что, если он вздумает «пройтись» и дальше?.. Мне придется, как кролику, метаться между его ногами. А вдруг он все-таки захочет поближе познакомиться с машиной? Тогда я пропал! Я не успею добежать до нее и исчезнуть. Он может раздавить ее, как жалкий каркас из проволоки. И я навеки останусь здесь!.. Мне оставалось только ждать и надеяться, проклиная себя за легкомыслие.

Пока я мучался сомнениями, чудовище приближалось. Это было что-то вроде исполинского кенгуру со змеиным застывшим взором и мордой удава. Его чешуйчатая кожа поблескивала под красноватыми лучами низкой луны, а огромные, с тарелку величиной, глаза горели зловещим кровавым пламенем. По земле, подминая растения, волочился тяжелый мускулистый хвост, подпорка к могучему двенадцатитонному туловищу. Передо мной был величайший наземный хищник, когда-либо попиравший землю, — тираннозавр-рекс, гроза и ужас всего живого на планете...

Огромный гад внезапно и стремительно, по-змеиному повернул сплюснутую с боков высокую двухметровую голову. Глаза его были обращены вперед, и он рассматривал предметы одно-

временно обоими. Как и у всех рептилий, у него было недостаточно развитое обоняние, но очень совершенное зрение.

Но этот зоркий беспощадный взор может зафиксировать лишь то, что движется, меняет место.

Мозг колосса настолько мал и не развит, что на все неподвижные предметы он не обращает внимания, просто не различает их.

Если присмотреться к нашим теперешним ящерицам, к их повадкам, к пластике их движений, и представить их увеличенными в сотни и тысячи раз, а многих из них — поднявшимися на задние ноги, то можно получить некоторое представление о том, как приблизительно выглядели динозавры. Но далеко не все. Большинство из них вообще не имеет аналогии по своему внутреннему строению и внешнему виду ни с одним из известных нам животных. Их поражающее своеобразие ни с кем и ни с чем не сравнимо...

Тираннозавр-рекс ходил на мощных задних ногах, и ступни его с кривыми когтями на трех пальцах достигали иногда метра в длину. Четвертый палец был обращен назад, как у кур, и представлял дополнительную опору для громадного тела. Зато передние ноги были недоразвиты, имели только по два крохотных пальца и были так малы, что не дотягивались до морды. Для схватывания и удержания добычи они были слишком слабы и являлись бесполезной обузой.

Я сидел, скорчившись в неудобной позе, не смея пошевелиться. Тираннозавр находился в такой опасной близости, что до меня доносился острый сильный запах, напоминавший запах мускуса с примесью еще чего-то менее неприятного и даже ароматичного. Вдруг напряженный взгляд хищника что-то приметил вдалеке, и гигант резко сбавил шаг. Его мерцавшие багровым пламенем глаза обратились в противоположную от меня сторону.

Громоподобный гул разорвал дремотную тишину, и, придавленный этими раскатистыми звуками, я в неодолимом ужасе приник к траве, пока они не сменились хриплым квакающим кашлем.

Десятиметровый повелитель всего живого увидел добычу и огромными, по три-четыре метра, размашистыми скачками устремился к ней. Я почувствовал, как дрогнула и загудела от топота земля.

Я выбрался из своего укрытия, разминая ноги, и вдруг сообразил, что с ближайшего пригорка мне откроется грандиозная картина схватки. Я во весь дух побежал к холму. Понадобилось

не больше пяти минут, чтобы достичь его подножия, и еще несколько, чтобы взобраться на вершину.

Равнина подо мной была залита лунным серебром, там и здесь темными пятнами выступали рощи.

Внизу я заметил своего ночного гостя. Он был уже далеко. Наклонившись и вытянув палкой хвост, он с огромной скоростью пересекал равнину. Отсюда я мог различить и его добычу: целое стадо растительноядных динозавров. С высоты холма мне было видно, как они плещутся среди осоки в излучине реки. В бинокль я рассмотрел, что это были так называемые утконосые динозавры. Их морды были вытянуты в форме утиного клюва. Они в огромном количестве населяли Землю в мезозое и достигали внушительных размеров, иногда свыше десяти метров высотой.

Утконосые динозавры, или гадрозавры, были еще массивнее и крупнее, чем несшийся к ним хищник. Они передвигались, как и тираннозавр, на двух ногах и внешним видом тоже очень напоминали кенгуру.

Но вот они заметили страшного врага, быстрыми шагами приближавшегося к ним.

## БИТВА У РЕКИ

Я отчетливо видел, что гадрозавры испуганы. Они в смятении сбились в кучу и топтались, подминая камыши и осоку, бестолково размахивая тяжелыми хвостами, которые могли легко переломить позвоночник лошади. Затем они все разом со страшным шумом, вздымая фонтаны брызг, беспорядочной толпой устремились на середину реки. Некоторые поплыли и достигли другого берега.

В невообразимой панике были сбиты с ног и затоптаны два менее рослых ящера и один неповоротливый детеныш. Теперь я отчетливо слышал громовое рыкание тираннозавра. Шум и смятение усилились, но стаду удалось спастись вплавь, а хищник не решился последовать за ним в воду. Его добычей стали растоптанные ящеры.

В бинокль я видел, как тираннозавр вспрыгивает на бьющиеся в агонии тела и разрывает их когтями задних лап.

Только научный интерес заставил меня досмотреть до конца эту отталкивающую сцену... По укоренившемуся инстинкту тираннозавр с размаху наносил удары по уже бездыханной

жертве узкой тяжелой мордой. Таких сокрушающих ударов не мог бы выдержать никто: они должны были дробить позвоночники и ребра. Я увидел, как пришли в движение челюсти, как они вырывали или, правильнее, «выстригали» громадные куски сочащегося кровью мяса.

Голова хищника то стремительно, то неторопливо наклонялась за новым лакомым куском, и кинжалы-зубы без видимого усилия, словно нож в масло, погружались в распростертую тушу. Не жуя, он мощными толчками проталкивал куски мяса в глотку.

При свете месяца мне был виден оскал его зубов; чудился хруст дробящихся костей. Около часа я наблюдал за тираннозавром. Неприятное зрелище испортило мне настроение, и я решил вернуться к машине и провести ночь в кресле.

Ночь длилась, казалось, без конца, луну закрыли тучи, и я остался в совершенной темноте. Держа руку на рычаге, я вслушивался в ночные шумы. Я различал взвизги, свист, шепот и сонное бормотание из кустов, в которых прятался от тираннозавра. В середине ночи меня разбудили звуки, похожие на мычание коров. Еще раз, уже ближе к рассвету, меня испугал дикий скрежет, наполнивший, казалось, всю равнину. По временам доносились звуки, напоминавшие пыхтение паровоза. Несколько раз я замечал какие-то светящиеся призраки. Первый раз они медленно пересекли пространство передо мной, потом, уже перед рассветом, бледное зеленоватое привидение пробежало галопом, сотрясая землю. Предположения палеонтологов о том, что в мезозое были светящиеся животные, подтверждались.

Долгожданный рассвет застал меня вконец измученным. С первыми проблесками зари я спустился с машины. После ночных кошмаров меня слегка знобило, и я не мог даже подумать о еде.

Первое, что бросилось мне в глаза, это бесчисленное множество разных следов, оставленных ночными посетителями поляны. Следы были отчетливо видны на сыром песке, и их цепочки разбегались во всех направлениях. Здесь были следы, подобные куриным, миниатюрные изящные отпечатки, коротенькими шажками убегавшие через дюны. Встречались отпечатки средних размеров с искривленными расставленными пальцами и почти совсем круглые по метру в диаметре. Виднелись следы трехпалых, четырехпалых и пятипалых лап. Большинство следов принадлежало динозаврам.

Пока солнце еще не поднялось и не пригрело холоднокровную



*Тираннозавр стремительно опрокинул свою жертву.*

фауну, постараемся разобраться в вопросе, кто такие динозавры, как они появились и чем они замечательны.

История динозавров начинается с триаса. Как известно, мезозойская эра подразделяется на три неравных периода: триасовый период (триас) продолжительностью в тридцать пять миллионов лет, юрский период (юра) продолжительностью тоже в тридцать пять миллионов лет и меловой (мел) длительносью в семьдесят или семьдесят пять миллионов лет.

Родоначальниками динозавров были древние ящеры — архозавры. Это были свирепые хищники. Всякой другой пище архозавры предпочитали мясо. Передвигались они весьма необычным способом: чаще всего на задних ногах. Это давало им значительное преимущество — они издали могли высматривать добычу и раньше других замечать врагов. Передними ногами они могли драться и подносить ко рту пищу. Как и большинство других ящеров, архозавры откладывали яйца.

## ДИНОЗАВРЫ, ИЛИ ДИВОЯЩЕРЫ

Потомки архозавров особенно размножились во второй половине мезозойской эры. Они отличались исключительным разнообразием. Некоторые остались хищниками с короткими передними ногами. Все они обладали толстым и очень сильным хвостом, который был как бы балансиром и уравнивал переднюю часть тела, поэтому хвост ящеры держали на весу, а сидя, опирались на него.

Несмотря на то что эти ящеры держались стоя и передвигались шагом или прыжками, они все же больше напоминали в этом положении животное, поднявшееся на дыбы, чем стоящего человека.

Другие потомки архозавров вернулись к более свойственному животным способу передвижения на четвереньках. Возникнув от одного хищного предка, не все из них в дальнейшем остались плотоядными. Большинство динозавров перешло на растительный способ питания.

Мир динозавров настолько своеобразен — и внешне и образом жизни, — что необходимо несколько подробнее остановиться на некоторых его странных и интересных особенностях.

Греческое слово «динозавр» советский палеонтолог и писатель Иван Антонович Ефремов удачно заменяет русским —

«дивоящер». Оба эти слова сходны в том, что указывают на какие-то удивительные особенности этих рептилий. «Динозаврами» предложил называть этих животных английский зоолог и палеонтолог профессор Ричард Оуэн. Динозавр — в переводе означает «ужасный, чудовищный, кошмарный ящер». Но не всегда их внешний вид был таким устрашающим, как, например, у тираннозавра.

Самой странной особенностью ранних динозавров является, конечно, способ передвижения на двух ногах. Даже поздние динозавры, вновь ставшие четвероногими, происходят от двуногих предков.

«Двуногость» вообще возникла у рептилий еще с каменноугольного периода. Она явилась своеобразной реакцией организма рептилий на условия существования, в которые поставила их природа. До сих пор вопрос о «возникновении двуногости» в классе рептилий остается одним из наиболее интересных.

Самые древние пресмыкающиеся возникли и обитали среди обширных болот и громадных затопленных лесов на прибрежных низменностях и в дельтах рек. Когда растительность с узкой береговой полосы стала проникать в глубинные части материков, места обитания рептилий неизмеримо расширились.

Однако для них это было сопряжено с рядом трудностей. Первая состояла в необходимости выйти из относительно прохладного сумрака густых чащ на открытые, оголенные места под убийственный жар тропического солнца. Организм рептилии легко перегревается, так как он не обладает сложной системой регулирования температуры, хорошо развитой лишь у птиц и млекопитающих. Поэтому на открытые пространства рептилии выходили только ночью, когда спадала жара.

Чтобы жить на незатененных древесной растительностью возвышенных участках, часть рептилий перешла к обитанию в реках, из которых они выходили крайне редко, или вблизи рек, чтобы иметь возможность охлаждать тело в воде.

Но, конечно, такое вынужденное «купание» не могло помочь всем рептилиям. При энергичном движении любой организм сильно перегревается, и, если он не защищен от перегрева — «внутреннего» и солнечного, — животное быстро погибает.

Тело млекопитающего перегревается реже. Во-первых, из-за постоянной температуры тела и, во-вторых, из-за особого устройства кожных покровов. У рептилий кожа всегда сухая, потому что лишена потовых желез, которые своими выделениями охлаждают тело. В коже млекопитающих, напротив, таких желез очень много. Некоторые из этих желез превратились даже

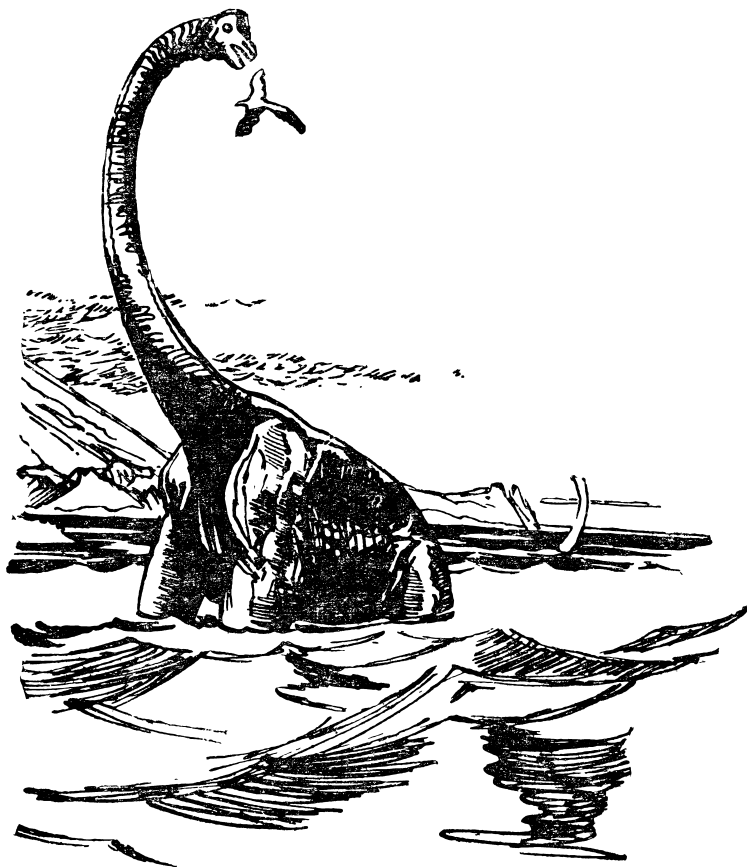




Только такие гиганты, как диплодоки, бронтозавры и брахиозавры, могли за дно, они стояли прочно, как на якорях,

в молочные железы. К тому же млекопитающие «энергичнее» рептилий, потому что им свойствен гораздо более высокий обмен веществ. Уже хотя бы поэтому млекопитающим незачем было «обучаться» ходить на двух ногах. С рептилиями дело обстоит совсем иначе.

Почему? Да потому, что двуногий способ хождения, оказывается, самый экономный в смысле физических усилий. Рептилии, гораздо менее «энергичные», чем млекопитающие, не могли миновать в процессе эволюции стадию «двуногости».



*выдержать мощные приливные волны. Цепляясь огромными кривыми когтями слегка качаясь от могучих ударов (стр. 52).*

И еще одна причина должна была способствовать тому, чтобы ранние архозавры поднялись на задние ноги.

Дело в том, что самым развитым органом чувств у рептилий является зрение. Прекрасно развиты они и у птиц — прямых наследников рептилий. Для рептилии, живущей в густой растительности, возникает необходимость обозревать окрестность поверх зарослей, — для этого она должна держать голову высоко над землей, чтобы вовремя заметить опасность или высмотреть добычу. Поэтому первые же динозавры стали ходить на двух ногах.

Чем объяснить, что многие динозавры достигали исполинских размеров? В самом деле, они были величайшими сухопутными животными на планете. Палеснтологи иногда впадали в ошибки, чтобы правдоподобно объяснить их гигантизм. Так, например, случилось с идеей о болезненном увеличении гипофиза в мозгу у четвероногих динозавров. Это болезненное состояние важнейшей железы могло вызвать, по мнению ученых, увеличение размеров тела. Но вряд ли подобное объяснение может быть удовлетворительным.

Имеются и более серьезные объяснения их необыкновенной величины. Ученые этого направления объясняют его особыми условиями, в которых обитали некоторые рептилии. В мезозое, как и в каменноугольном периоде, материки располагались низко, особенно в юрском периоде. Отлогие берега с едва заметным уклоном уходили к океану. Побережья образовали широкие отлогие отмели, обильные пищей.

Эта зона долго пустовала, потому что никто не мог поселиться в ней. Сюда докатывались огромные приливные волны, бороться с которыми большинству животных было не под силу. Ветры и волнения здесь очень сильно нагоняли воды, и уровень волн namного поднимался. Гигантские волны проносились на целые километры, сметая все, что не было прикреплено ко дну, и внезапно повышая уровень вод в прибрежных водоемах на несколько метров.

Обитатели прибрежий могли жить лишь в затопленных лесах или на берегу под защитой береговых рифов. И миллионы квадратных километров «угодий» пустовали.

Только чудовищной величины животные, бронтозавры, диплодоки, брахиозавры, в несколько десятков тонн весом, с огромными когтями, могли сопротивляться опрокидывающим ударам волн. Они не тонули и завладели этой зоной обитания, где у них не было конкурентов.

Внешне бронтозавр был похож на громадного удава, «про-

детого» сквозь туловище гигантского слона. В крохотной головке помещался мозг размером не более грецкого ореха. Для сравнения заметим, что двадцать мозгов бронтозавра (имеется в виду мозг, находящийся в голове) равны по весу одному человеческому мозгу. Но зато мозг у него не один, у него их три. Второй мозг помещался в области передних конечностей и представлял собой расширение или вздутие спинного мозга, а третий мозг, во много раз превосходящий по размеру головной, располагался в области крестца. Второй и третий мозг заведовали движениями соответственно передних и задних ног и длиннейшего хвоста. Без участия мозга мощные пласты мышц на конечностях оставались бы неподвижными. Эти конечности заканчивались большими когтями, которыми бронтозавры — жители прибойной полосы — цеплялись за дно.

Бронтозавры медленно и грузно двигались вдоль берега, выставляя над водой лишь верх спины и время от времени голову. Бронтозавры обитали на глубине всего в четыре-пять метров, но и сюда не решались заходить даже самые большие хищники, так называемые карнозавры.

На глубине семи-восьми метров бродили диплодоки. Диплодок означает «двудум»: утолщение его спинного мозга над передними конечностями намного меньше, чем в области крестца, и обычно в расчет не принимается. Диплодоки были похожи на бронтозавров, но их тело намного легче. Их третий мозг даже в большей степени, чем у бронтозавров, превосходил передний. Диплодоки были гораздо длиннее бронтозавров, они достигали тридцати метров, но, возможно, несколько уступали им в весе.

А в глубине заливов вытягивали на толстых гибких шеях крошечные головки с ноздрями на макушке буро-зеленые брахиозавры. За всю свою историю планета не рождала больших сухопутных чудовищ: весом и размерами они уступали только крупным китам. У бронтозавров и диплодоков передние ноги были короче задних и менее массивны, поэтому задняя часть их туловища возвышалась над передней. У брахиозавров было как раз наоборот: их передние ноги по величине и по мощности превосходили задние, и тело круто поднималось в передней части, где от самого высокого места прямо вверх отходила мощная шея. Брахиозавры, вероятно, достигали тридцати пяти метров длины и шестидесяти тонн веса! Высотой они были, возможно, метров пятнадцать, а может быть, и больше. Четыре крупнейших африканских слона, поставленные друг на друга, не дотянулись бы до головы брахиозавра.

Предполагают, что все эти чудовища могли подниматься на

задние ноги. Перенесенные на улицы современного города, брахиозавры заглядывали бы в окна пятого и шестого этажей, а поднявшись на задние ноги, пугали бы жильцов квартир на восьмом и девятом этажах...

Вздывая снопы брызг, словно полупогруженные в воду брошеносцы, они выходили ближе к берегу: их голая мокрая кожа вбирала тепло первых солнечных лучей, на них с глухим громopodobным шумом обрушивался прибой, до самой макушки обдавая пеной. Но гиганты ничего не замечали, нежась на длинных многокилометровых отмелях. Они стояли почти не шевелясь, устойчивые и неподвижные горы. Только маленькие до нелепости челюсти с длинными слабыми зубами непрерывно захватывали, не жуя, всё новые и новые охапки водорослей. Чтобы прокормить эти груды мяса, требовалось свыше полутонны сочного зеленого корма каждый день.

Итак, гигантизм некоторых динозавров не был ни случайным, ни болезненным явлением, но возник как основное приспособление к условиям, в которых могли существовать только гиганты. Большой гипофиз им нужен был, чтобы животные быстрее достигали роста, необходимого для особых условий их жизни.

Еще одной особенностью гигантских растительоядных ящеров, удивляющей исследователей, являются их очень слабые челюсти. Действительно, все эти бронтозавры, диплодоки, брахиозавры, чтобы удовлетворить свою поистине фантастическую потребность в пище, должны были ежедневно поедать огромное количество растительной массы. Однако ни зубы их, ни относительно слабый челюстной аппарат явно не годились для такой непрерывной работы.

Как же им удавалось справляться со своим необыкновенным аппетитом?

Вероятнее всего, в мезозое могли существовать не дошедшие до нас питательные водоросли и другие растения, планктон, икра и личинки, которых прибой в огромных массах подгонял к берегу. Они могли служить питательной пищей для огромных животных. Прибрежные гиганты, являясь своего рода четвероногими китами, вряд ли могли ловить рыб и питались растениями и беспозвоночными.

С середины мелового периода полоса низменностей стала уменьшаться, а когда площадь обитания крупных животных сокращается, то это ведет не к уменьшению численности этих животных, как может показаться, а к вымиранию.

Кто же обитал в зонах, располагавшихся выше по берегу?



*Среди огромных стволов болотных кипарисов, в затопленных лесах бродили многочисленные гадрозавры.*

В широких устьях рек, поросших топкими лесами болотных кипарисов, в бесчисленных болотах и протоках жили различные утконосые динозавры. Более глубокие места занимали динозавры с дополнительными воздушными камерами в носовых костях, сложным устройством дыхательных путей и длинным узким рылом. Мелководные участки были населены широко-рылыми траходонтами; их образ жизни был схож с жизнью те-перешних бегемотов.

В третьей зоне, далеко вторгшейся в материк, все раститель-ноядные динозавры имели мощное, тяжелое вооружение в ви-де рогов, шипов и брони. Появление этих приспособлений не случайно. В этой же зоне обитали самые крупные на планете хищники — карнозавры, и здесь находились их охотничьи угодья.

Но если крупные хищники карнозавры населяли лишь третью зону, то, очевидно, бронтозавры и брахиозавры находи-лись в безопасности?

Вероятно, так оно и было. Глубины, на которых жили растительноядные исполины, вообще были недоступны карнозаурам, а когда эти колоссы выходили на берег класть яйца, то нападение на такую живую гору вряд ли могло окончиться успехом даже для самого большого хищника. Бронтозавр мог легко искалечить или убить его ударами хвоста или просто-напросто раздавить.

## КАК РАЗВИВАЛИСЬ ДИНОЗАВРЫ

Экспедиции, работавшие на раскопках в пустыне Гоби, несколько раз находили гнезда с яйцами. Высказывались предположения, что это яйца крупных черепах. Но новейшие исследования показали, что это яйца динозавров. Яйца динозавров были обнаружены в разных местах, но эти находки были немногочисленны, хотя в мезозое количество их кладок должно было быть огромным, соответственно огромной численности динозавров на планете.

В реках Южной Америки речные черепахи в течение года откладывают миллионы яиц, переполняя ими все речные отмели. Столь же невероятно многочисленны и кладки крокодилов. Но кладки динозавров должны были исчисляться десятками миллионов штук! Венгерский палеонтолог Нопша полагает, что яйца динозавров могли быть до девяноста сантиметров длиной, при тридцати или несколько менее сантиметров в поперечнике, с тупозакругленными концами.

Не сохранились яйца в изобилии, по-видимому, потому, что не имели твердой скорлупы. Возможно, часть динозавров рождала живых детенышей. Обитателям же приморских зон необходимы были особые места для кладок в чужой, более высоко расположенной зоне.

Если считать, что динозавры откладывали яйца с кожистой мягкой оболочкой, то для их сохранения нужна была повышенная влажность, какая бывает в глубине болот. Поэтому могли возникнуть сезонные передвижения динозавров в местах кладок, а это приводило к частой гибели динозавров в чуждых им местах.

По всей вероятности, при постоянном обитании части динозавров в болотах твердая скорлупа на яйцах была излишней. Вместе с тем невероятное множество яиц, которое они откладывали в разное время года, создавали накопления во много сотен

тысяч тонн питательных веществ, и ими безусловно могли кормиться мелкие динозавры и первые примитивные млекопитающие того времени.

Если бы кладки происходили на сухих твердых почвах, то это потребовало бы твердой скорлупы, и мы могли бы эту скорлупу обнаружить. С другой стороны, на сухих местах яйца сделались бы более доступными для мелких млекопитающих, которые ими питались. Но и в болотах яйца не были в безопасности: им постоянно грозило затопление.

Но вот «младенец» динозавр покидал скорлупу. Крупные динозавры уже обладали весьма сложной организацией, а это должно было надолго замедлять их возрастное развитие. Детеныши, вероятно, были малы и долгое время беспомощны.

Ходьба на двух ногах тоже была трудна для ящеров, и детеныши должны были, очевидно, пройти элементарный «курс обучения двуногости». Это обучение было необходимо для выработки сложных нервных рефлексов, автоматизировавших равновесие. Ходьба на двух ногах была особенно сложна для детенышей хищников, так как растительноядные динозавры, обитая в воде, загребали передними лапами воду, чтобы сохранять равновесие. Хищные динозавры балансировать при ходьбе передними лапами не могли, так как эти лапы были слишком миниатюрны. Впрочем, детеныши четвероногих динозавров тоже были беспомощны.

Поэтому непременно должно было осуществляться одно из нескольких условий, обеспечивающих само существование динозавров: либо они должны были класть огромное число мелких яиц, так как детенышей постигала массовая гибель, как это можно наблюдать у крокодилов; либо их яйца должны были быть очень велики, а период развития яиц должен был быть длительным, как у черепах; либо забота о детенышах не ограничивалась охраной и включала длительное кормление и обучение.

Динозавры не могли класть крупные яйца потому, что у животных, ходящих на двух ногах, таз очень сужен. Через малое отверстие в костях таза не могут проходить большие яйца. А детеныши, развившиеся из маленьких яиц, должны быть совсем беспомощны и массами погибать. Срок развития от маленького нелепого создания до сложного организма массивного взрослого динозавра очень долог. Но, может быть, динозавры проявляли заботу о потомстве? Едва ли. Мозг у всех без исключения динозавров очень мал, поэтому «воспитателями» они быть не могли. Все эти противоречия могли остановить дальнейшую эволюцию динозавров и в конце концов привести их к гибели.



Все двуногие динозавры ходили с наклонной провисающей передней частью туловища. У растительноядных динозавров угол наклона был очень велик, хищные же динозавры — карнозавры ходили и бегали почти выпрямившись. Они были очень подвижны. Конечно, трудно ожидать, что хищники весом в восемь — двенадцать тонн могут передвигаться прыжками. Прогнать и скакать могли только разве мелкие и средние динозавры. Но гигантские карнозавры могли стремительно бегать, как куры — «рысью». Таким аллюром они быстро настигали любую жертву.

Интересен их способ нападения. У карнозавров шейные позвонки не только очень велики и расширены, но уплощены и имеют косые суставные площадки. Это говорит о том, что голова карнозавра была всегда поднята и малоподвижна. Поэтому нападали карнозавры чрезвычайно своеобразным способом: они с размаху били жертву мордой, вкладывая в удар вес туловища, которое, как в цапфах, поворачивалось в тазобедренных суставах. Именно поэтому, вероятно, панцирные растительноядные динозавры были защищены главным образом сверху.

Все большие хищные ящеры обладали бинокулярным зрением. Они видели предметы обоими глазами — таким стереоскопическим зрением обладают только современные хищные млекопитающие и человек. Оно помогает животному лучше рассматривать предметы и рассчитывать расстояние для прыжка, удара и бегства.

Мы уже говорили, что у хищных динозавров передние ноги, вернее, лапы, очень малы. Сразу же следует отметить, что они малы далеко не у всех. Передние конечности резко уменьшены у поздних, самых крупных хищников. Объясняется это тем, что гигантская голова представляла сама по себе большую нагрузку на переднюю часть тела. Поэтому, чтобы облегчить переднюю часть, произошло сокращение размеров передних конечностей, иначе выпрямленное двуногое хождение было бы непосильно для хищника.

Но поскольку крохотные передние лапки с двумя слабыми пальцами не могли практически помочь при еде, то кости черепа обрели необычайную подвижность. Эта подвижность позволяла передней части черепа двигаться относительно задней, что давало ящеру возможность проталкивать в глотку крупные куски без помощи передних лап.

Хищные динозавры при нападении пользовались не только зубами, но и задними лапами, снабженными серповидными ког-

тиями. Размеры узких и высоких когтевых фаланг, одетых сверху острыми, как ножи, роговыми когтями, достигали метра. Коготь длиной в метр!.. Едва ли можно думать, что такие чудовищные когти являли собой бесполезное украшение.

О кожном покрове динозавров мы можем строить только предположения.

Кожа траходонтов, известная по сохранившимся «мумиям», была толстой и покрытой костными бляхами. Такая кожа должна была мешать быстрым движениям, но она предохраняла динозавров от солнечного перегрева. Кожа у хищников была, по-видимому, голой, она должна была больше подвергаться нагреву, поэтому дневная активность хищных ящеров была ограниченной.

Чем меньше животное съедает пищи, тем меньше резерв его энергии. Оно скорее устает и становится вялым. Объем брюшной полости динозавров был чрезвычайно мал, и поэтому они не могли быть очень активными животными.

Динозавры были как бы сплюснены с боков. Самые крупные из них не составляли исключения. Бронтозавры, диплодоки и центриозавры были значительно уже крупнейшего наземного млекопитающего — индрикотерия. Утконосые динозавры, напоминавшие образом жизни теперешних бегемотов, были еще уже. Сечение туловища млекопитающих значительно более кругло, чем у динозавров, и включает поэтому намного больший объем. Эта «сплюсненность» динозавров указывает на замедленный процесс и пищеварения и дыхания. Динозавры ели медленно и помногу. Они могли в случае необходимости подолгу голодать, как это свойственно современным рептилиям — например, крокодилам, змеям, черепахам. Некоторые черепахи могут обходиться без пищи до шести лет.

Все динозавры были наземными животными, а те многочисленные рептилии, которые жили одновременно с ними и завоевали море и воздух, относились к совершенно иным семействам, и о них будет рассказано ниже.

Наука склонна рассматривать динозавров как сборную группу, состоящую из двух различных отрядов и сильно отличающихся друг от друга, хотя произошли они, несомненно, от общего предка. Один отряд — это «зауришии», или ящеротазовые, и другой — «орнитишии», или птицетазовые.

В палеонтологической систематике оба эти отряда входят в подкласс архозавров. Но между ними столь же мало родства,

как и между другими потомками архозавров: крокодилами, летающими ящерами и возникшими позднее птицами.

Деление динозавров на два крупных отряда произведено на основании различий их тазовых костей. У ящеротазовых динозавров таз имеет трехлучевое строение, а у птицетазовых — четырехлучевое, очень сходное с тазом птиц. Таким образом, всех динозавров, как бы они ни отличались внешне друг от друга, причисляют к той или другой группе.

В свою очередь, каждый из отрядов подразделяется на подотряды. Ящеротазовые подразделяются на два подотряда — подотряд теропод, куда вошли все виды, которые ходили на двух ногах и вели хищный образ жизни, и подотряд зауропод, куда вошли самые крупные четвероногие динозавры, ведущие полуводный образ жизни и питающиеся растениями. Разделили и отряд птицетазовых динозавров.

Таким образом, к настоящему времени классификация динозавров приобрела такой вид:

## ОТРЯД ЗАУРИШИИ (ЯЩЕРОТАЗОВЫЕ):

Подотряд теропод:

*Цулурозавры*: мелкие примитивные тероподы.

*Орнитомимиды*: более развитые (специализированные) тероподы.

*Карнозавры*: гигантские хищные тероподы.

*Прозауруподы*: тероподы с рядом признаков зауропод.

Подотряд зауропод: гигантские растительноядные динозавры, обитатели заболоченных мест, самые большие и тяжелые сухопутные животные.

## ОТРЯД ОРНИТИШИИ (ПТИЦЕТАЗОВЫЕ):

Подотряд орнитоподы: древние двуногие динозавры.

Подотряд стегозавры: четвероногие растительноядные динозавры с двойным рядом защитных пластин и шипов вдоль спины и хвоста.

Подотряд анкилозавры: похожие на черепах четвероногие динозавры, наделенные тяжелым панцирем.

Подотряд цератопсы: рогатые, похожие на носорогов и буйволов растительноядные динозавры, ходившие на четырех ногах.

Расцвет динозавров приходится на юрский и меловой периоды. В это время, главным образом в меловой период, они приходят к вершине развития по разнообразию и по величине.

Не все динозавры жили одновременно, некоторые из них последовательно возникали и вымирали. Поэтому и мы в нашем путешествии едва ли сможем увидеть всех: к тому моменту, когда мы остановились в мезозое, одни из них уже вымерли, другие еще не возникли. Наше знакомство с самым огромным хищником всех времен и широт — тираннозавром-рексом и утконосыми динозаврами из орнитопод, или птиценогих, говорит о том, что Машина времени перенесла нас в последний период мезозойской эры — в меловой. Иными словами, в период, отстоящий от нашего времени на сто миллионов лет, когда могущество великого мира динозавров, а с ними и всех ящеров, достигло вершины и начинало клониться к упадку.

## УТРО В МЕЗОЗОЕ

...Солнце поднялось уже высоко, и утренний туман клубился и исчезал под его теплыми лучами. Оглядевшись, я решил предпринять вылазку в зеленый прозрачный лес араукарий. Заним виднелись красные скалистые утесы. Я направился к ним, чтобы подняться и осмотреть местность, пока меловые страшилища не пробудились от тяжелого оцепенения сна. Подняться на утес было трудно, но зато с его вершины передо мной открылись чарующие ландшафты мезозоя.

Всюду виднелись густые темно-зеленые леса, вдали широкие мелководные заливы глубокими языками вторгались в сушу, влажное дыхание теплых морей и океанов обвевало одетую в буйную растительность землю.

Как и в каменноугольном периоде, на Земле снова настало вечное лето: окаменелые деревья, найденные во многих местах мира, на Аляске и в Гренландии, показали, что в мезозое климат был ровным, теплым и влажным. Узнали это потому, что годовичные кольца древесины на этих стволах слились, а это показывает, что дерево растет равномерно, безостановочно, круглый год.

В лесах росли красные и мамонтовые деревья, стройные темно-зеленые кипарисы, раскидистые кедры, араукарии, увенчан-

ные шишками величиной с человеческую голову, коричные деревья, магнолии, папоротниковые и финиковые пальмы и саговники — с коротким толстым стволом, из верхушки которого торчал пышный пучок ярко-зеленых длинных перьев. Вслед за солнцем поворачивали свои листья-веера на длинных черешках деревья гинкго, на гигантскую высоту вздымали шатры буйной зелени тюльпанные деревья с мощными стволами и ликвидамбары с листьями, как у нашего клена.

Это был несколько необычный, но тем не менее самый настоящий тропический лес из вечнозеленых хвойных деревьев и пальм. Одни из них растут и в наши дни, другие встречаются очень редко, а иные исчезли безвозвратно.

Только к концу мелового периода, когда стало холоднее и близилась новая геологическая революция, эти леса сменились новыми, почти такими, как наши современные.

Это великое изменение лесов произошло как раз накануне гибели ящеров, оно словно предвещало, что время ящеров кончается, наступает царство млекопитающих. Но я находился где-то в меловом периоде, когда признаков упадка ящеров еще нельзя было заметить.

Несколько позже наступило обновление лесов, вскоре должны были вырасти новые деревья: дубы, буки, тополя, ивы, березы, виноград, а на лужайках и прогалинах появиться знакомые нам цветы и травы — первые травы за всю историю растений на планете. Эти перемены вызвали, в свою очередь, появление новых насекомых: в мезозое распространяются муравьи; пчелы, осы, бабочки, жуки заплесали над ковром из полевых цветов. Именно тогда появились и, к сожалению, существуют до сих пор назойливые мухи и несносные комары.

Направо, в километре от меня, странные ящеры с лошадиными по форме головами возвышались над пальмами, обгладывая их вершины. Это игуанодоны — птицеобразные динозавры. На передних и задних ногах у них копыта, а первый палец передней ноги противостоял всем остальным и нес костяной шип-кинжал. Это оружие защиты. Передними ногами и длинным, как у жирафы, языком игуанодон притягивал к морде ветви.

К птицеобразным орнитомисам принадлежали различные растительноядные чудовища с одинаковым строением тела. Они отличались друг от друга главным образом только строением головы.

Кроме игуанодонов, их всех можно назвать утконосыми динозаврами. У них широкий «утиный» клюв, сдавленный с боков высокий и мощный хвост, очень удобный при плавании, и кож-

ные перепонки между пальцами передних ног. Задние ноги, возможно, тоже имели перепонки, натянутые между тремя пальцами.

Все они ходили на двух ногах и, только когда щипали растения, опускались на четвереньки. Их голая морщинистая кожа, темная на спине и серая на брюхе, была усеяна плотными мелкими бляхами шестигранной формы, совсем как шестиугольники пчелиных сот. Каждая группа птиценогих держалась несколько обособленно.

Я видел, как пересекали речку лучшие пловцы среди динозавров — траходонты. Замечательны они были тем, что пасть их представляла собой сплошную «батарею» из зубов.

Тут же плескались и фыркали рептилии со странными наростами на головах — в форме топоров и петушиных гребней, с узкими округлыми наростами на макушках и на затылках, с костяными вздутиями на носовой и лобной части.

Самым большим «модником» из утконосых динозавров был паразауролоф. Над его головой возвышался длинный костяной гребень, который в виде изогнутого костяного пера выступал далеко позади затылка. Причем этого ему показалось недостаточно, и он «перенес» на самый конец пера свои ноздри. Наука пока не может объяснить, чем вызывалось такое своеобразное строение голов динозавров. Возможно, все эти наросты и прочие костяные образования на голове как-то помогали их владельцам дольше оставаться под водой, когда утконосые поедали водоросли на дне рек, озер, заливов и болот. Современные черепахи могут оставаться под водой около часа. Вероятно, и утконосые динозавры обладали такими же возможностями или могли забирать под воду большой запас воздуха для дыхания.

На поляне под моим утесом появились настоящие живые броненосцы — анкилозавры. Они выползли на поляну, волоча брюхо по земле, точно огромные черепахи, усаженные костяными шишками, бляхами на туловище и булавами с кинжалами и массивными дисками на конце хвоста. Недаром их называют рептилиями-танками.

С другой стороны поляны в темных провалах зелени появились приземистые шестиметровые ящеры-стиракозавры, чем-то похожие на носорогов. Их удивительные головы были вооружены страшным оружием: на носу торчал длинный рог, а на затылке поднимался костный «воротник», усаженный по краям длинными изогнутыми шипами. Они принялись пасть, постукивая по земле копытами и тупо озираясь по сторонам.

## НАШЕСТВИЕ ГОРГОЗАВРОВ

Все вокруг дышало довольством и покоем. Плоскоголовые ящеры с третьим глазом посередине темени грелись на открытых пространствах. Вот робко показалось маленькое существо, компсогнат — ящер величиной с кошку. Набравшись смелости, он длинными упругими скачками, непрерывно озираясь по сторонам, перебежал поляну и замер, притаившись в голубом сумраке густых зарослей. И вдруг появилась смерть.

Хищные ящеры — горгозавры, блестя змеиной кожей, с голой гадюки и пастью аллигатора, приближались к поляне.

Они то застывали, то рывками подвигались вперед, и в их движениях чудилось нечто и от птицы, и от змеи. Еще минута, и тяжеловесные хищники, вооруженные зазубренными зубами-кинжалами, оказались среди броненосцев-анкилозавров.

Ящеры-танки отчаянно сопротивлялись, размахивая хвостами с булавами и дисками и сокрушая и измочаливая саговники и низкорослые беннетитты. Увертываясь от их ударов, горгозавры движением чудовищных задних ног, какое можно видеть у кур, когда они разгребают землю, опрокидывали брюхом вверх несчастных вегетарианцев. И тогда челюсти поражали незащищенное брюхо беспомощной жертвы. Хищники не жевали, они втягивали кровь, вырывали и заглатывали куски мяса по несколько килограммов.

Пять алчущих крови двуногих разбойников нагло творили расправу. Паника объяла анкилозавров, оставшихся в живых свидетелей грозного вторжения. В слепом и неодолимом стремлении спастись, они с шипящим ревом обратились в бегство. Они лезли друг на друга, опрокидывали более слабых, падали сами и подминали собственных детенышей, совершенно обезумев от беспредельного ужаса.

Три хищника отделились от группы и, повинувшись темному древнему инстинкту — преследовать и поражать всех, кто убегает, — рванулись вслед за ними. Но тут они с разгону налетели на тупо взрывающих на эту кровавую суматоху стиракозавров, которые невозмутимо пощипывали стебли низкорослых папоротников.

Стиракозавры дрогнули и все разом, как по команде, попятись, сохраняя на огромных рогатых мордах все то же сосредоточенное, туповато-изумленное выражение.

Ближайший к стиракозаврам горгозавр, на одно мгновение припав к земле, едва уловимым броском метнулся к застывшему



*Анкилозавр тщетно пытался спастись от настигающего его горгозавра.*



в оцепенении буйволородному чудовищу. Еще краткий миг, и тяжелая оскаленная морда хищника обрушилась... на пронзивший ее крепчайший рог.

Горгозавр конвульсивно дергал головой, стараясь освободиться, а большая серая капля медленно сползала по его жесткой щеке к зубам...

Вырвав рог из еще живого хищника, стиракозавр, ослепленный злобой, не издав ни звука, часто перебирая ногами, устремился прямо вперед и был мгновенно со страшным хрустом повергнут на землю и раздавлен прыгнувшим сбоку ему на спину горгозавром.

Во вновь возникшем смятении участники и свидетели трагедии повели себя по-разному. Горгозавры, поколебавшись, обратились в бегство, обогнав ковыляющих рептилий-танков.

Ощетинившись огромными рогами на костяных воротниках, стиракозавры зигзагами носились по поляне, калеча и убивая все живое. Один из них с разбегу всадил рог в своего сородича, но тот, словно и не почувствовав этого, продолжал нестись по лугу, увлекая за собой невольного обидчика и не замечая даже, что тот волочится за ним. Этот случай еще раз убедил меня в невероятной живучести рептилий, если у них не затронут жизненно важный центр.

Но вот место двойного побоища опустело.

Кто оказался победителем, осталось загадкой. Возможно, исчерпав свои силы в битве, участники ее исчерпали и свою жестокость. На поляне осталось много трупов и изувеченных издыхающих рептилий.

## КРЫЛАТЫЕ ХИМЕРЫ

Но что это? Со стороны солнца ко мне приближалось множество каких-то черных точек. Они быстро увеличивались и наконец черными теньями заматались над поляной. Это были крылоящеры, или птерозавры — летающие ящеры, настоящие живые драконы из страшных сказок. Их привлекли сюда трупы, и воздух наполнился своеобразным шумом их крыльев.

В мезозое летающие ящеры занимали место, среднее между птицами и летучими мышами. Они летали, когда Земля еще не знала оживленных стай птиц всевозможных цветов и оттенков, соперничающих в красоте с бабочками и цветами.



*Столкновения между мелкими прыгающими динозаврами и летающими  
ящерами были нередки в мезозое.*

Их крылья не были похожи ни на крылья птиц, ни на крылья летучих мышей. Летательная перепонка птерозавра тянулась от его бедра во всю длину тела до последнего пальца верхней конечности. Палец этот отличался невероятной длиной, превосходившей более чем вдвое длину туловища, и им птерозавр управлял главной частью летательной перепонки. Остальные четыре пальца были гораздо меньше.

Огромная голова, расположенная под прямым углом к шее, с заостренной наподобие клюва мордой, придавала ящеру очень странный вид. Птерозавры легко могли выдерживать экзамен на хорошего, хотя и не слишком грациозного летуна. Недаром его мозжечок — отдел мозга, ведающий сложными движениями, — занимал почти всю довольно вместительную черепную коробку. Однако стоило ему нечаянно порвать перепонку хотя бы одного крыла, и он навсегда превращался в неуклюжего наземного ящера.

Между тем эти «драконы» тучей покрыли ясное небо. Они летали группами и в одиночку. Голые и отвратительные летучие ящеры, мелкие — не крупнее воробья, средние, гиганты птеранодоны — до восьми метров в размахе крыльев, покинувшие гнездилища в прибрежных утесах ради пожизны на земле, ящеры бесхвостые и с наконечниками на длинном хвосте в форме червонного туза, реяли над поляной. Рои насекомых жужжали в кустах — стрекозы, жесткие жуки и мухи, похожие на бабочек. Драконы, снижаясь, ловили мимоходом самых крупных. Некоторые ящеры издавали крик, похожий на скрип дверей или на хриплый отрывистый собачий лай.

Этих летающих чудовищ неясный, но непреодолимый инстинкт влек к одним и тем же местам охоты. Вероятно, вид местности, повторенный неисчислимое множество раз, пробуждал в их памяти образы трепещущих, растерзанных, слабых созданий. По-видимому, тот же инстинкт заставляет и пчел возвращаться издалека и разыскивать свой улей.

Полет от далеких мест ночлега до этой поляны был для птерозавров труден, несмотря на пронизанный воздухом как у птиц пустые трубки костей. Десятками они опускались на мой утес и ближайшие скалы и деревья, отдыхали, подвешиваясь, как летучие мыши, вниз головой, цепляясь за отвесные кручи и по-старушечьи ковыляя на ровных площадках скал. Отсюда они должны были бросаться вниз, чтобы расправить крылья, и только потом начинать полет. С ровной земли они, как и наши летучие мыши, не могли подняться.

Я с неприятным чувством сторонился этих дурно пахнущих

летучих созданий, когда они бесцеремонно садились рядом, норовя зубастыми клювами ухватить меня за ноги.

Но вот уже то один, то другой опускается на обильную падаль. Не проходит и десяти минут, как внизу закипает пир. Не садясь, а оставаясь в воздухе и часто махая крыльями, птерозавры вырывают клочья мяса и взмывают вверх, выскивая скалу или дерево, где можно присесть и проглотить слишком большой кусок.

## ПОХИТИТЕЛИ ЯИЦ

На четверть часа над злосчастной поляной и ближайшими окрестностями воцарилась относительная тишина, прерываемая лишь шелестящим шумом крыльев пировавших птерозавров. На примятых травах и в растоптанных кустарниках валялись мертвые или издыхающие рептилии. Земля покрылась липкими дымящимися каплями и потоками. Изредка конвульсивные подергивания гигантских туш заставляли взмывать ввысь летающих ящеров.

Я с облегчением стер с лица холодную испарину, выступившую при виде кошмарной битвы колоссов.

Но вот стая двуногих стройных ящеров обегает стороной поляну. По-видимому, они не плотоядные, их челюсти лишены зубов и одеты роговым чехлом. Но почему они озираются так воровато, хотя и с удивительным изяществом?

Я уже собрался спуститься с утеса, но остановился понаблюдать за ними.

Они что-то ищут, осматривают землю, будто читая по следам. И принюхиваются. Вот они поскакали к краю поляны, где бесконечными дюнами тянется намытый морем песок. Они проворно разгребают песок и снова оглядываются по сторонам. Что это у них в лапах?

Так вот почему они не нуждаются в зубах! Не для того же они раскопали в песке эти яйца, чтобы окружить их в отсутствие родителей материнской заботой... А чтобы прокусить скорлупу, зубы необязательны. Здесь большую помощь окажет клюв. Теперь ясно, кто передо мной.

Это орнитомимиды — рептилии, напоминающие бескрылых хищных птиц. Они могут служить наглядным примером крайней специализации в животном мире, когда вся анатомия и поведение животного приспособлены к «негласному» питанию



*По поляне, низко пригнувшись к песку, двигались напоминающие страусов юркие ящеры.*

украденными яйцами. Даже их длинные тонкие ноги приспособлены к стремительному бегству от разгневанных родителей.

А передние лапы, которые так легко двигаются в разных направлениях, — ведь это скорее руки, которыми удобно брать и таскать яйца из чужих гнезд.

И так миллионы лет вынужденного опасного воровства... Мелкие по сравнению со своими «кормильцами», они расплодились во множестве. Типичные обитатели дыр и щелей чудовищного фантастического мира, они своими налетами на места кладок, где зрели яйца исполинов, бессознательно сокращали численность царствующих фамилий этой эпохи...

Но горе похитителям чужого добра, если их заставляли врасплох! Наказание было самым действенным: раскрытый череп, если родитель был вегетарианцем, и немедленное съедение, если родитель оказывался хищником...

Но вот яйца благополучно вырыты и взяты. Тонконогие похитители полакомятся ими в более безопасном месте, а пока они поспешно и незаметно скрываются, каждый с одним яйцом, бережно прижимая его лапами-руками к груди. Ну что ж, счастливого пути! Сытный вам обед на этот раз!..

## УЖАСЫ МОРЯ

Моря мезозоя были населены ящерами. Я стоял под ярким солнцем у моей машины и смотрел в сторону искрившегося блестящими залива.

В море кипела жизнь. Куда бы я ни посмотрел, мой взгляд падал то на выставленный спинной плавник, то на исполинский раздвоенный хвост.

В белой пене, как поплавки, качались и уносились вниз головоногие, похожие на силурийских спрутов — с телами упругими, как резина, с десятками цепких щупалец, усыпанных присосками и крючками. Их раковины, длинные многометровые конусы в пестром орнаменте, завитые, как раковина чудовищного прудовика, скрученные гигантскими узкими колесами по несколько метров в диаметре, ярко и сложно окрашенные, громоздились на берегу исполинскими кучами известкового мусора.

Временами над водами залива показывалась морда ихтиозавра. Его мощное веретенообразное тело стремительно пронеслось под поверхностью воды, как торпеда, вызывая водовороты. Вода над ним вскипала, крутилась и пенилась.

Ихтиозавры не были рыбами, но они плавали так же проворно, как и их добыча, одетая радужной чешуей. Смело вторгшись в открытый океан, они полностью порвали с суши. И если даже такие отличные пловцы, как морские крокодилы, выходили на берег, чтобы закопать в песке яйца, то ихтиозавры совершенно не нуждались в выходе на сушу.

Я вспомнил, какое удивительное сочетание заключает в себе ихтиозавр: у него зубы крокодила, тело дельфина, плавники акулы, хвост рыбы, спинной плавник кита, его глаза окружены специальными кольцами для защиты от ударов волн, подобно

таким же образованиям у черепах, ящериц, крокодилов. Ихтиозавры наделены способностью рожать живых детенышей, как млекопитающие, и обладают повадками тигров морей — касаток.

Ихтиозавры занимали такое место среди древних рептилий, какое сейчас занимают в классе млекопитающих дельфины и кашалоты.

Щедрая природа создала этот интереснейший гибрид в двенадцать метров длины и позволила ему захватить инициативу в морях и океанах на сто миллионов лет!

Не все ихтиозавры бороздили моря в продолжение всего этого времени: некоторые из них не пережили даже триаса. Таким недолговечным рыбацкером оказался омфалозавр; питался он, не в пример прочим своим сородичам, брюхоногими моллюсками. Его череп в соответствии со способом питания был короткий и массивен, а зубы похожи на пуговицы; такими зубами удобно раздавливать раковины моллюсков.

Даже при самом беглом осмотре залива в бинокль я легко различал несколько видов ихтиозавров. Одни из них были с высоким телом, другие с тонким вытянутым туловищем. Были здесь рыбацкеры с широкими плавниками — эвриптериги и с плавниками узкими — стеноптериги. Был ихтиозавр с челюстями разной длины: длинной верхней и очень короткой нижней. Главным органом плавания у всех у них был сильный хвост и все они имели гибкие мощные лапы, в которых число отдельных мелких косточек доходило до ста. Гладкая, как у кита, кожа не имела признаков чешуи.

Некоторые особенности ихтиозавров в строении черепа, зубов и позвонков роднили их со стегоцефалами — «панцирноголовыми» рептилиями.

Ихтиозавры были великолепными пловцами. Они могли упорно и подолгу преследовать добычу под водой, но время от времени вынуждены были подыматься на поверхность, чтобы возобновить запас воздуха в легких.

Над зеленой гладью залива я давно заметил чьи-то длинные, словно лебединые, шеи. Они взвивались на несколько метров над водой, и издали их можно было принять за гигантских морских змей. Они быстро и грациозно изгибались, погружались в воду, их пасти, вооруженные оскаленными крокодильими зубами, выхватывали что-то из воды.

Откатившаяся волна на мгновение обнажила широкое уплощенное туловище с плавниками. Да это плезиозавр!

Плезиозавры резким движением выбрасывали голову на-

встречу добыче, никогда не зная промаха, вода хлопотала и поднималась пузырями, разбиваемая плавниками-веслами, каскады брызг и тучи пены то и дело скрывали этих свирепых морских хищников. Они дольше других водных рептилий истребляли население океанов и исчезли лишь тогда, когда рептилии уступили просторы равнин, морей и воздушного океана новой, более приспособленной к жизни смене.

Существовало много видов плезиозавров, и они сильно отличались друг от друга, в особенности в отношении длины шеи. Разница эта становится особенно заметной, если на одном конце воображаемой шкалы поставить плезиозавра-эласмозавра с хлыстовидной шеей из семидесяти шести позвонков, а на другой — брахаухениуса, шея которого состояла всего лишь из тринадцати позвонков...

Плезиозавру-эласмозавру принадлежит первенство среди всех позвоночных по количеству шейных позвонков: ни одно животное, вымершее или современное, не превзошло эласмозавра в этом отношении! Пользуясь таким завидным преимуществом, он мог прямо из воды хватать мелких ящеров, неосторожно приблизившихся к берегу, и низко пролетавших птерозавров.

Плезиозавры часто вступали в злобные схватки друг с другом из-за добычи. Иногда они покидали воду и, подобно тюленям, тяжело выползали на прибрежные отмели.

А далеко от моего утеса, в туманной дымке испарений тропического океана, возле увитых зеленью берегов, на месте теперешней Австралии, то ныряя за акулами, то подхватывая задремавшего у поверхности спрута, с шумом и грохотом работая двухметровыми лапами-плавниками, бороздили зеленовато-перламутровые просторы страшные чудовища — плиозавры. Они были самыми опасными хищниками мезозойских океанов. Их трехметровые пасти способны были рассечь и поглотить любую, самую крупную добычу. В наши дни они являли бы собой настоящий бич всех купающихся. Им не составило бы труда охотиться за людьми в воде и проглатывать их, как мы проглатываем сливу, даже не перекусывая, лишь сомкнув исполинские челюсти-капканы. Одним из самых крупных плиозавров был кронозавр. Его туловище с головой в треть тела достигало пятнадцати — семнадцати метров.

К концу мезозойской эры, когда стал клониться к упадку жестокий мир ихтиозавров, плезиозавров и плиозавров, в океанах появились змееподобные рептилии — мезозавры. Они были огромны, не менее четырнадцати-пятнадцати метров длиной, гибки и ловки, как змеи. Извиваясь всем телом, они стремитель-



но носились по вспененному морю, пронизывая встречные волны. У них, как и у змей, нижняя челюсть не была цельной, а состояла из четырех отдельных костей, соединенных легко растяжимыми связками.

Эта особенность позволяла им очень широко разевать пасть и заглатывать крупную добычу. Среди мезозавров встречались гиганты двадцати метров длиной.

Что же могло вынудить ящеров вернуться в море?

Возможно, они искали там более обильную пищу или спасались от слишком размножившихся наземных пластоядных ящеров. Прибрежная мелководная полоса мезозойских морей была очень богата жизнью, поэтому обитатели районов с менее обильным столом устремляются на побережье.

В непрерывно протекающем эволюционном процессе возникли и специализировались те виды животных, которые успешнее других обеспечивали себя пищей. Почти все морские рептилии были хищниками; растительноядные животные не смогли так же хорошо приспособиться к водной стихии, ибо они искали и находили себе пропитание на подводных пастбищах прибрежной полосы.

Еще в девонском периоде произошло событие, которому мы обязаны тем, что являемся людьми. Рыбий плавник превратился в пятипалую ногу. Но, вернувшись в воду, рептилии оказались перед необходимостью обратного процесса: обратить лапы в плавники.

Эволюция, помимо других свойств, замечательна еще и тем, что она необратима. Однажды возникший биологический признак не может вновь исчезнуть без следа. Раз возникшее может лишь преобразоваться во что-то новое, быть может, внешне схожее с пройденным этапом, но в действительности навсегда запечатлевшее все достигнутые этапы в восходящем развитии.

Таким образом, рептилии и в океане сохранили все признаки, приобретенные при наземной жизни, они не обратились ни в рыб, ни в амфибий. В частности, несмотря на значительные изменения, которые претерпела нога водного ящера, она не превратилась в настоящий плавник, каким обладают рыбы.

Рептилии продолжали дышать легкими, а не вернулись к жабрам, несли яйца или рождали детенышей живыми, а не начали метать икру. Вместе с тем некоторые из них заимствовали у рыб форму, потому что эта классическая обтекаемая форма позволила им успешно проталкивать тела в неподатливой водной среде.

Большое количество и разнообразие остатков водных ящеров, обнаруженных палеонтологами, говорит о том, что в мезозойской эре они были исключительно широко распространены в морях нашей планеты.

## ПОЯВЛЕНИЕ КРЕОДОНТОВ

Когда приоткрываются двери прошлого, мы видим устремленные на нас бессмысленные взоры чудовищ. У этих фантастических порождений прошлой жизни размеры тела намного опережали развитие их нервной организации.

На страницах нашей книги уже находили приют странные создания царства беспозвоночных, амфибий и рептилий. Теперь мы начинаем знакомство с необычайными животными мира млекопитающих. Свист и шипение динозавров сменяются ревом хищников креодонтов и низким мычанием бесчисленных стад копытных — мы вступаем в мир высших форм жизни, в мир кайнозоя, последней эры истории эволюции, начало которого отстоит от нашего времени почти на семьдесят миллионов лет.

На своей Машине времени я вторгся в кайнозой в сумерки. Нельзя думать, что четкая граница резко отделила мезозой от кайнозоя. Просто на моем указателе из-под зеленого козырька ограничителя медленно выплыла в прорезь и задрожала комбинация цифр, обозначающая наступление кайнозойской эры.

Я находился в палеоцене, первой и самой древней эпохе третичного периода, которым начиналась кайнозойская эра. Длительность этой эпохи определяется геологами в восемь миллионов лет. Я знал, что «всего» за несколько миллионов лет до этой моей остановки вымерли динозавры, плезиозавры, мозазавры, птерозавры и большинство других рептилий, и от их величайшего многообразия остались лишь черепахи, змеи, ящерицы и крокодилы. На первый план быстро выдвигались еще недавно угнетенные и отверженные птицы и млекопитающие.

Начинается бурный расцвет теплокровных животных, они развиваются в огромное количество разных видов и завоевывают воздух, как когда-то насекомые, а после них — рептилии. Они становятся хозяевами суши и морей, и если с сухопутными зверями по величине успешно соперничали динозавры, то с современными громадами океанов — китами, синими полосатиками или финвалами — сравниться не может ни одно животное во всей истории жизни.

Палеоцен, «эпоха древней жизни», не мог особенно заинтересовать меня хотя бы потому, что в нем еще не успели возникнуть законченные характерные группы животных и растений. Фауна палеоцена очень однообразна и состояла главным образом из животных, которые могли быть с одинаковыми основаниями отнесены и к безобидным травоядным и к хищникам. Млекопитающие отчетливо разделились на растительноядных и хищников только в эоцене, следующей эпохе третичного периода. Растения в палеоцене тоже еще переживали стадию изменения. С самого начала кайнозойской эры происходит вытеснение старых голосемянных растений новыми — покрытосемянными. Это дубы, буки, грабы, тополи, аралии, платаны, мирты, лавры, березы, клены, грецкие орехи, ольха, ель, сосна, пихта, лиственница. Еще более древние деревья: туя, тис, секвойя, болотный кипарис.

Странно, однако, что в ископаемом состоянии до нас дошли исключительно древесные породы. Травяная растительность обнаружена во всем ее разнообразии лишь в последних эпохах третичного периода. До сих пор ученые не могут объяснить этот странный факт. Либо трав вообще не было в начале кайнозоя, что выглядит невероятным, либо, что кажется более правдоподобным, по тем или иным причинам ископаемые травы попросту не найдены.

Я должен был разгадать эту тайну и поэтому остановился в палеоцене. Едва корпус машины перестал вздрагивать, я прыгнул с ее рамы на землю... Трава! Кругом расстился мягкий упругий травяной ковер. Сгоряча я сорвал несколько пучков и бросил на сиденье, затем, успокоившись, стал собирать образцы более тщательно.

Неподалеку орешник тесно сплелся с молодой порослью красного дерева, над ними простирали кожистые листья высокие, увитые лианами деревья, похожие на фикусы. В то время на Земле не существовало климатических поясов, и везде поднимались леса, состоявшие из деревьев, которые в наше время принадлежат к тропическому поясу, субтропикам и умеренной зоне. В наш век в джунглях не найдешь березу, и леса из фикусов не произрастают в Подмоскowie. Но в палеоцене теплый климат был повсюду, и повсюду росли одни и те же деревья.

Вслушавшись в шелест ветерка, я принялся собирать «образцы». Было около девяти часов вечера, смеркалось, и вскоре я принялся рвать траву безо всякой системы, стараясь только выдергивать ее с корнем.

И вот, когда я решил, что трав достаточно и пора подумать о ночлеге, произошло неожиданное.

За темневшим слева массивом леса внезапно вспыхнули искры, мерцающие зеленоватые искры. Я выпрямился, вглядываясь в сгущающийся мрак. Искры медленно и бесшумно перемещались.

«Это креодонты!» — мелькнула мысль, и я стал тихо отступать к машине. Действительно, близкого знакомства с ними завязывать не следовало.

Креодонты — самые древние и примитивные хищные млекопитающие. Они имели длинный и покатый череп с гребнями для прикрепления сильных шейных мышц. Мозг их был удивительно мал и примитивен для млекопитающих. Креодонты процветали и в эоцене, пока их добычей оставались медлительные тупые травоядные. Но, когда появились быстрые копытные, сообразительности креодонтов не хватило для организованного преследования новой добычи, и они быстро вымерли.

Я находился недалеко от машины, когда несколько пар вспыхивающих огоньков вдруг быстро метнулись в мою сторону. Все происходило в глубокой тишине, хищники не выдавали себя ни единым звуком.

Позабыв про разложенные для просушки пучки трав, я вскочил на сиденье. Какие-то крылатые насекомые ударились о мое лицо. Позади из черноты мрака, испещренного зелеными вспышками, вырвался низкий гортанный вой. Потом я услышал частое сопение и хрипы, а зеленые огоньки задвигались быстрее. Послышался шорох и шлепанье тяжелых лап.

Я схватился было за рычаг движения, но передумал и зажег фонарик. Сильный луч света разорвал мрак. Я увидел застывших на миг больших зверей, величиной с медведя, но похожих и на медведя и на собаку.

Арктоионы — медведесобаки! Я погасил фонарь. Рычащие хищники разом бросились на меня, но машина тронулась, и рев зверей внезапно оборвался.

## ПРЫЖОК В ВОЗДУХ

Следующую остановку я решил сделать десять миллионов лет спустя — в разгаре эоцена, второй эпохи третичного периода. Но прежде чем рассказать об удивительных приключениях, выпавших там на мою долю, я должен сделать неболь-

шое отступление. Дело в том, что пришло время поговорить о птицах.

Их история началась давно. Они были современниками динозавров в позднеюрское время, но ни в какой мере не были их родичами. Напрасно мы стали бы искать их предков и среди летающих ящеров, как это пробовали делать в старину некоторые ученые.

Но их не зря называют возвеличенными рептилиями: действительно, и те и другие имеют столь много общего, что, когда в золенгофенских сланцах в Германии были найдены их распостертые скелеты, наука остановилась перед выбором: признать ли это существо ящерицей, одетой перьями, или рискнуть назвать настоящей птицей...

И, как всегда случается в подобных случаях, мнения разделились. Немецкие ученые склонялись к первому варианту, но крупнейший английский зоолог Ричард Оуэн считал иначе. Он первый изучил эти остатки по материалам Британского естественно-исторического музея, и ему открылись доказательства их принадлежности к птицам, которыми не располагали другие исследователи. Так впервые в литературе появилось слово «археоптерикс» — «первоптица», которое с тех пор не сходит со страниц научных изданий, и пернатые обрели наконец своего прародителя.

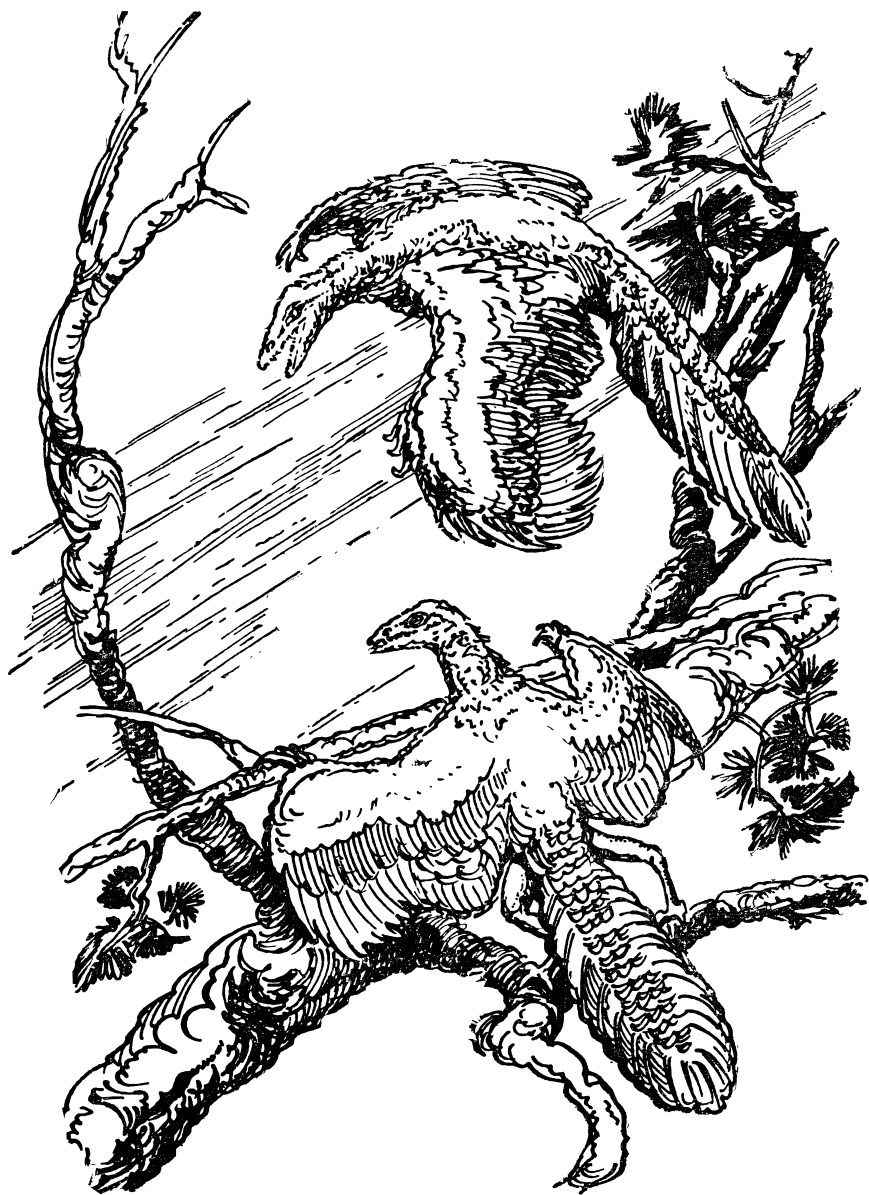
Однако, установив своих непосредственных «родителей», птицы продолжают оставаться без изначальных предков. Археоптерикс — это уже настолько птица, что она сама должна была иметь свою весьма длинную историю.

Никто не знает, когда и при каких обстоятельствах чешуи рептилий обратились в перья и организм с переменной температурой преобразился в теплокровный, с постоянной, весьма высокой температурой.

Основное отличие птиц от рептилий — это перья и постоянная температура крови. Все прочие признаки могут быть порознь найдены у различных рептилий.

Еще в триаса, полтора-два миллиона лет назад, существовали медленные ящеры — псевдозухи, похожие на возможного предка птиц компсогнаты и тоже бегавшие на двух ногах. Их передние лапы должны были редуцироваться — уменьшиться и постепенно исчезнуть. Ибо один из непреложных законов биологии гласит, что никакой орган не может сохраняться в неизменном состоянии, если он не выполняет своей функции.

Но с этими двуногими рептилиями все произошло совсем по-другому. Спасаясь от своих многочисленных и проворных



*Археоптериксы в их пестром оперении были почти незаметны среди яркой тропической растительности.*

врагов, они стали пользоваться передними ногами для того, чтобы влезать на деревья. Окраска их стала пестрой, незаметной среди яркой листвы, испещренной солнечными бликами.

Освоившись с лазаньем по ветвям, они начали совершать прыжки, которые требовали и точного глазомера и каких-то поддерживающих в планирующем полете «приспособлений». И вот тогда чешуя на их теле удлинилась и расщепилась особенно на передних конечностях. Так постепенно начали формироваться крылья.

Но это лишь один из возможных путей развития оперенности.

Второй, менее вероятный, состоит в том, что мелкие ящеры, подобные описанным и также бегавшие на задних конечностях, помогали себе при этом передними лапами, загребая ими воздух, наподобие того, как это замечается при беге у страусов. При этом выживали те ящеры, у которых передние лапы приобретали удлинненную перообразную чешую.

Археоптериксы были самыми примитивными птицами. На «эволюционной лестнице» птиц они занимают самое низкое место. Они были величиной с ворону, с головой, лишенной перьев и покрытой чешуей. Череп и вместимость мозговой коробки у археоптерикса вполне птичьи, но челюсти снабжены зубами, и сами зубы, сидевшие каждый в отдельной ямке — альвеоле, унаследованы от рептилий. Белок глаза был защищен склеротикой — тонкими прозрачными костными пластинками, которые отсутствуют у современных птиц и являются характерной чертой рептилий.

Ребра первоптицы были лишены того отростка, который, опираясь на соседнее ребро, увеличивает прочность грудной клетки, и тоже походили больше на ребра рептилий. Но особенность, которая выдает этих птиц с «головой», — это наличие у них брюшных ребер, образование, которое имеется в наше время, например, у крокодилов.

Грудина археоптерикса была снабжена килем, к которому прикреплялись сильные летательные мышцы. Передние конечности повторяли строение конечностей рептилий, они даже несли три пальца с коготками, зато задние ноги у них были вполне птичьи. Имелся длинный ящерообразный хвост — по длине он превосходил шейный и туловищный отделы вместе взятые. С обеих сторон хвост был покрыт длинными рулевыми перьями: они сидели попарно и росли наклонно назад.

Аэродинамические показатели археоптериксов были плохие, и летали они, конечно, слабо, гораздо хуже, чем их соперни-

ки — птерозавры. Их полет больше напоминал порхание с большими промежутками планирующих спусков. Жить на совершенно открытой местности они не могли. Вероятнее всего, они обитали на покрытых растительностью берегах рек и озер, а при опасности скрывались в чаще ветвей, куда они не только взлетали, но главным образом карабкались, подобно белкам, пользуясь когтями на крыльях.

В самом конце мезозойской эры, семьдесят миллионов лет назад, гигантские стаи птиц размерами с голубя с оглушительным шумом уже подымались с песчаных отмелей. Это были интересные птицы-рыболовы ихтиорнисы. Они прекрасно держались в воздухе и клювом с мелкими, загнутыми назад зубами вылавливали рыб из волн, бросаясь на них сверху. Они жили целыми колониями и превратили многие острова в гигантские птичьи базары.

Появились птицы, напоминающие гагар, — гесперорнисы. Они не летали, у них совсем не было крыльев, их грузные метровые тела поддерживались далеко отставленными назад и вывернутыми в стороны лапами. Это было настолько неудобно при передвижениях по суше, что гесперорнисы вынуждены были, наклоняясь вперед и отталкиваясь от почвы, совершать неуклюжие прыжки. Зато они были превосходными ныряльщиками, пловцами и рыболовами.

## РАЗУЧИВШИЕСЯ ЛЕТАТЬ

Как видно, не все птицы овладели совершенным полетом. Некоторые из них словно забыли, что имеют крылья, и, обнаружив отсутствие достойных соперников, начали увеличиваться в размерах и избрали «пешее» хождение единственным способом передвижения.

В эоцене многие из таких бегающих птиц стали грозой слабым. Их чудовищные серповидные клювы вершили расправу над всеми, кто оказывался слабее, а среди сравнительно мелких примитивных млекопитающих того времени таких было большинство. Это были настоящие тираны открытых пространств, и архаичным мелким млекопитающим того времени приходилось платить им дань «натурой» — своими растерзанными телами.

Пернатые убийцы рыскали на равнинах и лесных прогалинах, голодными пронзительными криками распугивая все живое. Их клекот порождал неприятное и злое эхо. Они бродили



и вслушивались в шорохи, трели и пiski жизни, несшиеся к ним отовсюду.

Некоторые ученые высказывали мысль, что все разнообразные группы нелетающих птиц произошли от каких-то древних примитивных птиц, которые никогда не поднимались в воздух. Но как ни привлекательно своей простотой такое объяснение, оно совершенно неверно.

И вот почему.

Даже в меловом периоде у еще зубастого ихтиорниса были большие сильные крылья, а такая крупная птица, как водоплавающий гесперорнис, никак не может быть названа примитивной, хотя она и не могла летать. Широко известно также, что и в других высших группах птиц некоторые виды утрачивали способность к полету: новозеландская нелетающая пастушка, исполинская гагарка, дронг. Они не умеют летать, но произошли они, без сомнения, от летавших предков, что становится ясным каждому, кто изучит их.

Почему же могла быть утрачена способность летать, с такими большими усилиями и жертвами приобретенная птицами? Почему, овладев удивительным мастерством опираться крыльями на воздух, как мы опираемся ногами о землю, птицы с такой легкостью отказались от этого изумительного достижения эволюции?

Объясняется это тем, что в самом полете «для полета» птицы никогда не нуждались. Полет первоначально явился для них лишь средством избежать врагов.

В самом деле, если нет хищников, способных охотиться на данный вид птиц, то у нее отпадает необходимость летать. Нетрудно убедиться, что нелетающие птицы в основном обитают в тех районах нашей планеты, где фактически нет опасных для них хищников. Например, Новая Зеландия, где совсем недавно обитали огромные страусообразные птицы, лишена опасных животных. В Австралии до появления человека и завезенной им собаки динго практически некому было охотиться на эму и казуаров. Остров Мадагаскар, видевший оперенных гигантов, несших самые огромные из яиц, какие только высиживались «под солнцем», почти свободен от опасных млекопитающих.

В более трудном положении оказывается африканский страус и южноамериканский нанду. Но следует помнить, что живут они на открытых пространствах, где четвероногим преследователям невозможно приблизиться незамеченными к «дозорным», бдительно наблюдающим за всем происходящим вокруг стаи. И, ко-

гда подается сигнал опасности, стоя с невероятной быстротой ищет спасения в бегстве.

По-видимому, если нет к тому препятствий, происходит возврат птиц к «пешей» форме обитания. Когда же этот процесс оказывается завершенным, то исчезают или уменьшаются в размерах крылья, ослабляется хвост и резко усиливаются ноги.

Ныне существующие тинамы дают нам возможность представить такой путь развития бегающих птиц. Тинамы, которые могут рассматриваться как страусообразные птицы, живут в Южной Америке. По внешнему виду они напоминают тетеревов или перепелов, но отличаются от них тем, что это, в сущности, бегающие птицы. Они пользуются крыльями лишь в случае опасности.

Перелетать они могут лишь короткие расстояния, редко превышающие сто или двести метров. Затем они долго и проворно бегут по земле. Хвост у них уже отсутствует, но еще сохранилась грудина с килем, чего нет у других страусоподобных птиц. Вероятно, они являются реликтами, сохранившимися почти без изменений с третичного времени. Подобные им птицы, утратившие зубы и имеющие вполне развитые крылья и выпуклую грудину для прикрепления летательных мускулов, могли послужить исходной группой для появления птиц, которые летали сравнительно плохо и приспособились к обитанию на земле в местностях, где для этого существовали благоприятные условия.

Некоторые из них могли со временем утратить способность к полету и развиваться, постепенно приближаясь к страусообразному типу. В других местах они не в состоянии были выдерживать соревнования с летающими видами и вымерли.

## НА ВОЛОСКЕ ОТ ГИБЕЛИ

Итак, я остановился в эоцене, и эта эпоха, отстоящая от нас на полсотни миллионов лет, встретила меня неожиданностью.

Я «прибыл» в эоцен в середине дня и осторожно спустился на плотный песок. Справа и впереди горбились дюны, облитые теплыми солнечными лучами. Они отбрасывали удивительные сиреневые тени. Солнце стояло высоко, и от песка, как от нагретых печей, поднималось тепло. На волнистых склонах дюн, овеянных и причесанных ветрами, четко выделялись многочисленные следы.

Как неумелые стежки ребенка, впервые севшего за швейную

машину, они перекрещивались и расходились, обегая песчаные склоны с застывшими гребешками ряби. Все вокруг было так буднично, так знакомо, даже шелестевшие под ветром косицы травы в редких зеленых кустиках, что я невольно оглянулся на указатель времени. Указатель уверенно свидетельствовал, что я нахожусь в эоцене.

В полукилометре от меня начинался лес, состоявший из красных деревьев, а еще левее, там, где он был реже, высились крутые обрывы старых, с мягкими очертаниями меловых скал. Кое-где в скалах виднелись большие округлые пустоты, зиявшие в ярком свете дня почти черными провалами. Они напоминали пустые глазницы огромных мертвых чудовищ, и я как замороженный уставился на них. Вдруг издалека донеслись необыкновенные звуки, похожие на причмокивания, и смолкли. Я завертел головой, всматриваясь в дюны. Наступила звенящая тишина. Заслонившись рукой от слепящего солнца, я выждал несколько минут. Я думал, что вот-вот увижу что-нибудь необычное, но не увидел ничего. От сильного блеска рябило в глазах, дюны выглядели безжизненными и безмятежными, какая-то птица, похожая на нашего жаворонка, уныло посвистывала, глубоко ныряя в бесцветное небо. Тревога показалась мне напрасной. Успокоенный, я сделал несколько шагов от машины. И хотя неопределенное беспокойство вскоре снова овладело мной, я продолжал медленно идти к меловым скалам. Уже сотни метров отделяли меня от машины, когда у себя за спиной я услышал явственные взмахи крыльев, как если бы где-то поблизости петух взлетел на забор.

Я обернулся и только тогда заметил какое-то лохматое двуногое существо, торопившееся ко мне сбоку по гребню дюны метрах в ста пятидесяти. Оно приближалось со стороны солнца, и мне был виден только темный неряшливый силуэт. Однако и этого было достаточно, я сразу понял, что за существо в птичьем обличье преследовало меня.

Скалы находились ко мне ближе, чем машина, и я бросился бежать к ним. «Только бы добежать до пещер!» — думал я.

Я мчался к скалам с быстротой, какой никак не ожидал от себя, размахивал руками, словно сама смерть гналась за мной по пятам. И, конечно, так оно и было... «Что она сделает с машиной?» — мелькнула вдруг мучительная мысль и пропала. Даже этому тигру на птичьих ногах железный и кварцевый скелет машины должен был показаться несъедобным. Шум крыльев позади меня стал громче, и я понял, что пернатое чудовище догоняет меня.

Я бежал так, что песок горстями летел из-под каблуков, но у меня уже темнело в глазах, сердце словно разбухло и бешено колотилось где-то в горле. Радужные круги застилали все вокруг, ноги отказывались слушаться, а в груди как будто кто-то царапал железными когтями.

Внезапно прямо перед собой я увидел серые каменные стены в грязных потеках и выставил руки, чтобы не удариться головой. Я повернул, стукнулся плечом о выступ камня и почувствовал, что падаю в какую-то прохладную темноту...

Я очнулся в полумраке на холодной земле. Первое, что я услышал, было какое-то тарыхтение, которому вторило слабое эхо в пещере. Левое плечо и скула ныли от ушиба, я с усилием поднялся и вгляделся в узкую полосу света, проникавшую снаружи. Мне стало ясно, что помешало моему преследователю втиснуться за мной в пещеру: за первым широким входом находилась узкая горловина, сквозь которую я пролетел боком. Эта горловина и не пустила ко мне пернатого хищника — незначительная случайность помогла мне в эту тяжелую минуту.

Опустившись на землю я увидел, что нахожусь в глубокой сухой расщелине, за истекшие тысячелетия промытой ливнями в меловых породах. Удовлетворенный, еще нетвердо ступая, я направился к горловине, чтобы поближе взглянуть на врага, подстерегавшего меня под горячими лучами солнца у выхода из пещеры.

Я высунул голову и увидел гигантскую птицу — диатриму. Она была двух с половиной метров высотой, покрыта тяжелым волосовидным оперением цвета воронова крыла с медным оттенком и внешне похожа на казуара. У нее были массивные ноги с четырьмя пальцами, короткая толстая шея и несуразно огромная голова с узким, как топор, хищным клювом. Но крылья ее были так малы, что терялись в оперении. Разумеется, они не могли удержать такое чудовище в воздухе. Диатрима была бегущей птицей, подобно страусу или казуару.

Так состоялось знакомство человека середины двадцатого века нашей эры и огромного нелетающего орла, вымершего за сорок миллионов лет до появления первого человека.

Я сидел в полутьме и раздумывал, что делать дальше. Иногда, заслышав шорох и повернувшись к светлевшей щели, я видел, как мой бдительный страж просовывал сплюснутую с боков голову в мое убежище и старался протиснуться внутрь. Тогда я имел удовольствие видеть в двух метрах от себя серповидный клюв и как бы прилизанную голову с малиновыми ободками вокруг больших желтых глаз. Сделав несколько безуспеш-

ных попыток дотянуться до меня, злобная голенастая птица снова принималась топтаться снаружи, прохаживаясь аршинными шагами то совсем рядом, то на некотором расстоянии от пещеры, щелкая время от времени полуметровым клювом и сердито причмокивая. Несмотря на относительную прохладу, меня начинала мучить жажда.

«Должно быть, она надеется взять меня измором», — подумал я, в десятый раз выглядывая наружу. Только позднее я сообразил, что сам во всем виноват. Метрах в пяти от моей машины была кладка яиц диатримы. Это были большие яйца, едва присыпанные песком. Трудно было сказать, высиживала ли она их или предоставляла роль наседки солнечным лучам. Во всяком случае, сейчас вид у нее был злой и голодный. Утренняя охота, вероятно, ей не удалась, а здесь совсем рядом засела добыча, и голодная диатрима не могла вернуться к яйцам, чтобы ее не упустить.

День близился к исходу.

Мне оставалось только ждать. «Вечером, когда солнце зайдет и наступит прохлада, диатрима должна будет непременно вернуться к кладке, чтобы согреть яйца теплом своего тела», — размышлял я.

Или я оказался прав, или ей надоело подстергать меня, но диатрима сняла осаду. Скрип ее шагов на песке неожиданно стал затихать, и, бросившись к выходу, я увидел, что она, вскидывая голову, словно верблюд, зашагала через пески к машине.

Как только диатрима скрылась за дюнами, я поспешно выбрался из пещеры и побежал к лесу. Оттуда можно было незаметно наблюдать за ее поведением. Я взобрался на дерево. Одного взгляда в сторону машины было достаточно, чтобы понять: дело плохо. Диатрима уселась на песок в нескольких шагах от машины. Именно тогда я понял, что рядом находится кладка. Переходя от дерева к дереву, с холма на холм, укрываясь в пахучих темных ветвях молодых мамонтовых деревьев, я приглядывался к грозной птице. Да, это был опасный противник.

## УБИЙЦА В ПЕРЬЯХ

Быстро наступали сумерки, и я решил провести ночь не на дереве, а в пещере. Забаррикадовав вход принесенными из леса сучьями, я устроился на подстилке из мягкой душистой

хвоя и заснул. Рано утром я вышел и, спрятавшись за дюнами, наблюдал, как вереница каких-то странных животных переправлялась вплавь через широкий поток. Это были крупные приземистые существа с темными полосами вдоль длинного массивного туловища, с тонким длинным хвостом. Они отличались гибкостью и какой-то особенной пластичностью в движениях и плыли легко и свободно, без напряжения противостоя довольно быстрому течению. Они выбрались на берег в нескольких десятках метров от меня и, отряхнувшись как собаки, затерялись в бесконечных вереницах дюн.

Я вышел из-за укрытия и осмотрел их следы — пять пальцев с копытцами. Да, жаль, что эти животные так быстро скрылись. Это были знаменитые фенакоды — очень любопытные животные, которые совмещали в себе признаки хищников и копытных. Их описание можно найти в любом учебнике зоологии.

Еще недавно их признавали за родоначальников наших лошадей, но это неверно — они появились слишком поздно и имели слишком крупные размеры для родоначальной формы. Их длинный и низкий череп со слабо развитым мозгом и весьма развитыми клыками был очень сходен с черепом креодонтов.

Фенакоды были мало похожи на копытных, они напоминали больше примитивных хищников и находились на стадии перехода к травоядному образу жизни — на это ясно указывали их зубы.

Я вернулся к скалам и нашел пернатую красавицу на месте — возле машины на кладке. Очевидно, она была очень голодна, потому что, не поднимаясь с места, старалась дотянуться клювом до чего-то в песке.

Я тоже был голоден и, уныло побродив возле скал, направился в пещеру. Все утро я думал о том, какую прекрасную яичницу можно было бы сделать из яиц диатримы.

Неожиданно я вновь услышал странный крик, похожий на громкий хруст, и быстро выбежал из пещеры. Чудовище в перьях вытягивало свою короткую шею, щелкало клювом и дергало головой. Такой возбужденной я видел ее только накануне, когда она преследовала меня. Но теперь она смотрела в другую сторону. Что с ней? Она видит или врага или добычу! Но, что бы она ни видела, мне не следовало попадаться ей на глаза.

Однако я должен был узнать, что так взволновало ее. Где ползком, где нагнувшись, я проскользнул мимо разъяренной птицы и высунул голову над гребнем дюны.

Неподалеку, по склонам песчаных холмов, поросших кусты-

ками травы, бродили низкорослые существа на толстых лапах. Они находились против поднимавшегося утреннего солнца, но в их облике и движениях мне почудилось что-то очень знакомое. Ну конечно, это были фенакоды. Они мирно паслись, время от времени затевали оживленные игры, гонялись друг за другом по верхушкам холмов и скатывались по их склонам, поднимая тучи песка. Животные были упитанны и сильные.

«Интересно, враги они или добыча диатримы?» — подумал я. Хотя вряд ли фенакоды могут причинить ей вред, да, пожалуй, и они ей не под силу: как-никак, а фенакоды достигают почти двух метров в длину... Мои размышления были прерваны появлением ее «пернатого величества» собственной персоной. В тот момент я не догадывался, как она может быть сильна и агрессивна.

Она мчалась по песку, горизонтально вытянув шею, высоко поднимая ноги и помогая своими «цыплячьими» крыльями, как призовой скакун на треке. На ходу она громко и неумолчно тархтела, что, очевидно, выражало высшую степень возбуждения и гнева. Фенакоды, сгрудившись в толпу, с беспокойством ожидали приближения двуногого чудовища и вдруг, как по сигналу, сорвались с места и, цепочкой сбежав с холма, исчезли по другую его сторону.

Я даже ахнул от разочарования! Но диатриму это исчезновение нисколько не смутило: она с удвоенной энергией мчалась к дюнам, скрывшим беглецов, и вот она уже достигла подножия, в несколько скачков взобралась наверх и, еще отчаяннее взмахнув крохотными крыльями, стремглав кинулась вниз по склону.

«Теперь и мне не следует медлить», — подумал я и пустился во весь дух к разделившим нас холмам. А что, если она вздумает вернуться? Впрочем, так бегают лишь тогда, когда собираются гнаться за врагом по меньшей мере километров десять. Я с трудом взобрался на вершину дюны. Отсюда открылся широкий вид на песчаный пляж у реки и на закруглявшуюся в отдалении равнину, покрытую застывшими волнами песка. По этим волнам, как корабли, то спускаясь в лощины, то взлетая на гребни, тянулись фенакоды, уходившие галопом, а за ними, огромными скачками перемахивая песчаные хребты, несло пернатое чудовище. Диатрима мчалась так, что, казалось, будто она не касается земли. Ни одна лошадь не могла бы долго выдерживать такой скачки по песку... Меня вдруг охватил какой-то безудержный и нелепый спортивный задор.словно болельщик на футбольном матче, я размахивал руками и кричал что-то вроде: «Давай, давай!»



*Диатрима, угрожающе разинув клюв, бросилась к фенакоду.*



...Между тем фенакоды, выбиваясь из сил, скакали по песку. Их полосатые шкуры блестели от пота. Не меняя аллюра, они косились на преследователя через плечо. Видимо, им стало ясно, что столкновения не избежать, и их «строй» смешался: отставший фенакод прибавил прыти и оказался впереди, а вожак перешел в аррьергард. Пернатый гигант уже шлепал за ними по пяткам, как вдруг фенакоды, как по команде, разбежались в разные стороны.

Вожак, над которым уже был занесен смертоносный клюв, внезапно повернулся и сделал огромный скачок назад, к горлу птицы. «Вот он, извечный прием всех хищников!» — подумал я. Но, вероятно, в быстроте и точности движений рептилии и птицы превосходят млекопитающих, потому что диатрима в тот же миг отбила нападение, и ее клюв до самых глаз обогрился кровью. Раненое животное, отброшенное страшным ударом, упало навзничь, перевернулось на бок и сделало попытку подняться, но второй удар в затылок снова поверг его на песок. Фенакод забился на песке, брыкаясь и окрашивая песок кровью, а клюв чудовища стал методично подниматься и падать. Я отвернулся и, испытывая неприятную слабость в коленях, сбежал с дюны вниз. Я не шел, а плелся, увязая по щиколотку в песке, усталый и голодный, инстинктивно, как к дому, направляясь к машине. После насыщенных опасностями «будней» больше всего мне хотелось отдохнуть и успокоиться.

И, только когда вдали блеснули на солнце металлические поверхности машины, я сообразил, что теперь могу делать все, что мне заблагорассудится. Я мог позавтракать и умчаться в будущее или позавтракать и, не сходя с машины, продолжать наблюдения. Кстати, я вспомнил о грандиозной яичнице из яйца диатримы. До машины оставалось шагов двадцать, когда навстречу мне со скрипучим писком, путаясь в собственных ногах, бросились три птенца — зеленовато-синие, с белыми клювами, чуть ли не больше их самих.

Пока я с изумлением разглядывал этих юных чудовищ, одно из них успело слегка поранить меня клювом. Они были настоящими убийцами с первой же минуты рождения, как и их мамаша, и мне пришлось отбиваться ногами. Неподалеку, за кучей песка, валялись обломки толстой кремовой скорлупы с мелкими пятнышками, будто от раздавленных вишен. Продолбить такую скорлупу стоило, вероятно, немалых усилий, но достаточно было взглянуть на этих милых, бойких птенчиков, на их тяжелые клювы, чтобы проникнуться уверенностью в том, что будь даже скорлупа вдвое толще — она не задержала бы их ни на

одну лишнюю минуту. Воспользовавшись тем, что внимание птенцов отвлекла какая-то несчастная ящерица — они мигом собрались вокруг нее и принялись за трапезу, — я обошел их и нагнулся над местом кладки в надежде все-таки найти хоть одно целое яйцо.

Яйцо я нашел, но, пока я извлекал его из песка, оно треснуло, скорлупа стала разваливаться у меня под пальцами, и наружу выглянул новый младенец. Не затрудняя себя попытками сбросить осколки скорлупы со спины, он ударом клюва рассек мне до кости мизинец, вскочил и, спотыкаясь и падая, помчался к своим пирующим братьям. Там, едва добежав, он тотчас же затеял с одним из них драку по всем правилам, а я, перевязав свой палец, стал собирать для коллекции обломки скорлупы.

Бойцы между тем дрались с возрастающим пылом. Они пригибали головы к песку, топорщили мокрые перья и ожесточенно насакивали друг на друга, норовя выклевать глаза или ранить противника грязными кривыми когтями. В конце концов один из них — не знаю уже какой — ухватил клювом шею противника, точно в ножницы, и, понатужившись, повалил на землю.

Но тут на вершине холма появилась уродливая тень, это возвращалась моя диатрима с добычей. Драка сейчас же прекратилась, и птенцы, все четверо, еле удерживая громадные головы на тонких шеях, помчались ее встречать, а я поспешно вскарабкался на машину, вынул и раскрыл зонт и, заслонившись им, положил руку на рычаг.

Диатрима трудилась с похвальным упорством, то клювом, то мощной когтистой лапой волоча тушу фенакода к своей кладке. Кажется, она несколько удивилась неожиданному появлению птенцов и остановилась, разглядывая их. А они, не обращая на нее никакого внимания, вовсю клевали свежее мясо. Тогда взлохмаченная и неряшливая мамаша снова потащила тушу к моей машине. Затаив дыхание я следил за ней из-за зонта.

Должно быть, она приняла машину с зонтом за что-то новое и даже усомнилась в том, что вокруг нее топчутся ее собственные дети. Диатрима рассталась с тушей и, подойдя к птенцам, еще раз глубокомысленно оглядела их. Может быть, она их пересчитывала. Я с треском закрыл зонт, сунул его в багажник и надавил на рычаг. Последнее, что я увидел в эоцене, был громадный, обращенный в мою сторону, изумленно разинутый клюв, заляпанный сохнувшей кровью.

## В ДЖУНГЛЯХ ОЛИГОЦЕНА

Машина времени подо мной дрогнула и накренилась. Раздался скрежет металла по камню, какая-то ветка хлестнула меня по лицу, и я зажмурился. Несколько квадратных листьев упало мне на колени.

Меня обдало влажным воздухом теплицы. Густые тяжелые запахи сырой земли, эфирные ароматы цветов и листьев с примесью терпкого кислого запаха растительной гнили насыщали красноватый сумрак. Ребристые стволы деревьев отливали карминными и красными тонами. Высоко над головой мелкой частой голубой мозаикой проглядывало небо.

Все видимое пространство между ветвистыми колоссами ликвидамбарами щетинилось серо-зелеными иглами перистых пальм с проступавшими кое-где гигантскими шарами веерных пальм. Какое-то движение рядом привлекло мое внимание: странный темный комок побежал по слежавшейся листве. Это оказался мохнатый, в форме полумесяца фиолетовый паук величиной в кулак. Паук убежал, угрожающе подняв перед собой две передние лапки. Откуда-то на него упала капля, он сжался и отпрыгнул на целый метр в ворох листвы, прикрытый сверху папоротником.

Джунгли! Я всегда мечтал вот о таких нетронутых, обласканных солнцем дебрях. «Так можно, пожалуй, просидеть вечность», — подумал я и поискал глазами паука, но он скрылся. Тогда я пожалел, что не поймал его. И опять я сидел целую минуту, глубоко и спокойно вдыхая напоенный лесными испарениями ароматный воздух, наслаждаясь и сумраком, и видом голубоватой глянцево-листвы. Я находился в олигоцене, в последней эпохе третичного периода, за тридцать с лишним миллионов лет до нашего времени.

«Рискнем!» — решил я и шагнул на мягкую подушку изумрудных мхов.

В воздухе стоял приторно сладкий запах цветов. Мох на стволе ближайшего дерева был влажен, на мои руки и лицо падали капли, будто из неплотно закрытого крана. В сырой духоте мое лицо скоро сделалось влажным.

Поминутно озираясь и вслушиваясь в шорохи, я направился к прогалине, утопавшей в солнечных лучах. Не то комары, не то москиты немедленно обнаружили меня, и все вокруг тонко зазвенело от их толпящегося роя. Ослепительные столбы солнечного света разбрызгивались мириадами мерцающих вспышек на



*Диниктис бесшумно подкрадывался к мезогиппсам.*

ребрах плотных, словно лакированных листьев, и мошара бесчисленными искорками блестела в этих вспышках. Бурые и зеленые петли и бичи лиан щетинились изогнутыми колючками и зубцами. Пройдя еще несколько шагов, я приблизился к прогалине. Прогалина? Передо мной расстилалась до горизонта строгая парковая саванна с редкими группами деревьев. Но прежде чем выйти на опушку, я решил немного выждать в примыкавших к ней кустах.

На саванне было пусто. Только раз вдаль пронеслась легкая стайка тонконогих лошадей размером в шотландскую овчарку — возможно, это были мезогиппусы, предки современного коня, — да прокрался в траве желтый с коричневыми подпалинами зверь с ужасными клыками, свисающими из верхней челюсти. Прошло с полчаса; время от времени где-то вкрадчиво шуршали травы, но увидеть, кто скрывался в них, мне не удавалось.

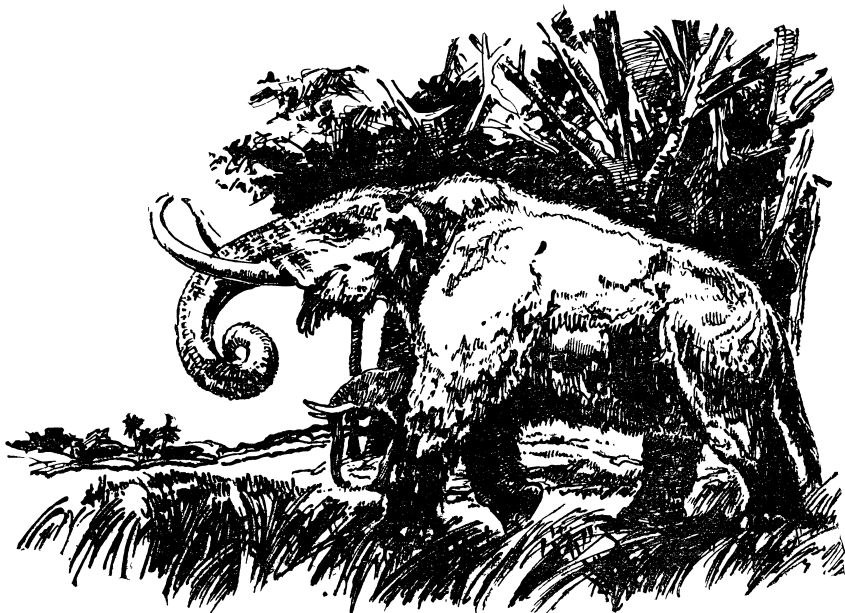
И вдруг за спиной у меня совсем близко раздался звук, будто лопнул туго натянутый канат. В один миг я был на ногах и напряженно всматривался в глубину леса.

С огромной высоты падала оборванная кем-то большая черная лиана. Она рушилась, цепляясь за ветки и соседние лианы, увлекая их своей тяжестью. Сбитые ею, поплыли в лучах солнца кремовые лепестки неведомых цветов.

В глубоких, почти сине-зеленых тенях задвигались сероголубые силуэты. Даже здесь, в джунглях, эти силуэты казались гигантскими. «Да ведь это мастодонты!» — едва не вскрикнул я. Я стоял и смотрел, как они протягивают хоботы и обрывают охапки листьев, неуклюже ворочаясь среди деревьев, и тут их вожак заметил меня. Он выставил хобот, со свистом втягивая воздух. Огромная морщинистая змея, извиваясь и нервно вздрагивая, раздвинула разделявшую нас листву и замерла, словно всматриваясь. Шаги и шорохи в зарослях мгновенно затихли.

Затем вожак шагнул в мою сторону, и его рыло, длинное, с четырьмя торчащими вперед и в стороны бивнями, просунулось сквозь ветки. Маленькие свиные глазки следили за мной, подстергая каждое мое движение. Я шевельнулся, и вытянутый хобот дрогнул и сократился, будто что-то кольнуло его. В любой миг могло начаться нападение.

Но оно все не начиналось. Слабая надежда блеснула в моем сознании. Почему чудовище сделало в мою сторону только шаг? Ответ был один: приблизиться ко мне ему мешали три исполинских дерева, которые он должен был обойти. Остальные мастодонты, казалось, не интересовались мной. Так продолжалось



*На поляну вышел мастодонт.*

несколько минут. Как сквозь сон наблюдал я, как мастодонты за спиной вожака начали проявлять признаки нетерпения, шумно терлись шероховатыми боками, толкались, проявляя желание продолжать прерванный путь. Видимо, именно это беспокойство стада вынудило вожака перейти к действиям.

Моя повесть о скитании по дебрям времени никогда бы не была написана, если бы вновь не вмешался случай.

Один из гигантских стволов, загораживавших дорогу дино-терию, оказался мертв и, полусгнивший, держался на ветвях и лианах соседних деревьев. Едва четырехметровый вожак начал протискиваться ко мне, мертвое дерево скрипнуло и качнулось. Я стремительно кинулся в сторону.

Мастодонт продолжал ожесточенно проталкивать свой грузный торс между стволами, когда полуистлевший исполин начал медленно, как это бывает на экране при замедленной съемке, падать, обламывая соседние сучья и разрывая сомкнутый полог листвы. Но он не упал. Придавив спину мастодонта, он нава-

лился на стволы и ветви живых деревьев и остановился в наклонном положении, раскачиваясь и вздрагивая.

Я не берусь судить о вокальных возможностях современных нам слонов, но зажатый в тиски между огромными стволами мастодонт взревел так, что у меня подогнулись колени. Объединенные джазы всего мира не могли бы извлечь из своих шумных инструментов ничего более пронзительного и оглушающего. Затем рев прекратился. Живая гора пыхтела, ворочалась и сотрясала прижавший ее тяжелый ствол. Мастодонт рухнул на колени, и его бивни зарылись в землю. Сырое прогнившее дерево, постепенно опускаясь все ниже, всей тяжестью давило на несчастное животное... И снова грозный и жалобный рев огласил джунгли.

Я кинулся бежать, не думая ни о чем, стремясь только уйти, не слышать этих ужасных воплей. Силы начинали мне изменять. Я спотыкался о корни, падал, запутавшись ногами в стеблях выющихся растений, вскакивал и снова бежал, бежал, бежал. Потом под ногами у меня оказалась тропа. Прохладный сумрак начинал густеть — оттого ли, что день клонился к закату, или потому, что тропа вводила меня в глубь олигоценовых джунглей...

## НЕОЖИДАННОЕ СПАСЕНИЕ

Тропа, покрытая неясными следами, вела в низину, тонувшую в белом саване тумана. Ключьями серой ваты висел он, цепляясь за колючки зарослей. Иногда все пропадало за белевым маревом. Несколько раз я ударялся головой и грудью о низко нависшие ветви.

Безмолвие дремлющих джунглей нарушил зловещий крик потревоженной птицы, где-то в стороне мне почудилось приглушенное хлопанье крыльев. Позади возник вкрадчивый, нерешительный шорох, он то стихал, то возобновлялся. Неприятно и пугающе проскрипело дерево...

И вдруг громкий захлебывающийся кашель и пронзительный истощенный хохот сумасшедшего прокатились над низиной. «Что это?! — срывающимся от волнения шепотом спросил я себя. — Какая-нибудь древняя гиена? А может быть, и что-нибудь похуже?»

Современные нам гиены поедают падаль и нападают даже на львов, если те ослаблены болезнью. Древние же гиены, более



*В упругом прыжке взвилось тело саблезубого хищника.*



крупные, чем теперешние, могли объединяться в стаи и преследовать вполне здоровую добычу. С другой стороны, гиены — и в джунглях?

Звонящие рои mosкитов продолжали виться вокруг меня. Я повернул и, следуя едва приметной тропой, пошел искать машину. В ушах стоял несмолкаемый перезвон капель в листве пропитанного сыростью леса. Местность полого повышалась. Туман рассеивался, становилось светлее. Слева протянулись желто-зеленые заросли бамбуков. Я продирался через поросли низкорослых веерных пальм, когда слабый хруст и ослабленный расстоянием едкий запах зверя заставил меня остановиться. Инстинкт подсказал мне, что это хищник.

Я мгновенно присел и беззвучно повалился боком в сторону от тропы под укрытие папоротников. Лежать было мокро и неудобно, но я не смел пошевелиться. Храп и тягучий гортанный крик, как бы стелясь по земле, докатились до меня. На сиренево-зеленом фоне лиан и кустарников, среди хаоса тусклых бликов и мутноватого света, скользнул длинной пологой дугой, весь распластавшись в широком упругом прыжке, крупный зверь, весь в продольных переливчатых полосах рыжих и черных тонов.

Я слышал, как затрясся толстый сук, кто-то пронзительно взвизгнул, а затем послышался упругий удар о землю: хищник «снял» кого-то с ветки и мягко, но грузно соскочил вниз. И не держал ли он сейчас в пасти нашего зазевавшегося предка?..

Резкие всхрипы, временами прорывавшиеся у хищника, постепенно затихали, по-видимому, он удалялся. У меня отлегло от сердца.

Нетвердо ступая и напряженно вслушиваясь, я продолжал свой путь. Волнение, вызванное пережитой опасностью, еще не утихло, и я с трудом перешагивал через высокие досковидные корни баньянов и фикусов. Почва на оголенных местах была красной. «Красноземы — обычная почва тропиков», — вспомнил я. Меня знобило, хотелось лечь и хоть немного отдохнуть. Но надо было идти дальше, мне казалось, что я вот-вот выйду к Машине времени.

Но я не вышел к ней и через час. Преодолевая густое сплетение тростников, пробираясь в пышной зелени магнолий, я медленно продвигался вперед. Каждый мой шаг был мучителен. Наконец деревья стали крупнее и реже, меня обступили сал и акации, под ногами снова открылась почва. Прохладный полумрак сменился ослепительными вспышками солнца, прорывавшимися кое-где сквозь многоярусную листву. Деревья вновь

превратились в мощные колонны, возносившие ввысь лиственные шатры. Матовые белые цветы свешивались с ветвей и вырастали прямо из стволов. Ботаники называют это явление каулифлорией. Гигантские лианы, толщиной в торс человека, застыли в сомнительной неподвижности, соединяя вершины деревьев и их подножия подобно стоячему такелажу кораблей. Тени становились все бледнее, на земле часто попадались пестрые пятна колоний грибов и какие-то лилового цвета мхи. А с листьев все время сочилась вода, как будто там, наверху, при ясном небе все время моросил дождь, и я промок до нитки.

Я был рад, что меня пока не донимали древесные пиявки и странствующие муравьи. В наше время им предпочли бы встречу с тигром.

По-видимому, я возвращался не той тропой: не слышно было и жалобных воплей мастодонта, которые могли бы служить ориентиром. Впрочем, мастодонт мог либо вырваться из ловушки, либо погибнуть.

Я достиг места, где среди пятен сгустившейся темноты сверкала под солнцем листва кустарника и казалась особенно яркой роща бананов. Где-то недалеко журчал ручей, и мне захотелось освежиться в его прохладной воде. Но меня подстерегали неожиданности.

Берег ручья был покрыт высокой жесткой травой. Дальше крупные ползучие растения неизвестных пород приютились между корнями деревьев, протягивая к небу большие овальные веера. Множество цветов и лазающих растений с чешуйчатой корой цеплялось за обнаженные стебли кустарника, похожего на южноамериканскую юкку.

С того места, где я стоял, открывался вид на широкую заводь, укрытую справа в голубоватой тени. На спокойной поверхности воды лежали округлые листья и матовые бело-розовые цветы.

Огромные животные, способные помериться силами со слонами, стояли и лежали в самой глубокой части заводи. Передо мной были бронтотерии, величайшие из травоядных, если не считать индрикотериев. Это были красавцы, и ради того, чтобы увидеть их, стоило несколько часов проблуждать по лесу. Они походили на исполинских горбатых носорогов со странной прогнутой мордой, украшенной двумя парами своеобразных тупых рогов. Стремясь поглядеть на них поближе, я стал красться вперед и вдруг с шумом обрушился в какую-то яму, скрытую подгнившими корнями. Когда я, проклиная свою неловкость, выбрал-

ся наружу и встал, над кустами со стороны заводи возвышалась гигантская тень, заслоняя солнечный свет. Я попятился.

Один из бронтотериев вздумал уяснить причину внезапного шума и, раздвинув уродливой головой колючий кустарник, бессмысленно поводит ею, приносясь и вращая белками глаз. Должно быть, он уловил новый для него и странный запах человека и теперь решал, означает ли этот запах мир и возможность безмятежно нежиться в прохладных струях или угрозу.

И тогда я совершил непростительную глупость: кинулся бежать сквозь кустарник в глубь леса. Бронтотерий тотчас заметил меня и принял решение не в мою пользу.

Я помню, что кусты терновника показались мне дальше, чем были на самом деле, и меня словно обожгло пламенем, когда я погрузился в их колючие недра. Я круто повернул и притаился за высокими корнями большого замшелого дерева. Огромный, лишенный сообразительности бронтотерий, кряхтя и пыхтя как



*На берегу ручья лениво бродили бронтотерии. Спасаясь  
но даже прохладная вода не спасала*



от жары и насекомых, они заходили в глубину,  
их от жгучих солнечных лучей.

паровоз, грузно пробежал мимо. Земля глухо прогудела, и топот стих. Пока бронтотерий раздумывал, пытаюсь как-то объяснить мое исчезновение, и старался отыскать меня по запаху, я получил небольшую передышку.

Я уже решил, что он не вернется, но эхо тяжелых шагов и отчаянный треск ветвей известили меня, что я ошибся. Бронтотерий медленно приближался с подветренной стороны. Видимо, у него было отличное чутье, и рано или поздно он должен был открыть мое убежище. Тогда я решил перебраться на противоположную сторону ствола. Но я не успел. Широкие стреловидные листья лиан заколебались, когда я пролезал под ними, и мой противник сразу рысью направился ко мне. Огромная морда нависла надо мной, трехпалая тумбовидная нога с шумом опустилась на хрустнувшие корни в пяти шагах от меня. И тогда я, ломая ногти, захватил горсть земли и полусгнивших листьев и с силой метнул в отверстую слюнявую пасть. Он вскинул голову и остановился как вкопанный. Следующая порция грязи залепила его правый глаз. Бронтотерий был невероятно грузен, весил несколько тонн и поворачивался медленно. А я вертелся вокруг него, ошеломляя его ложными наскоками, забрасывая пригоршнями земли, и выискивал пути спасения.

Надо мной сравнительно низко свисала лиана.

«Вот бы мне сноровку Маугли!» — мелькнула мысль и, пока бронтотерий отфыркивался и тряс головой, я подпрыгнул и повис в узловатых петлях лианы. Гигант, заметив мой маневр, сперва ничего не понял, а затем, нагнув голову с тупыми рожками на кончике носа, бросился ко мне. Я висел на высоте трех с половиной метров от земли, а лиана свисала еще ниже!

Я увидел его прямо под собой, затем меня сильно качнуло, жесткая щетинистая шкура ободрала мне ногу, лиана лопнула, и я шлепнулся прямо на круп животного, широкий, как обеденный стол, и покатый назад. По-видимому, моим приключениям во времени пришел конец...

Но оказалось, что я спасен. Я кубарем скатился на землю, а тупое чудовище в ужасе, храпя и взвизгивая, бросилось прочь, натываясь на деревья и топча кустарники. Через минуту его топот и пыхтение замерли вдали.

Я долго лежал в куче ветвей, приходя в себя от пережитого и стараясь унять бившую меня нервную дрожь. Все тело ныло, точно избитое палками, а царапины горели и кровоточили... «Надо искать машину», — вспомнил я и, с трудом поднявшись, снова отправился на ее поиски.

## ЗВЕРИ АРСИНОЙ

Лес внезапно расступился, и я очутился на краю обрыва, уступами спускавшегося в широкую низину, которая простиралась до горизонта. Перед моим изумленным взором в лучах низкого закатного солнца вставали на равнине кроваво-красные пирамиды, шпили, башни — удивительные изваяния, созданные ветрами из красного песчаника. Зрелище было великолепное.

Золовые останцы были сложены из горных пород различной твердости, и даже горизонтальные слои песчаников неодинаково сопротивлялись выветриванию. Менее прочные породы скорее разрушались, осыпались и выдувались могучими вихрями, крутившимися в долине, словно в гигантской чаше. Между слоями пород потверже постепенно возникали выемки и желоба, обогатившие все останцы на одном уровне, а самые твердые слои выступали на их боках выпуклыми горизонтальными галереями.

Стоя у самого края пропасти, я обозревал величественную панораму. Неподвижная, точно замершая, долина купалась в прозрачной лиловой дымке, едва колышущейся под жгучими потоками солнечного света. Густые леса на отдаленных холмах просвечивали сквозь дымку смягченными голубоватыми тонами. Тишина почти осязаемым покрывалом была наброшена на ландшафт.

Там, далеко внизу, у подножий пылавших огнем золотых монументов, на сочных лугах паслись какие-то стада. «Надо узнать, кто это», — решил я.

Я знал, что вблизи стад травоядных всегда скрываются хищники. Близился вечер, я был голоден, шатался от усталости и все еще не нашел Машину времени. Благоразумнее было бы вернуться и продолжать поиски, но любознательность взяла верх, я должен был все увидеть и узнать. У меня, наверное, был странный вид, когда, одетый в лохмотья, я бесшумно крался по краю пропасти, освещенный удивительным лимонно-желтым светом.

Я стал спускаться наискось, направляясь к ближайшему уступу, где виднелось дерево, похожее на кедр. Обрыв был крутой, и временами мне приходилось цепляться за приютившиеся на склонах молодые деревья и нещадно царапавшийся колючий кустарник. Кое-где попадались осыпи, которые я обходил стороной. Сверху, от опушки леса, донесся плаксивый

звериный вой. Его уродливо и насмешливо передразнила птица. По краю обрыва над моей головой проскакала стая каких-то мелких полосатых хищников.

Достигнув уступа, я немного передохнул возле дерева и продолжал спуск. К счастью, дальше склоны были более пологими. Не прошло и получаса, как я оказался в долине и поспешно перебежал к подножию одного из гигантских красных столбов.

Отсюда я мог наблюдать зверей, которые через десятки миллионов лет будут названы арсиноитериями в честь египетской царицы Арсинои. Четвероногие слоноподобные исполины светло-серыми и голубоватыми пятнами неторопливо двигались на оранжевых и зеленых просторах долины.

Это были удивительные животные, напоминавшие одновременно и слонов и носорогов. Их массивные конечности с пятью широко расставленными пальцами были одеты копытами. На носу у них красовалась пара огромных тяжелых рогов, которые сидели параллельно, а на лобных костях торчала еще одна пара маленьких, торчащих в стороны. Большие рога срастались основаниями, образуя сплошной костный свод. Это были грузные и, по-видимому, очень сильные животные с непропорционально крупной головой и довольно длинным хвостом.

Я оказался прав, когда подозревал, что вблизи стад травоядных непременно окажутся в изобилии и хищники. Вероятно, они скрывались в склонах обрыва с его расщелинами, оврагами и пещерами.

Арсиноитерии вдруг перестали щипать траву и сгрудились полумесяцем, вогнутой стороной к долине. Они протяжно ревели, и иногда до меня доносился низкий глухой рокот, похожий на приглушенное расстоянием бормотание. Я немедленно вскарабкался на площадку, созданную ветром в громаде останца на высоте моего роста, и стал ждать.

Арсиноитерии тоже ждали, опустив голову, почти касаясь травы рогами, нетерпеливо роя землю передними ногами. Морды их побелели от выступившей пены, прямые хвосты поднялись и мотались, как палки с кисточкой на конце.

Несколько десятков большеголовых, крупных хищников с телом длиной в полтора метра внезапно выскочили из-за пригорка, на ходу разбились на несколько разрозненных стай и почти одновременно приблизились к травоядным колоссам. Пять или шесть особенно отчаянных подскочили к ним совсем близко.

И тут мне пришлось убедиться, что у арсиноитериев, этих



*Арсиноитерии яростно отбивались от гиенодонов.*



любопытнейших созданий, неизвестно откуда и как пришедших в мир и так же внезапно оставивших его, очень своеобразный нрав. Они были наделены неукротимой и жестокой волей, не знающей колебаний. Пожалуй, они вели себя как современные носороги, только более хладнокровно.

Полумесец их строя вдруг превратился в почти прямую шеренгу, и эта шеренга, сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее покатила навстречу стае гиенодонов. Хищники даже не успели остановиться. Как живые дредноуты среди утлых рыбацких лодок, арсиноитерии шли через волну осаждавших. От их сдвоенных рогов не было спасения, ничто не могло сдержать их уверенных, несущих смерть движений. Оставляя за собой втоптанные в песок трупы, они бежали бок о бок, не нарушая строя, к бесплодным осыпям у подножия обрыва. Там они круто повернули и, никем не преследуемые, размашистым шагом направились в сторону леса каменных столбов, широкие, будто расплюснутые подножия которых вскоре заслонили их от моего восхищенного взора.

Растерянные, деморализованные хищники метались по долине. Печальное красное око солнца, слегка перечеркнутое малиновыми и темно-серыми полосами облаков, смотрело на место побоища. Живые с испугом обегали истерзанные и изувеченные мертвые тела, и головы их кружились от крепкого металлического запаха напитавшейся кровью земли. Затем, словно по волшебству, оставшиеся в живых скрылись.

Я почувствовал, что нахожусь в последней стадии изнеможения. Излишне рассказывать о моих торопливых поисках чего-либо съедобного, чтобы утолить голод. Это оказалось сравнительно нетрудно, так как растительность олигоцена уже принимала формы нашего времени. Достаточно упомянуть, что найденные орехи оказались съедобны, а бананы — просто вкусны.

О возвращении наверх, в джунгли, сейчас было страшно и подумать. Надо было дожидаться утра. Взяв на плечо связку бананов, я вновь забрался на свою наблюдательную площадку.

Здесь, в быстро темнеющей долине, на земле, по которой до меня не ступала нога человека, в мире все еще диком и юном, со страшной определенностью чувствовалась оторванность от нашего времени и враждебность окружавшей меня теперешней жизни.

Ночь наступала быстро. Стая каких-то невидимых существ наподобие южноамериканских ревунов огласила джунгли на-

верху истошными воплями и гудением. Вечер мало-помалу наполнился сиплыми и гортанными криками, воплями и шорохами крадущихся в догорающей заре по чуть приметным тропинкам чутких обитателей джунглей и долины.

Я сидел неподвижно, прижавшись спиной к шершавому камню, и всматривался до боли в глазах. То близко, то далеко мелькали светлячки. Иногда они загорались то в траве, уже едва различимой, то на коре ближайшего дерева. Над долиной повис густой сиреневый сумрак, источавший на западе туман и мглу, но вершины отдельных, самых высоких останцев все еще краснели, как тлеющие угольки.

## В ДОЛИНЕ ПЛАМЕНЕЮЩИХ МОНУМЕНТОВ

Луна серебряным шаром всплыла над иззубренным горизонтом и озарила долину пепельным светом. Мне показалось, что вдали, среди изломанных теней, отбрасываемых останцами, движутся гигантские жирафы. Вглядевшись пристальнее, я понял, что это величайшие из сухопутных млекопитающих — безрогие носороги индрикотерии. Они были крупнее слонов и мастодонтов, крупнее динотериев, и в них действительно было что-то от жирафа с толстыми массивными ногами и могучей шеей.

Я сидел неподвижно, то всматриваясь в мерцающую под лунной долину, то поднимая глаза к мигающим точкам звезд, и слушал приглушенную симфонию олигоценовой ночи. В симфонии этой звучали звоны и трели сумеречных насекомых, громовые рыки скрытых во мраке хищников, хватающие за душу голоса жуткой радости и смертельной тоски, обрывки охотничьих песен джунглей, сонные, похожие на серебристый всплеск волны птичьи голоса. Речитативом в этом бескрайнем море звуков казался над долиной лягушачий хор. Эта симфония казалась для меня обретшей смысл речью чужого языка. Так мощно мог биться пульс жизни только в периоды небывало бурного ее расцвета.

Что-то отчетливо звякнуло у меня за спиной. Быстро обернувшись, я смутно различил в густом полумраке огромную серую массу, неслышно ступавшую между недвижимыми каменными башнями. Только сухой тихий шелест задетого куста и лягз когтя о камень выдали присутствие неведомого существа. Я замер. Нечто жуткое, горбатое, размером со слона, бесшумно

проследовало мимо на мягких лапах и скрылось в угольно-черной тени.

И вдруг оглушающе громоподобные звуки, в которых смешались гнев и безбрежное море тоски, прокатились над землей. Волосы мои поднялись дыбом. Я с замиранием сердца ждал, что гора обрушится на мою голову, — так силен и раскатист был этот вопль. Говорят, что, когда современный лев издает рык, обратив пасть к земле, он вырывает яму звуковым ударом. Я не знаю, провалилась ли земля в том месте, где олигоценовое чудовище изливало свой гнев и жалобы настороженно смолкнувшему миру, но нервы мои оно разрывало в клочки.

Затем я увидел его. Оно семеняло по долине в неверном свете луны. Вообразите себе животное с внешностью гиены и размерами слона, с головой в полтора метра, составляющей четвертую часть его длины, с торчащей дыбом жесткой шерстью на шее и горбатой спине. Вот кто достиг максимума по размерам и мощи из всех наземных хищных млекопитающих. Последний из креодонтов, эндрюсарх, злобный и невероятно сильный зверь уходящего прошлого, и его удивительное внешнее сходство с гиеной лишь усиливало чувство беспредельного ужаса... У него была необычайно широкая грудь и узкий таз. Я поразился, как круто спускалась вниз его спина и насколько задние его ноги короче и слабее передних, толстых, мускулистых, необычайно мощных. Широкие короткие уши были обращены вперед и, словно раструбы звукоулавливателя, вслушивались в ночные шумы. Да, это был эндрюсарх, существо по массивности и величине почти легендарное среди хищников, последний представитель в древнем хищном семействе мезонихид. Креодонт с огромными тупыми зубами... Его подхваченный эхом рев давно смолк в просторах ночи, породив настоящую какофонию панически перекликавшихся голосов.

Эндрюсарх перешел вброд речку и, поднявшись по крутому левому склону, углубился в чащу высоких кустарников. Но как коню не укрыться среди вереска, так и бересклетовый кустарник не мог скрыть эту гигантскую тушу. Тут луна озарила дальние отроги долины, и я рассмотрел неподвижные фигуры высоконогих индрикотериев. Они стояли сомкнутой группой, и их гордые головы возвышались над землей почти на шесть метров.

Индрикотерии чувствовали себя беспокойно. Вот один из них повернулся и с достоинством, неторопливо, иноходью направился в глубину долины и исчез во мраке. Никто из оставшихся не повернул головы, и все продолжали смотреть в направлении приближавшегося чудовища.



*Тусклый свет луны освещал эндрюсарха, склонившегося над тушей  
индрикотерия.*

И вдруг долина вновь огласилась грохочущим ревом эндрюсарха. Опять дрогнули и закачались скалы, и на осыпи загремели и застучали, сталкиваясь, камни, несущиеся вниз по склону. Группа индрикотериев попятилась. «Как они могут выдерживать эту какофонию стоя?» — в ужасе подумал я, прижимая к ушам ладони, и в ту же минуту одно огромное животное рухнуло на бок и конвульсивно задергалось. Луна освещала часть его спины и ноги, все остальное тонуло в тени деревьев.

Хищный гигант остановился, затем опять двинулся вперед ковыляющим шагом и поднял на уровень плеч огромную, в густой шерсти голову. Мне почудилось, что блеснули оскаленные зубы. Донеслось вкрадчивое клокочущее ворчание. Эндрюсарх снова опустил морду, втянул голову в плечи, и медленно, вперевалку, приближался к безрогим носорогам, пристально вглядываясь в их безмолвную группу. Видимо, он опасался встретиться с разъяренными самками с детенышами. Остановившись прямо перед ними, он повернулся вполоборота. Даже на него величина этих живых громад произвела впечатление несокрушимой мощи. А может быть, он проверял их реакцию на свое присутствие?..

Индрикотерии, наконец, преодолели оцепенение, и все, кроме упавшего, шагнули ему навстречу. Они принюхивались, горизонтально вытянув шею. Эндрюсарх медленно заковылял, обходя их, и они стали поворачиваться за ним, раздвинув губы и обнажив короткие толстые клыки.

И вдруг эндрюсарх оступился и покачнулся, едва устояв на ногах. Индрикотерии сейчас же осмелели: один из них проворно вырвался вперед и, поднявшись на задние ноги, сделал выпад передними. Хищник безмолвно съехался, отпрянул, затем с опущенной головой бросился на другого исполина и толчком плеча опрокинул его. Индрикотерии взревели — это был крик, напоминающий скрежет железнодорожного состава при резком торможении, — и разом, лавиной обрушились на эндрюсарха, поднимаясь на дыбы и нанося удары передними ногами. Наверное, только ребра слона и эндрюсарха могут вынести такие тумаки: бык или лошадь были бы немедленно расплющены. Но эндрюсарх только шире расставил задние ноги, чтобы устоять. А затем он тоже пустил в дело передние лапы.

Длинные когти прочерчивали в воздухе широкие дуги, с громким хрустом срывая с боков гигантов длинные полосы шкуры вместе с толстыми слоями жира. Огромные травоядные, храпя от боли, продолжали насккивать, они избивали эндрюсарха ногами и пробовали кусать. Эндрюсарх выжидал. Индрикотерии

в этой свалке сломали строй, они толкались и мешали друг другу, стараясь дотянуться до противника. Некоторое время ничего нельзя было рассмотреть в этой гряде гигантских, отчаянно борющихся тел. И вдруг, издав короткий свистящий рык, эндрюсарх набросился на великана помоложе и схватил его за горло. Метровые челюсти сомкнулись, как капкан, и раздавили хрящ. Индрикотерий с хрипом повалился. Эндрюсарх сразу же взвился на задние лапы и наградил другого индрикотерия оглушительной затрепиной. Тот рухнул на колени, и хищник всей тяжестью прыгнул на него. Сквозь ворчание и хрип послышался сухой треск ломающихся ребер. Оставшиеся индрикотерии, заливая на ходу широкие рваные раны, иноходью ушли в темноту. Они проиграли битву.

Эндрюсарх опустил огромную узкую голову на лапы, лежавшие на повергнутой жертве, поглядел им вслед и не спеша приступил к трапезе, вновь и вновь оглашая долину стонами и надрывным плачем, словно сожалея о понесенных миром утратах.

В полном изнеможении я растянулся на холодном камне, не замечая ни поднявшегося после полуночи холодного ветра из низины, ни мелкого дождя. Я чувствовал себя настолько разбитым, что погрузился в сон, иногда просыпаясь с мыслью о том, что теперь хищник сыт и если откроет мое убежище, то вряд ли тронет меня, а уж завтра я примусь за поиски моей машины как следует.

Рассвет застал меня уже в пути. Мной руководила одна мысль: как можно скорее найти машину. Я вскарабкался на обрыв и снова вошел в джунгли. Было сыро и холодно. Я влез на королевскую пальму, но обзор местности не дал почти ничего. Повсюду простирался нескончаемый величавый лес. Ориентирование по странам света тоже не могло помочь, ибо во время своих блужданий я много раз менял направление.

Машину я обнаружил только после шестичасовых энергичных поисков. Маленькие примитивные предки узконосых обезьян, полуметровые парапитекусы живописной группой расположились на ее станинах и сиденье. Я похолодел от ужаса: стоило лишь слегка подвинуть рычаг, и машина безвозвратно канет в вечность, как камень, брошенный в пруд. Потом я вспомнил, что в предвидении подобной случайности рычаг стоит на предохранителе.

Новые мои знакомые встретили меня грустными взглядами огромных задумчивых глаз на крохотных смысленных мордоч-

ках. Я пробовал прогнать их, но они сопротивлялись и с тем же серьезным и грустным выражением в глазах пытались вцепиться мне в волосы. Их остроконечные нижние челюсти с совсем маленькими клыками подергивались в предвкушении удовольствия.

Их упрямство вывело меня из себя. Пришлось выломать палку и напасть на них. Парапитекусы уступили машину и принялись кидать в меня сучья и все, что попадало им под руку. Это было словно последним прощальным приветом олигоцена. Я уселся в кресло и тронул рычаг.

## ПЕРНАТЫЕ ГИГАНТЫ

Следующая остановка была в миоцене, эпохе третичного периода, после олигоцена и отделенной от нашего времени пропастью в двадцать миллионов лет.

Для миоцена характерно распространение широких зон прохладного морского климата, расселение растений умеренного пояса, появление нескольких родов обезьян, начало и быстрая эволюция пастбищных млекопитающих и появление разнообразных мастодонтов, которые быстро заселяют огромные пространства Северного полушария.

Но больше всего меня интересовали здесь гигантские нелетающие птицы. Свое знакомство с ними я не мог ограничить только наблюдениями над диатримой. В разное время существовало несколько родов таких птиц. Известны великаны, превосходившие размерами даже диатриму, — из них наиболее изучены фороракос и бронторнис.

Миоцен, конечно, был замечателен не только ими, но я надеялся, что счастье и здесь будет благоприятствовать мне и я продолжу знакомство с пернатыми гигантами прошлого. Так и случилось.

Едва я остановился, как машину второй раз за мое путешествие захлестнули волны. Подо мной оказалась мелководная, но довольно широкая речка, и машина с плеском погрузилась в воду, всколыхнув со дна ил, быстро поплывший по течению.

Я не торопился перебираться на берег и был прав. Увидев любезных хозяев здешних мест, я на всякий случай взялся за рукоять рычага. Эти хозяева обладали очень впечатляющей внешностью. Это были величественные красавицы в перьях, ро-

стом от трех до трех с половиной метров, и несколько птенцов ростом с ягненка, маленьких, глупых и игривых, с наслаждением предававшихся веселым свалкам между собой. Они толпой спешили ко мне.

«Интересно, любят они мочить ноги в воде? Если любят, то боюсь, что мне придется с ними расстаться», — подумал я.

Они со своей стороны, после первых приветственных возгласов, хриплых и пронзительных, похожих на скрип несмазанного колодезного вóрота, тоже, по-видимому, сделали свои выводы. Очевидно, мое внезапное появление из пустого пространства и падение в воду как раз тогда, когда они собирались всей семьей утолить жажду, показалось им весьма странным.

Я смотрел на них и думал, что вот такие мастодонты птичьего мира едва не стали преемниками ушедшего со сцены мира ящеров.

Эволюция будто невзначай на одну «палеонтологическую минуту» остановила на них свое благосклонное внимание. Но то был лишь мимолетный каприз природы, которая почти тотчас же исправила свою ошибку.

Нетрудно было заметить, что толпившиеся у воды голенастые птицы являлись форораками. Форораки были ближайшими родичами современной нам южноамериканской пампасовой птицы кариаме. Они держали туловище не горизонтально, как диатрима, а сильно наклоненным назад, как это можно видеть у аистов и журавлей. Бросалась в глаза экзотичность их оперения. Спина и крылья были окрашены в мутный зеленовато-серый цвет, переходивший на груди в ядовитую изумрудную зелень, ноги были черными, а шея и голова ярко-желтыми, с карминно-красным клювом.

Они огромными шагами расхаживали по берегу, то и дело поглядывая на меня, но не проявляя желания вступить в воду. Впрочем, один из птенцов все-таки решил завести со мной дружбу и попытался перейти речку вброд. Он уже ступил было в прибрежную тину, однако внушительный материнский пинок отшвырнул его в сторону, и он пошел прочь, взволнованный и оскорбленный до глубины своей цыплячьей души. Я вздохнул с облегчением, поскольку своим примером малыш мог увлечь и взрослых, а их огромные железные клювы не располагали к близкому знакомству.

Довольно скоро птицы потеряли интерес ко мне и только изредка оглядывались в мою сторону. Они бродили по мокрому речному песку на отмелях и переворачивали клювами камни, иногда что-то склевывая. Они вскидывали головы, делали гло-





*Временами между форораками вспыхивали ссоры.*

тательные движения, и вздутый комок медленно спускался по горлу. Может быть, они лакомились речными крабами?

Затем эти странные птицы удалились. К этому времени я уже был на другом берегу. Местность представляла собой равнину, напоминавшую пампасы Патагонии. Я пообедал консервами и прошелся вдоль берега, не решаясь отходить далеко от машины, потому что форораков на равнине оказалось довольно много.

Они группами бродили вдалеке — то шагом, высоко и как-то нелепо выбрасывая ноги, то широкой рысью, вскидывая в такт бега головами. Я отметил, что им ничего не стоит пересечь все видимое пространство за какие-нибудь три-четыре минуты. Форораки бежали необычайно быстро и с необыкновенной легкостью, как страусы. Когда одна группа пробежала в полукилометре от меня, слышался гул, как если бы проскакал целый табун лошадей.

Начинало смеркаться. Звезды вдруг стали проступать горстями на потемневшем небосводе, и мне почудилось, что я рассмотрел созвездие Южного Креста, видное только из Южного полушария. В спустившейся темноте я почти на ощупь переправился на свой полузатопленный механизм.

Вскоре над берегом показались уже хорошо знакомые мне долговязые голенастые силуэты. «Неужели они так скоро захотели пить?» — удивился я, не догадываясь об истинной цели их вторичного визита.

Но это была засада у водопоя. Разойдясь по берегу, птицы спустились под обрыв к самой воде и, постояв немного, присели на песок, поджав под себя ноги, как куры.

Первыми появились маленькие безрогие оленьки-бластоме-риксы. Два из них были сразу же умерщвлены внезапно под-нявшимися гигантами: крепчайшие клювы рассекали их тельца надвое. Затем я разглядел на берегу силуэт размером с крупно-го волка. Он крадучись шел к воде, но внезапно заподозрил что-то и широкими скачками кинулся назад. Кажется, это был протилацин — хищник с короткими лапами и большой головой. Насколько я мог судить, ему тоже не удалось спастись от пу-стившихся в погоню форораков, но в темноте различить было трудно.

Было за полночь, когда я тронул рычаг движения. Устано-вив его так, чтобы обгонять естественный бег времени, я уснул и проснулся на рассвете, через несколько тысячелетий. На Зем-ле все еще продолжался миоцен, но местность изменилась. Ма-шина стояла теперь посреди равнины. Недалеке темнела опушка леса. В нескольких метрах от меня стоял безгорбый верблюд-альтикамел и опасливо косился в мою сторону. В сто-роне бродило стадо таких же животных, но мое внезапное появ-ление их не интересовало. Альтикамелы были высоконоги и длинношеи и казались худыми. Их ноги внешне очень напоми-нали ноги верблюда, но были намного стройней. Как и совре-менные верблюды, их миоценовые предки были миролюбивы, и я спокойно сошел с машины.

На равнине показался дицератерий — небольшой носорог с двумя рогами. Рога располагались у него не один позади дру-гого, а на самом конце рыла, рядом, как рога у арсинотерия не-сколько миллионов лет назад. На всякий случай я вернулся к машине и стал наблюдать за его приближением.

Известно, что современные носороги часто почти беспричин-но впадают в ярость. Их миоценовым родичам также была свой-ственна эта черта характера. Обладая, как все носороги, слабым зрением, он не заметил мою машину и пробежал иноходью мет-рах в ста от нее, направляясь к лесу. Он мчался с храпом, шумно дыша и довольно быстро, насколько позволяли ему ко-роткие толстые ноги. На опушке он оступился, тяжелой глы-бой вломился в кусты и со страшной силой ткнулся мордой в

древесный ствол. Удар, видимо, оглушил его, потому что он повалился на бок и остался лежать под деревом. А преследуемый альтикамел преспокойно вернулся на равнину и как ни в чем не бывало вновь принялся щипать жесткую травку.

Затем из леса вышло стадо энтелодонтов — гигантских свиней с рылом длиной в целый метр. В бинокль были хорошо видны их клыки, стертые, а у некоторых и почти спиленные жесткими корнями, составлявшими для этих тварей обычную пищу. Эти огромные неопрятные звери имели свирепую внешность и походили сразу на африканского бородавочника и на дикого кабана. В противоположность свиньям они были лишены «пятачка» и не рыли носом землю. Я видел, как чудовищные кабаны принялись рвать клыками выступавшие из земли корневища.

Тут внимание мое привлекло новое животное — моропус из семейства халикотериев. По внешнему виду и по величине он напоминал лошадь и отчасти крупную ламу с очень покатою спиной и огромными когтями на расщепленных когтевых фалангах пальцев.

Голова моропуса по строению типична для растительноядных, и, когда вместе с нею были найдены и конечности с большими загнутыми когтями, ученые долго не могли примириться с мыслью, что и то и другое является частями одного животного. Тогда решили, что когтями моропус притягивал к себе ветки деревьев с побегами и листьями или вырывал ими из земли клубни и корни. Поэтому я с удвоенным вниманием наблюдал за его поведением в бинокль, чтобы иметь возможность выяснить способ его питания. Некоторое время он прогуливался среди деревьев, но я так и не мог решить, высматривает ли он ветки с листьями понежнее или по одному ему известным признакам определяет места в земле с сочными клубнями.

В это время гигантские свиньи затеяли шумную возню за кустами жимолости, и, взглядевшись, я был неприятно удивлен тем, что они грызлись между собой над тушей оглушенного или уже мертвого дицератерия. Энтелодонты пожирали его. Как и теперешние свиньи, энтелодонты были всеядны и свободно переходили от растительной пищи к мясной. Стадо в три десятка голов так усердно трудилось над тушей дицератерия, что туша колыхалась и вздрагивала, будто была живой.

Отвернувшись от этого зрелища, я уселся на сиденье машины, взялся за рычаг и простился с эпохой миоцена.

## В «СЛОНОВЬЕЙ» ТРАВЕ

День моего пребывания в плейстоцене, первой эпохе четвертичного периода, или антропогена, не был похож на предыдущие. От наших дней меня теперь отделяли какие-то полмиллиона лет, но ни разу еще я не испытывал такого странного чувства тревоги, как в первые же минуты после остановки машины в зарослях высокой жесткой «слоновьей» травы, способной полностью скрыть всадника на лошади.

Вокруг непроницаемой стеной поднимался лес гигантских колючих стеблей. Было очень тепло, почти жарко, легчайший ветерок, лениво шевеливший верхушки трав у меня над головой, совсем не умерял духоту, и скоро одежда на мне стала сырой и неприятно липла к телу. Я сошел с машины и попытался раздвинуть траву, но тотчас же порезал об нее руки и лицо.

Порезы эти скоро воспалились и стали весьма болезненны. Хотя я смазал их одеколоном, они распухли; откуда-то появившиеся назойливые мухи, среди которых нельзя было найти и двух одинаковых, принялись с громким жужжанием виться вокруг меня. Большинство мух напоминало оводов и слепней.

Солнце поднялось уже высоко и стало припекать, а я все размышлял о том, что мне делать. Было ясно, что оставаться дальше в этой вынужденной изоляции я не имею права. Мне надо было знать, что представляет собой мир по другую сторону зарослей. К тому же я очутился в невыгодном положении в случае внезапного нападения.

Вокруг звучали трели, жужжание и тонкий звон разных насекомых и незнакомых мне птиц. Эти звуки рождала земля, высокие травы и начинавшее выцветать от зноя небо. Все вокруг было залито ярким светом. Сонные ароматы прелой земли и растений поднимались дурманящими запахами и струились прозрачными дрожащими змейками над поникшими метелками трав.

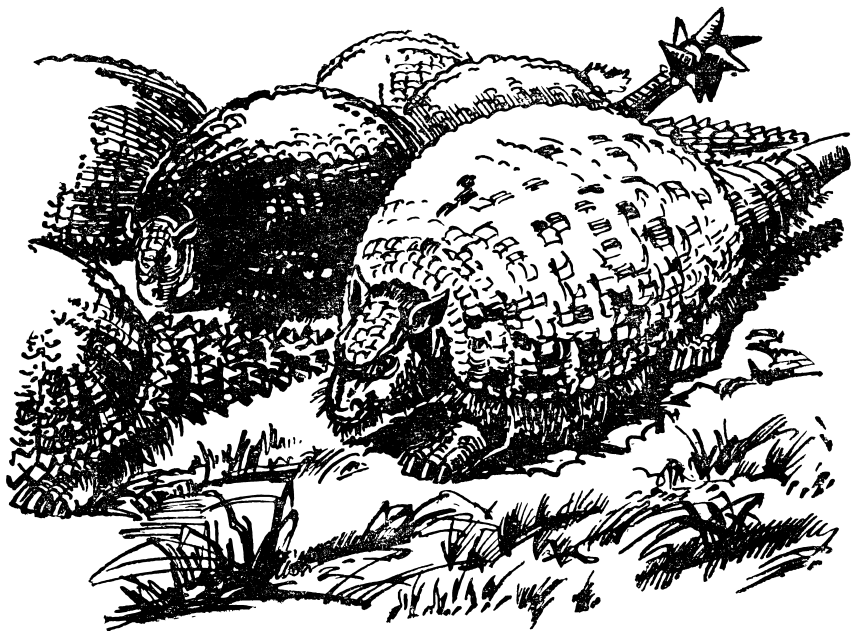
Вдруг где-то далеко, пронзительно и одиноко, трижды прокричала птица. Ее неприятный резкий голос напоминал размеренные удары гонга. Это словно послужило сигналом: в ту же минуту докучавшие мне мухи и слепни гудящим роем метнулись ввысь и унеслись прочь. Почувствовав тревогу, я сделал шаг к машине. Маленький остромордый зверек, прервав на мгновение бег, выставил из-за колючих стеблей щетинистое рыльце и, опасливо нюхнув воздух, едва уловимым движением вновь юркнул в непроницаемые травяные дебри.

Затем неслышно, но ощутимо задрожала земля. Так продолжалось минут пять... Земля содрогалась все сильнее. Одно-

временно я ощутил странный запах, в котором чувствовалась примесь мускуса. «Что это может быть?» — подумал я. Земля уже гудела, словно вдали проходила колонна танков. Я решил пробиться через заросли и рассеять неизвестность.

У меня не было южноамериканского ножа — мачете, удобно-го в таких случаях, но в числе прочих вещей я захватил с собой длинный хирургический нож, достаточно тяжелый, чтобы заменить мачете.

Пока я занимался приготовлениями к штурму обступившей меня травы и надевал кожаную куртку, чтобы защититься от порезов, гул и содрогание почвы становились все сильнее. Быстро сунув руки в перчатки, я схватил нож и кинулся в бой. Заросли поддались, и я начал неистово врубаться в их душные недра. На каждом шагу меня подстерегала неожиданность. Оглядываясь, я видел в конце узкой просеки угол моей машины. Это несколько успокаивало меня, но ни в какой мере не гарантировало спасения в случае внезапной опасности.



*Земля содрогалась под тяжелой поступью глиптодонтов  
двигались, уничтожая*



*и дедикуров. Придавленные массивной броней, они медленно растительность на своем пути.*

Минут через двадцать я заметил, что трава стала значительно ниже, а вскоре сразу перешла в низкорослый кустарник, напоминавший жасмин. Я остановился.

Впереди начиналась прерия с группами серых деревьев, а слева, совсем близко, виднелась опушка редкого леса из великолепных широколистных гигантов.

Я быстро осмотрелся и сразу же увидел тех, чьи шаги колебали землю.

## ЧУДОВИЩА ПЛЕЙСТОЦЕНА

На исполинских черепах — вот на кого больше всего походили эти чудовища, и их было великое множество. Они бежали рысью, припадая на передние короткие и массивные лапы, поддерживающие пятиметровое туловище. Спины этих приземистых броненосцев покрывала масса многоугольных пластин, сросшихся в сплошной костяной панцирь. Мозаика пластин продолжалась и на узкой высокой голове и покрывала длинный хвост, охватывая его, как пирамиду, кольцами костяных шипов. У некоторых хвосты оканчивались массивной булавой с торчащими по сторонам остриями. Мне представился замечательный случай: я увидел одно из чудес четвертичного периода — стада переселявшихся глиптодонтов.

Глиптодонты — это великаны броненосцы, млекопитающие, ставшие неуязвимыми для хищников. Их лапы оканчивались копытами, которыми можно было пользоваться как лопатами, и в случае опасности они быстро зарывались в землю, подставляя врагу твердый, как валун, спинной щит.

Глиптодонты питались падалью и насекомыми; по-видимому, они разрушили и опустошили термитники и муравейники в той местности, откуда они теперь пришли, и голод гнал их на новые места. Над ними густым звенящим облаком вились мириады мух и порхали какие-то длинноклювые птицы.

Животные двигались широким потоком, часто подбирая что-то на земле.

Как ящеры-анкилозавры, они были животными-танками в классе млекопитающих. Я долго наблюдал за ними и слышал скрежет их панцирей, когда они сталкивались друг с другом. Нестройно бегущая толпа этих массивных живых холмов, на целый метр превышавших рост человека, производила неизгладимое впечатление.

Вдруг сильный треск заставил меня обернуться.

На опушке леса качалось дерево, возле которого возвышалось новое чудовище. Это был зверь угольно-черного цвета, в сидячей позе превосходивший крупного слона. Величайший из ленивцев-мегатерий протягивал свою словно обрубленную сверху морду к пышной листве. Сидя на задних ногах и коротком хвосте, он обхватил ствол облюбованного дерева передними лапами с длинными кривыми когтями и раскачивал его, вкладывая в это занятие тупую настойчивость и упрямство.

Мегатерий был всегда голоден. Влезать на деревья, как это делают современные ленивцы, он не мог из-за огромного веса, и он ломал деревья, чтобы добраться до верхних ветвей. Сейчас он сидел в задумчивой позе и медленно, лениво прожевывал охапки листьев, время от времени перетаскивая свое тяжелое тело к еще нетронутым ветвям. Родичи мегатериев — наши современные ленивцы — часами неподвижно висят под ветками в лесах тропической Америки и являются образцами малоподвижности в чрезвычайно активном мире млекопитающих.

Мегатерий, видимо, не заботился ни о чем другом, кроме еды, и отвлекался от процесса пережевывания только для того, чтобы выбрать очередной платан или бук с пышными развесистыми ветвями. Вот он вытянул длиннющий язык, стараясь дотянуться им до соблазнительного пучка сочных листьев.

Вдали виднелись качающиеся, несмотря на безветрие, деревья. Поглядывая на ленивого гиганта, я зашагал к лесу. Вдруг меня покрыла огромная тень. Послышался шум громадных крыльев. Одним прыжком я очутился в зарослях. Гигантский гриф-тераторнис оперенным планером с пятиметровым размахом крыльев проплыл надо мной. Он мог бы без труда подняться в воздух с такой ношей, как человек, и унести его за десятки километров. Снизу, на фоне сияющего неба, он казался темным, а кольцо пуха у основания голой шеи — бледно-кремовым. Упустив добычу, гриф медленно полетел прочь с визгливым кудахтающим плачем.

Выждав немного, я вышел к опушке леса, где виднелись многочисленные следы деятельности мегатериев. На земле валялись большие обглоданные ветви, сучья и целые стволы. На коре устоявших деревьев и на примятой траве были заметны глубокие царапины от страшных когтей. Пройдя еще немного, я убедился, что попал в настоящее царство тяжелоходов-мегатериев.

Здесь были звери величиной от кошки до крупного трогонтериевого слона. Их грязная жесткая щетина была разных цве-



тов — от черного и темно-коричневого до светло-серого. По-моему, самые молодые животные были и самыми светлыми. Укрытый ветками сассафраса, я имел возможность рассмотреть их во всех подробностях. Совсем рядом я видел огромные мохнатые бока с комьями налипшей и просохшей грязи. В густой сваявшейся щетине, местами спадавшей прядями длинных черных волос, торчали кусочки коры, щепки и стебли трав.

От мегатериев исходил неприятный запах. Почти все они сидели в одинаковых позах, подпираясь хвостом. Одно мегатерия я застал в тот момент, когда он с величайшим трудом передвигался к другому дереву. Это требовало от него таких усилий, что невольно вызывало сочувствие.

Огромные когти на передних лапах и короткие мощные задние конечности не позволяли мегатериям свободно ходить, опираясь на ступню, и исполинские ленивцы были вынуждены, растянувшись на брюхе во всю свою длину и вцепившись когтями в землю, конвульсивными движениями подтаскивать вперед заднюю часть туловища, повторяя эти утомительные движения по многу раз.

Морда мегатерия была мясиста, а нижняя челюсть так велика, что составила больше половины черепа. Огромная длинная розовая пасть с толстой нижней губой, которую ленивец складывал так, что она делалась похожей на детский совок для песка, производила неприятное впечатление. Эти медлительные гиганты плейстоцена, казалось, все время чего-то опасались. Они непрерывно озирались по сторонам с глупым и выжидающим выражением на мордах, покрытых щетиной, словно иглами дикобраза.

Я долго разглядывал этих зверей, которые если не спали, то кормились, уничтожая несметные вороха зеленых веток и листьев. А тем временем в небе собирались грозовые тучи. День потемнел. Рваные клочья серых облаков, будто обрывки грязной бумаги, наплывали со всех сторон и медленно заволакивали небо. Ветер усилился, зашумели деревья. Мегатерии один за другим, как будто нехотя, но довольно проворно, опираясь на локти и подтягивая заднюю часть, один за другим покидали опушку, скрываясь в грозно рокочущую чащу буйного тропического леса.

Я подошел к вековому тюльпанному дереву, которое огромным зеленым шатром покрывало пространство в десятки квадратных метров. Делом двух или трех минут было подняться до его нижних ветвей. Там я удобно устроился на кряжистом суку, с удовольствием думая о том, что еще способен устраиваться с комфортом не только в кабинетном кресле...



*Мегатерии с грохотом валили деревья и с жадностью пожирали их пышную листву.*

Отсюда, в просвет между стволом и низко свисавшими пучками изрезанных четырехугольных листьев, видны были джунгли.

Я вглядывался в их недра, где кончался солнечный свет и где через все мыслимые оттенки зеленого, красного, коричне-

вого и даже синего цветов взор погружался в глубокие, почти черные провалы мрака. Игру красок создавали цветы и листья, то матовые с бархатистой каймой, то глянцевые, хорошо отражавшие жгучие лучи полуденного солнца, жесткие, с восковым налетом.

Вершины деревьев в тяжелых шатрах из листьев с шумом наклонялись и выпрямлялись, упруго раскачиваясь из стороны в сторону и задевая друг друга сучьями. Иногда этот шум переходил в рев и грохот, но сила ветра внезапно убывала, и наступала короткая тишина. А затем новый бешеный порыв внезапным ударом обрушивался на зеленых исполинов, и они напрягались так, что их стрелы звенели и скрипели...

Откуда-то слева выбежало стадо могучих древних слонов. В шуме и сутолоке, с трубным ревом они тяжело бежали по склону холма вдоль опушки, их вытянутые морды оканчивались толстым недлинным хоботом, свисавшим между прямыми блестящими бивнями. Было видно, как горбами вздувались у них под шкурой огромные тугие мышцы. Это были страшные всеокрушающие бивненосцы, ростом несколько ниже современных нам слонов. Земля сотрясалась от топота сотен ног. Ветер слабел. Дневной свет продолжал медленно угасать по мере того, как всё новые и новые участки неба исчезали за непроницаемой завесой надвигавшихся ливневых туч.

Внезапно стадо повернуло и ринулось к моему дереву. Оцепенев от неожиданности, я молча глядел на стремительно надвигавшиеся желтые сточенные бивни. Земля загудела еще сильнее, но теперь слышен был только истошный вой толстокожих великанов. И тут, в разгар всей этой суматохи, я обнаружил причину их испуга.

К выпуклому боку одного из слонов словно прирос гигантский карминный цветок. Выгнув спину, резко откидываясь назад и вновь припадая к шее первобытного слона, висела, распластавшись, исполинская кошка, сочетание медведя, огромной рыси и тигра — саблезубый тигр махайрод.

Этот немислимый гибрид раз за разом с ужасающей силой бил свою жертву двумя клыками-кинжалами, свисавшими из его верхней челюсти. Дюймовая кожа слона была уже пробита во многих местах, и там, где были разорваны крупные артерии, фонтанами била кровь. Хищник старался дотянуться до черепа. Толстокожий гигант кричал от боли. Он бежал, отставая от товарищей, теряя вместе с кровью силы. Потом на всем бегу он оступился, качнулся и упал — сначала на колени, а затем на бок, придавив нижнюю часть тела убийцы. Саблезубый тигр



*Клыки махайрода пробили дюймовую кожу гигантского бивеносца.*

нашел в себе силы выбраться из-под навалившейся туши и вяло отползти в сторону — для того только, чтобы оказаться под ногами обезумевшей от страха и ярости старой слонихи с полувзрослым детенышем...

Вероятно, махайрод был парализован, так как задняя часть его туловища волочилась по земле. Он отбивался от слонихи передними лапами, и ему удалось удачным ударом сломать ей нижнюю челюсть и выбить правый глаз. Но в следующий момент он был поднят на бивни и с огромной силой брошен спиной на ствол дерева. Затем тяжкие удары тумбовидных ног обрушились на него. Когда растоптанный, буквально размазанный по земле красивый и могучий зверь навсегда затих, слоны с гулким топотом исчезли в чаще.

В шуме начавшейся грозы послышался громовой рев, и из-за деревьев появился второй саблезубый красношерстный хищник. Подойдя к распластанному труп своему сородича, он обнюхал его и вдруг низко и хрипло замыкал. Это было и трогательно и жутко...

Снова поднялся ветер, молнии полыхнули сразу с нескольких сторон, и в наступившем мраке стал слышен нарастающий шум ливня. Мне казалось вначале, что плотная многоярусная завеса листвы над моей головой окажется непроницаемой для дождя, но потоки воды вскоре обрушились на меня и в один миг промочили меня до костей. Я заглянул вниз. Вопреки моим надеждам, саблезубый тигр, не обращая внимания ни на ливень, ни на молнии, по-прежнему восседал на туше мастодонта и неторопливо глотал кусок за куском. Намокшая шерсть облепила его, по морде стекала вода, и он казался странно тощим и голым, но это нимало не смущало его. Я оказался в ловушке. Только в сумерках зверь расстался с остатками обеда и останками своего собрата, медленно и понуро направился к кустарникам и скоро пропал из виду.

Я вспомнил, что в конце третичного и начале четвертичного периода не только махайрод обладал кинжаловидными клыками. Такими же страшными орудиями располагал, например, другой саблезубый тигр-смилодон, а еще ранее — в олигоцене — гопплофонеус. У всех у них за счет гипертрофированного развития верхних клыков соответственно уменьшились клыки в нижней челюсти. Раствор же их раскрытых челюстей намного превышал прямой угол.

Другим опасным чудовищем, современником саблезубых тигров, был пещерный всеядный медведь. Зубы его стали плоскими, а огромные когти на мускулистых мощных лапах были не

способны схватывать добычу. Этот гигантский медведь, намного превосходивший размерами своих нынешних родственников, устраивал логова в пещерах. Наши первобытные предки тогда еще не умели строить жилища и были вынуждены силой «выселять» постояльцев пещер—всех этих медведей, гиен, леопардов, львов, устраивая им жаркие сражения. Как правило, все виды пещерных хищников отличались крупными размерами, и борьба с ними была очень трудна и опасна и, вероятно, далеко не всегда заканчивалась победой первобытного человека.

Но пора было возвращаться к машине.

## ЛЕДНИКИ СПУСКАЮТСЯ В РАВНИНЫ

Великое оледенение сыграло огромную роль в жизни нашей планеты. Ледниковая эпоха началась примерно шестьсот тысяч лет назад, вместе с началом четвертичного периода, когда с полюсов огромными языками потянулись гигантские глетчеры. Климат изменился, в большинстве мест Земли он начал принимать черты полярного и умеренного поясов.

Иногда думают, что тяжелые испытания, выпавшие на долю животных и растений из-за резкого похолодания в плейстоцене, никогда не случались до этого.

Так ли это? И да и нет.

Такого мощного развития ледников, как в период великого плейстоценового оледенения, действительно никогда в истории Земли не происходило. Но вообще похолодания и оледенения издавна были знакомы нашей планете. Их было несколько.

Самое раннее оледенение наступило больше чем полмиллиарда лет назад. Его называли гуронским, потому что следы его — мощные остатки ледниковых морен — обнаружены в окрестностях озера Гурон в Северной Америке. В начале кембрийского периода наступило второе оледенение, особенно заметное по моренам в Австралии и Индии. Третье оледенение произошло в начале девонского периода, оно хорошо изучено в Южной Африке. Исключительно четкие признаки оледенения обнаружены на исходе каменноугольного периода в Южной Америке и Южной Африке, Индии и Австралии. Тогда ледяные щиты пробороздили континенты планеты в четвертый раз. Следовательно, когда ледяные шапки с севера и с юга надвинулись на нашу планету в плейстоцене, это случилось уже в пятый раз. Может ли это

случиться снова? Без сомнения. Мы живем в начале послеледниковой эпохи. От того места, где сейчас находится Ленинград, ледники отступили какие-нибудь двенадцать — пятнадцать тысяч лет назад. Наше время — это первое потепление после отступления ледников. В дальнейшем климат Земли, возможно, будет становиться теплее. Можно даже ожидать нового возрождения огромного острова Гренландия: на его вытуженной ледниками поверхности вновь зазеленеют мирты, лавры, магнолии, тутовые деревья, фикусы, пальмы и виноград. А затем вновь по лицу Земли медленно прокатится волна холода. Но на этот раз она не принесет столько бедствий. Человечество будет заранее ожидать ее первых вестников и спокойно включит термоядерные отопители планеты. Сложнейшие автоматы, которые заменят человека у пультов машин, станут веками и тысячелетиями следить за термометрами по всем материкам, регулируя поступление тепла. Ледниковые эпохи с их стынущими зеленоватыми ледяными полями, безмолвием морозных тысячелетий и студенными снежными ветрами отойдут в область преданий.

Причины оледенений неизвестны. Предложены различные объяснения, но все они содержат те или иные недостатки и противоречия. Пробовали ссылаться на горообразовательные процессы, но никакие горы не могли бы послужить причиной появления таких огромных толщ льда. Астрономические явления? Возникла идея о том, что солнечная система периодически проходит через более теплые и более холодные области пространства. Допускали перемещения полюсов на планете. Рассматривали гипотезу о существовании в Галактике огромных облаков космической пыли, которые могли поглощать часть солнечных лучей.

Другие исследователи видели причину оледенений в том, что временами атмосфера наполнялась вулканической пылью: это увеличивало рассеяние света и вело к понижению температуры. Интересной оказалась мысль, что главной причиной колебаний климата являлось изменение количества углекислоты в атмосфере. Оно зависит от вулканической деятельности. Понижение ее содержания ведет к похолоданию, а увеличение всего на несколько процентов — к резкому повышению температуры. Таким образом, эпохи, когда вулканы «дымили» наиболее интенсивно, становились наиболее теплыми, а замирание вулканизма вело к охлаждению планеты.

Как мы уже говорили, плейстоценовый ледниковый период начался около шестисот тысяч лет назад. Необычайное и устрашающее зрелище представилось бы нам, если бы мы могли взглянуть с высоты на бескрайние поля голого льда, простирав-

шиеся от Гренландии и Северного Ледовитого океана к югу, покрывшие большую часть Европы, огромные площади Северной Азии, Канаду и северную часть Соединенных Штатов Америки. Толщина этого льда достигала сотен метров, а в отдельных местах — до километра. Общая площадь ледяного щита была близка к пятидесяти двум миллионам квадратных километров, а объемом — свыше пятидесяти миллиардов кубических километров! Около пятидесяти двух миллиардов кубических километров воды лишился Мировой океан, и уровень его понизился, по мнению некоторых ученых, на триста метров! Широкие полосы суши, ныне скрытые под водой, простирались вдоль берегов.

В продолжение всей ледниковой эпохи толщина и размеры ледника менялись. Он то наступал, то отступал и почти полностью исчезал, климат в эти межледниковые промежутки становился иногда теплее, чем в настоящее время. Таких промежутков было четыре. Не нужно думать, однако, что температура на планете намного понижалась во время максимальных оледенений. Это неверно. Сильное охлаждение имело место разве лишь вблизи от ледяных стен. На юге продолжали существовать тропические леса и теплолюбивые животные. Средняя температура планеты упала лишь на пять-шесть градусов. Но и этого оказалось достаточным, чтобы возникли и начали свое движение огромные массы льда.

В начале первой половины великого оледенения растения и животный мир значительно отличались от современного. На тучных заливных лугах и опушках лесов паслись косяки лошадей и неисчислимые стада крупных длиннорогих бизонов. В лесах и на опушках бродили лоси и крупные олени с невиданно ветвистыми рогами. Громадные слоны — трогонтерии, предки мамонтов, обрывали зеленые ветви с деревьев. Эти слоны были самыми крупными; они превосходили мамонтов и современных слонов. Было много диких верблюдов и винторогих антилоп. На них охотились опасные хищники того времени: пещерные львы, называемые еще тигрольвами, так как они имели в своем строении признаки тигров. Пещерные львы, пещерные медведи и пещерные гиены значительно отличались от ныне живущих хищников, но уже не было большого различия между современными и плейстоценовыми куницами, зайцами, шакалами, волками и лисицами.

По мере медленного, но неуклонного продвижения ледников появляются зоны умеренного климата и тундры, полного развития достигают тайга, смешанные леса, новые черты появляются в облике степей. Не все животные вынесли великое похолода-



ние. Одни из них вымерли, другие откочевали к теплому югу, третьи сумели видоизмениться и приспособиться к холодам. На равнинах Северной Европы и Азии широко распространились полярные животные — северные олени из Северной Америки, мускусные быки, ныне обитающие лишь в Гренландии и на североамериканских островах, лемминги, песцы, белые куропатки. Среди заснеженных равнин буро-рыжими холмами выступали многочисленные мамонты, потомки колоссальных трогонтериевых слонов, и их неизменные спутники, огромные волосатые, или шерстистые носороги. Крупные длиннорogie бизоны и первобытные быки уже сильно измельчали; странные животные единороги, или эласмотерии, многие виды голых носорогов, пещерные медведи, пещерные гиены, пещерные львы вымерли. Даже в Крыму обитали в то время белые куропатки, песцы, зайцы-беляки, северные олени, полярные жаворонки. А мамонты и шерстистые носороги водились на юге Испании, в Италии, в Закавказье. Европа, Азия и Северная Америка надолго стали их второй родиной. Последние мамонты вымерли около десяти тысяч лет назад в эпоху вновь начавшегося потепления. Оно вызвало массовую гибель животных, приспособившихся к суровым ледниковым условиям.

За последние двадцать тысяч лет климат Земли существенным образом не менялся и напоминал современный. Именно в это время окончательно сформировался мир растений и животных, который мы знаем. И именно в это время на Земле воцарился новый хозяин — человек.

## КОСТЫ

Ранние предки человека из млекопитающих появились уже в самом начале кайнозойской эры, семьдесят миллионов лет назад. Эти мелкие примитивные звери обитали в лесах и хорошо приспособились к жизни на деревьях. Возможно, это были эоценовые нотаркты или адаписы. Они напоминали современных лемуринов — обитателей острова Мадагаскар, «заповедной страны лемуринов». Череп нотаркта был длинный и узкий, глаза располагались по бокам головы. Он был обитателем Северной Америки, и его останки найдены в штате Вайоминг. Адапис найден во Франции, голова его была более высокой и короткой. Есть все основания полагать, что эти древесные зверьки и были предками обезьян. Для обезьян характерно то, что на протяжении всей своей истории они оставались жителями лесов. В частности это

относится к так называемым человекообразным обезьянам. На земле эти обезьяны чувствовали себя настолько неуверенно, что, например, один профессор надежно удерживал от побега пойманных шимпанзе только тем, что вырубил все деревья и кустарники вокруг рощи, куда эти шимпанзе были выпущены.

Нам почти неизвестны все звенья длинной цепи, которая через вереницу предков связывает нотаркта или адаписа с человеком. Отсутствие материала объясняется тем, что остатки этих обитателей лесов чаще всего полностью разрушаются у подножий древесных стволов бактериями-сапрофитами и животными — поедателями падали. Только в исключительных случаях возникали условия, которые позволяли их скелетам окаменеть.

Изучив строение современных высших обезьян, можно составить представление и о непосредственных предках человека. Из четырех видов человекообразных обезьян самыми отдаленными нашими родственниками являются, конечно, гиббоны из Индокитая и с Малайского архипелага. Череп гиббона выдает его принадлежность к более примитивным обезьянам, хотя и имеет достаточно крупное мозговоеместилище. Появился гиббон, вероятно, в олигоцене тридцать миллионов лет назад и в процессе эволюции превратился в одну из самых приспособленных к жизни на деревьях обезьян. При первом взгляде на гиббона поражает необычайная длина его рук. При вертикальном положении тела он ладонью достает землю. Такие руки позволили гиббонам стать непревзойденными акробатами лесов.

Гораздо ближе к нам стоят орангутаны, человекообразные обезьяны с островов Суматра и Борнео. Как и гиббоны, они ведут древесный образ жизни, но их руки не столь длинные, как у гиббонов, и в вертикальной позе достигают только голеностопных суставов. А самыми близкими родичами человека являются африканские гориллы и шимпанзе. Размеры черепной коробки у этих обезьян больше, чем у орангутана. Руки у них спускаются лишь немного ниже колен. Их появление на Земле относят к концу миоцена, или к самому началу плиоцена. Ни гориллы или шимпанзе, ни тем более гиббоны, ни орангутаны не могли стать нашими предками. Однако далекие предки этих огромных обезьян одновременно явились и предками человека. Они были обитателями лесов и походили, по-видимому, на шимпанзе.

Превращение первобытной обезьяны в обезьяно-человека произошло более миллиона лет назад. Это превращение могло случиться только потому, что какие-то причины вынудили ее покинуть деревья и перейти к жизни на земле. Все обезьяны, в том числе и человекообразные, всегда были и будут обитателями

тропических лесов. Их появление и распространение в третичном периоде, в эпоху пышного произрастания джунглей, вполне понятно. Но невозможно представить себе причину, которая бы вдруг заставила древнюю обезьяну спуститься в полные опасностей и неудобств нижние этажи леса. Поводом к возникновению новых видов животных всегда служила какая-либо настоятельная необходимость, а в данном случае она явно отсутствовала. Первобытный глухой лес не мог стать местом формирования человека. Предки людей ни за что не стали бы без крайней необходимости спускаться с ветвей и осваивать жизнь на земле. Безлесная местность представляла для них почти непреодолимый барьер. Кажется, ничто не могло помешать ранним примитивным обезьянам продолжать оставаться обезьянами, все более и более совершенствуясь в жизни на деревьях и приобретая все меньшее сходство с человеком. Чтобы превратиться в людей, им надо было прежде всего спуститься на землю.

Что же могло заставить наших предков покинуть спасительные ветви? Конечно, не голод: ведь на земле пищи для них было еще меньше, чем на деревьях, а врагов — значительно больше. Помимо всего прочего, на земле они были почти беспомощны. Не могли они, с другой стороны, превратиться в человекоподобные существа на деревьях и уже потом оставить свое прыганье и лазанье по ветвям. Напротив, только очутившись на земле, предки людей стали превращаться в человеческие существа. Те обезьяны, которые не перешли к жизни на земле, навсегда остались обезьянами.

Приходится признать, что спуститься с деревьев их заставило очень важное обстоятельство: огромные массивы лесов севернее и южнее нашего теперешнего тропического пояса начали редеть. Правда, обезьяны испытывали «склонность обращаться в людей» далеко не всюду, где гигантские леса заменялись саваннами. Например, с павианами в Восточной Африке этого не произошло. Их предки обитали на деревьях, а нынешние павианы населяют горные районы Абиссинии и живут среди скал. Приспособившись к жизни на земле, они остались все же весьма низкоорганизованными обезьянами. Не от их предков ведет свою родословную человек, и не всякая обезьяна, начавшая жизнь на земле, способна была подарить миру человека. Предки людей были намного более высокоразвитыми обезьянами, чем предки павианов.

В третичном периоде возникли первые большие складчатые цепи гор: Альпы, Пиренеи, Карпаты, горные хребты Азии. Ко-

гда дыхание гигантских ледников уничтожило миллионы квадратных километров тропических лесов и зябнувшие обезьяны очутились на земле, они часто оказывались в ловушке: с севера на них медленно, но неотвратно наступала холодная искрящаяся стена льда, по утрам окутанная туманом, а отступление к югу отрезали иззубренные хребты. Пространство между неприступными горами и придвигавшимся ледником неумолимо сокращалось, в продолжение тысячелетий все более охлаждался воздух. Суровая жизнь в этой полосе и могла способствовать превращению высокоорганизованных обезьян в человеческие существа. Прошли сотни тысячелетий, и обезьяна перестала быть лазающим животным, она освоилась с передвижением в безлесной местности.

Однако человек все же не мог бы появиться, если бы его предки — обезьяны не оказались способны к тому, чтобы в конце концов встать на задние лапы и освободить передние, превратив их в руки. Спастись от врагов на открытой местности бегом они не могли, они были чрезмерно медлительны. Но жизнь на деревьях выработала у них привычку держаться вертикально, и на земле, поднявшись на задние ноги, эти обезьяны рассматривали врага поверх препятствий и вовремя прятались от него. Освобожденная рука наряду с зубами использовалась в борьбе с хищниками и для ловли добычи. В новой обстановке вертикальная поза давала обезьянам большие преимущества.

Став жителями равнин, наши предки так никогда и не выработали способности бегать быстро, а это говорит о том, что не стремительным бегом, а иными средствами защищали свою жизнь эти наземные обезьяны. Зубы обезьян, которые произошли от насекомоядных животных, тоже не представляли надежного средства в борьбе с врагами. Единственным надежным органом в этих целях могла стать рука. На ней не было длинных острых когтей, которыми можно было бы царапаться, но она была сильная, подвижная и, главное, обладала способностью схватывать предметы. Нетрудно представить, как обломок палки у наших предков превратился в надежное орудие защиты. Сначала это движение могло быть чисто инстинктивным: при внезапной опасности зажать в лапе обломок палки, как при жизни на деревьях — схватиться за ветвь. Способ обороны внушительного размера дубиной оказался, по-видимому, достаточно надежен. Увеличивался размах руки, значительно сильнее становился удар, сама рука страдала намного меньше. Менее одаренные обезьяны, которым слабость координации движений не позволяла пользоваться палкой, должны были чаще гибнуть.

Так в результате естественного отбора постепенно возникло существо, которое неплохо ходило на задних ногах, защищалось от многочисленных врагов ударами тяжелой дубины и уже значительно отличалось от человекообразной обезьяны. Естественный отбор на способность защитить себя и детенышей в среде этих полуобезьян-полулюдей сохранял только тех, которые обладали наиболее развитым мозгом и, значит, сообразительностью. Это главным образом и стимулировало развитие интеллекта. Но, став орудием защиты, обломок дерева одновременно превратился и в орудие нападения. Способность добывать в труднейших условиях пищу оказывала сильное воздействие на естественный отбор. Каждое такое существо должно было уметь выслеживать и убивать небольших животных для пищи. Часто в пылу битвы или преследования вместо палок и сучьев использовали камни. Ими били и их бросали в добычу и во врага. Но, когда эти дикие орды случайно открыли пользу соединения обломка камня с палкой, это был в развитии первобытных людей момент величайшей важности. Каменные орудия дали им в руки исключительно сильное оружие. Открытие или изобретение искусственных орудий в целях защиты и нападения было абсолютно необходимым условием в жестокой и безжалостной борьбе за существование. Без них наших предков ожидало бы полное вымирание.

Наши обезьяноподобные предки были стадными животными, когда они жили на деревьях, такими же ордами они продолжали жить и на открытых равнинах. Такие орды постоянно кочевали в поисках местностей с наиболее обильной пищей. Их уже не влекло обратно на деревья — эволюция приобрела настолько четко выраженное направление, что возврата вспять быть не могло.

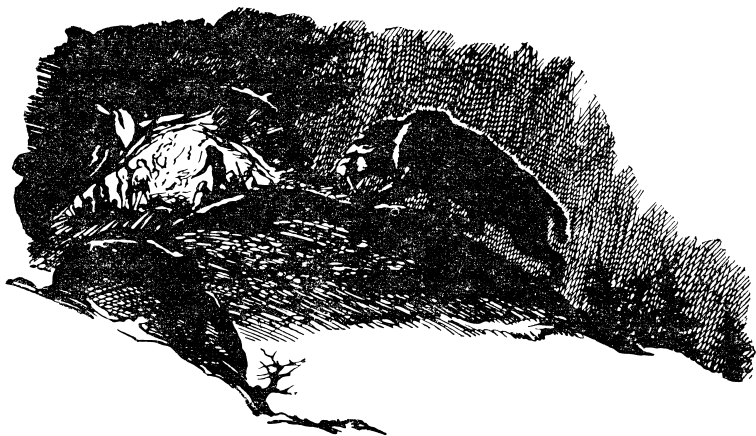
Ни Америка, ни Австралия не были колыбелью обезьянолюдей. Территорией, на которой они возникли, был юг Азии и Африки. Здесь создались условия, приведшие к возникновению первых примитивных людей. В конце мезозойской эры там обитали многочисленные растительноядные и хищные динозавры и с ними — маленькие первые млекопитающие. Климат был очень теплым, и вся эта обширная территория была покрыта богатой растительностью. Однако начиная с олигоцена климат здесь стал прохладнее, и постепенно на месте тропических лесов стали образовываться обширные травянистые равнины. По-видимому, именно здесь и в горных районах появились первые обезьянолюди — питекантропы, и отсюда они медленно распространились на запад, юго-запад и юго-восток. Это были пря-

моходящие низкорослые существа с сильно покатым лбом и мощными надглазничными дугами. Кости их черепа имели значительную толщину. Питекантропы жили в окружении крупных человекообразных обезьян, макак, тапиров и носорогов, бегемотов, оленей и антилоп, быков, слонов, медведей, гиен, тигров и саблезубых тигров-махайродов. Надо полагать, что наибольшую опасность для наших предков представляли обычные тигры и их гораздо более крупные и страшные саблезубые сородичи. Но добычей этих опасных хищников чаще становились копытные животные, и их встречи с питекантропами бывали довольно редки. В условиях тропического климата и обилия дичи жизнь обезьянолюдей текла сравнительно благополучно.

В Азии в это время формировался новый, более высокоорганизованный тип первобытного человека — синантроп. Синантроп еще обладал очень низким черепным сводом, сильно покатым лбом, тяжелыми надглазничными дугами, выступающими вперед челюстями, тупым подбородком и заостренным затылком. Держался он несколько прямее, чем питекантропы. Его окружала фауна более прохладного климата: первобытные быки, различные носороги, дикие кабаны, лоси, олени, медведи, древние слоны, львы и волки. Синантроп уже изготавливал примитивные каменные орудия, лакомился костным мозгом, раздробляя трубчатые кости, изготавливал чаши из черепов животных и умел пользоваться костром. Есть основания считать, что синантроп не только поддерживал постоянный огонь, но даже умел его добывать. Спустя десятки тысяч лет в процессе дальнейшей эволюции возник более современный тип человека — первобытные люди, или неандертальцы.

Настоящим пещерным человеком был неандерталец. И появился он с юга Азии, расселившись постепенно по Европе, Азии и Африке. Неандертальцы были очень выносливы и умели приспосабливаться к разнообразным климатическим и природным условиям. Это были люди небольшого роста — около ста шестидесяти пяти сантиметров, чрезвычайно коренастые, ходили они, сгибая в коленях ноги. Черепа их поражают массивностью и толщиной костей, лицевая часть остается выдвинутой вперед, но челюсти несут крепкие, почти совсем человеческие зубы.

Неандертальцы вступили в Европу около ста — ста пятидесяти тысяч лет назад. Они были обитателями естественных пещер, умели пользоваться огнем и изготавливали примитивные каменные орудия. Охотились они на лошадей, оленей, бизонов и лосей, у гигантского пещерного медведя отлавливали пещеры.



*Неандертальцы часто становились жертвами крупных хищников.*

Пещерный медведь был могучим зверем, в полтора раза превосходившим нашего современного бурого медведя. Поднявшись на задние лапы, он достигал трех метров. И все-таки неандертальцы вступали в битвы с этим всеядным хищником. Существовали племена, которые регулярно охотились на него ради мяса и теплых шкур.

Прямая схватка с пещерным чудовищем была всегда очень опасна и требовала от охотников большого мужества и взаимной поддержки. Плохо вооруженные древние люди нередко становились жертвами слабости своей организации. Самые тяжелые исходы битв были для людей обычным явлением.

Нелегкая жизнь неандертальцев сделалась еще тяжелее с понижением температуры. Загнанные холодами под каменные навесы сырых пещер, прикрывая тело шкурами убитых животных, плотной группой окружив костер, неандертальцы с трудом выживали. Животные откочевывали на юг, и охота не всегда бывала удачной. Приходилось голодать целые недели, за которые люди теряли силы. Потом внезапное появление вблизи стоянки северных оленей или шерстистых носорогов заставляло людей собирать остатки сил, чтобы одолеть в неравной борьбе одного или двух могучих зверей. Именно в эти исключительно тяжелые для неандертальцев времена некоторые орды начали откочевывать на юг и, постепенно расширяя область обитания, проникли через Ближний Восток в Африку. Постепенно они

приобрели более высокий черепной свод, менее тупой подбородок, их ноги стали длиннее и выше рост. Все их строение указывало на то, что они стояли выше типичных неандертальцев Европы. Из Европы и Азии неандертальцы откочевывали все дальше на юго-восток, к островам Малайского архипелага и к Австралии. Но Австралии они не достигли. Неандертальцы не проникли также и в Америку, потому что перешеек, связывавший Евразию с Американским континентом, находился далеко на севере, подо льдом.

Прошли тысячелетия, и на планете появился так называемый кроманьонский человек. По всем своим внешним признакам кроманьонцы были точной копией современных людей, а их черепная коробка даже превосходила вместимостью объем мозговой полости любого из нас. Это был завершающий этап в нашей эволюции. С появлением кроманьонцев возник человек, непосредственными потомками которого мы все являемся: «Человек разумный». Это произошло около пятидесяти тысяч лет назад.

## ПОБЕДИТЕЛИ И ПОБЕЖДЕННЫЕ

Я двигался по плейстоцену медленно, не спуская глаз с указателя геологического времени. Мне не хотелось пропустить начало раннего палеолита. Я остановился в мире питекантропов.

Стоял жаркий тропический день. Машина находилась на вершине холма в чаще низкорослого кустарника, языком спускавшегося к мелкой речушке. В километре слева бледно-зеленые заросли высоких бамбуков обступили опушку болотистого леса со смоковницами и лимонными деревьями и роскошными древовидными папоротниками, похожими на перистые пальмы. Впереди и справа тянулась всхолмленная равнина с группами невысоких мимоз. Большое стадо диких свиней во главе с крупным вепрем с визгом и хрюканьем вынырнуло из тростников и, толкаясь, направилось к водопою.

Я наблюдал за ними в бинокль, когда гортанный нечленораздельный возглас разорвал тишину. Он раздался из кустарников с северной стороны холма, затем послышался шум и дробный топот множества ног.

Держась за рукоять движения, я ждал приближения неведомых существ. И вот из-за склона, метрах в двадцати ниже меня, вынырнули предки людей — питекантропы. Они были об-



нажены, как и полагается животным, и покрыты черной короткой шерстью. На первый взгляд они почти не отличались от крупных обезьян, но пропорции их рук и ног были совсем иными, и бежали они гуськом в выпрямленном положении, не прикасаясь к земле руками. Я смотрел на них во все глаза: ведь это были первые на планете существа, наделенные проблесками человеческого сознания.

Впереди бежали крепкие крупные самцы, приносясь к запахам плоскими расширенными носами с вывернутыми ноздрями. Один из них увидел меня и машину, встревоженно рявкнул, и все остановились как вкопанные. Я мог подробно разглядеть их: они совсем не имели талии, мутноватые темные глаза смотрели из-под надбровных дуг недоверчиво и боязливо. В руках у некоторых были суковатые палки и крупные обломки камней. Сжимать такие камни в руке было неудобно, и я заметил, что грани обломков были очень примитивно обиты. Это были первые в истории человечества сознательно обработанные каменные орудия — нечто вроде грубых рубил. Большие пальцы ног у питекантропов отходили от остальных, как у обезьян.

Питекантропы стояли кучкой на опушке кустарника и пялили глаза на то, что должно было представляться им непонятным блестящим чудищем. Казалось, они колеблются, не зная, что предпринять. Но тут что-то у подножия холма привлекло их внимание, и я был моментально забыт. Питекантропы ринулись в кустарник и исчезли из виду. Я еще слышал треск ветвей и гортанные односложные звуки, но скоро и они затихли. Когда, по моим соображениям, стадо этих удивительных существ в обличье обезьян было на полдороге к подножию холма, я снова сошел с машины и, схватив бинокль, пригибаясь, прокрался из полосы кустарника на более открытое место.

Там только кабанье стадо неторопливо уходило наискось от холма, исчезая и появляясь в высокой траве. Я был разочарован. Поднявшись во весь рост, я принялся осматривать кустик за кустиком по склону, не теряя надежды, что сумею обнаружить обезьянолюдей. Но они бесследно пропали, хотя, по-видимому, не могли за такой промежуток времени уйти далеко. С четверть часа я бродил по кустарникам, теряясь в догадках.

И вдруг я снова увидел питекантропов — уже внизу, на равнине. Пропустив кабана вперед, они внезапно показались из травы по обеим сторонам стада. Разъяренный кабан повернулся — под солнцем сверкнула его щетина, — захрапел и скачками помчался назад. Стремительно протянулась в траве примятая

дорожка, питекантропы громко заверещали и бросились врассыпную. Один из них, морщинистый и старый на вид, вероятно, вожак, обежал сбившееся стадо, в два прыжка оказался среди маток с поросятами. Между тем кабан с торчавшей дыбом щетиной на спине настиг одного из врагов, и его желтые клыки обагрились кровью. Молодой, видимо еще неопытный, питекантроп рухнул замертво.

А на вожака питекантропов кинулось сразу несколько взбешенных маток. За ними, путаясь в траве и истошно визжа, устремились поросята. Старик, подняв над головой суковатую дубину, отскочил в сторону, пропустив матку, и новым прыжком очутился среди молодняка. Суковатая дубина успела прикончить нескольких поросят, затем переломила хребет озверевшей матке.

Другие свиньи, покружив в травяных зарослях, снова обнаружили своего врага, но на них набросились с камнями и дубинами еще пять или шесть питекантропов. Остальные охотники носились перед самым носом кабана, и тот сбился с ног, гоняясь за ними. Все-таки он сумел распороть ногу еще одному питекантропу. Неожиданно по какому-то сигналу вожака охотничий отряд наших древнейших предков отступил и бросился к деревьям. Питекантропы с удивительной ловкостью вскарабкались на ветви. В смятой траве бились в агонии издыхающие самки и поросята.

Только теперь я понял, что отступление было маневром, позволившим питекантропам избежать ненужных потерь. Это говорило об уме и почти человеческой хитрости. Когда кабан, яростно и утомленно хрюкая, увел остатки своего стада со злосчастной поляны, питекантропы попрыгали с веток вниз. Взрослые охотники и самцы-подростки отправились за добычей. Приземистые самки с детенышами разного возраста, пугливо озираясь по сторонам, прижимали младенцев к груди. Некоторые самки несли полуголых розовых детенышей на спине, и те держались за их шеи тонкими обезьяньими ручонками.

Вожак принялся было большим плоским рубилом вскрывать брюхо самой большой свиньи, но крупный молодой самец внезапно вырвал у него камень. Старик зарычал, но протестовать активно, видимо, не решался. Авторитет вожака был подорван, и все взрослые охотники разом накинулись на свинью. Они кромсали ее рубилами или старались оторвать мясо прямо зубами. При этом они рычали и скалили зубы друг на друга. Самцы заботились только о себе, а самки сидели за их спинами, не смея приблизиться, и блестящими голодными глазами наблюдали,

как сочащиеся кровью соблазнительные куски исчезали в ненасытной утробе их гримасничающих повелителей.

Наконец самцы насытились и отвалились от полуобглоданных свиных туш. Тогда несмело приблизились самки с детенышами и тоже накинулись на мясо. Сначала они жадно ели сами, потом все чаще стали подбрасывать маленькие кусочки детенышам. Самой вкусной частью считалась, по-видимому, морда свиньи, несколько самок передрались из-за нее, начали визжать, царапаться и грызться.

Но вот трапеза окончилась. Остатки пиршества были оставлены в смятой траве, и самки занялись своими детенышами. Их ласки и заботы о них весьма напоминали человеческие, до меня доносилось даже мелодичное урчание, слишком грубое для ушей человека, но, вероятно, нежное и музыкальное для малолетних сыновей и дочерей питекантропов. Иногда матери шлепали детенышей по губам, и это неизменно вызывало визгливую бурю неудовольствия.

Перед закатом часть молодых бездетных самок оставила стоянку и, гуськом перейдя равнину, углубилась в лес в сопровождении двух самцов с длинными, остро обломанными палками. Когда они снова показались на равнине, плечи их сгибались под тяжестью ноши. Они несли охапки плодов, в том числе плотные грозди диких бананов. Я рассмотрел также какие-то луковичные растения и желтые витые корни. Стая встретила их гортанными сильными возгласами радости, но, прежде чем пиршество возобновилось, самцам пришлось отогнать осмелевших от голода шакалов. В стороне на трупе убитого кабаном охотника пировали грифы, никто не обращал на них внимания.

Когда приплюснутый жарой диск солнца коснулся срезанных верхушек далеких вулканов, на стоянку под деревья приковылял молодой охотник, которому кабан пропорол ногу. Должно быть, он потерял очень много крови и очень ослабел. Он упал, и руки его потянулись к полуобглоданному свиному ребру. Но племя питекантропов не терпело в своей среде увечных, больных и старых — всех, кроме детенышей, кто не был в состоянии сам заботиться о себе. Вожак даже пытался угрожающими жестами отогнать несчастного, и тот испуганно отполз на несколько шагов в сторону, прижимая к груди еду. К ночи стая ушла к лесу, унося с собой остатки дневной добычи, а раненый питекантроп так и остался лежать на примятой траве возле остовов двух свиней и груды недоеденных внутренностей. Над местом стоянки низко кружили грифы, где-то раздавался лай шакалов. Брошенный на произвол судьбы охотник вряд ли мог до-

жить до восхода солнца. Кровь из его раны продолжала сочиться, он слизывал ее, с каждым часом слабея все больше.

Что я мог сделать? Это был еще не человек, хотя уже и не зверь. С тяжестью в сердце я побрел обратно на вершину холма. Машина смутно блестела под звездами. Усевшись в сиденье, я тронул рычаги и установил их на самое медленное движение. Мне хотелось немного поспать в безопасности.

## РАЗОРЕННОЕ СТОЙБИЩЕ

Шестьсот тысяч лет назад там, где сейчас расположен Китай, в сырой мрачной долине, покрытой редкой пожухлой травой, можно было увидеть двуногое существо в мохнатой медвежьей шкуре. Боязливо озираясь, оно быстрыми перебежками кралось от дерева к дереву, от камня к камню, продвигалось по унылой низине. Кое-где осколками зеркал сверкали болота, листва желтела и осыпалась, и в воздухе чувствовалось приближение зимы.

Синантроп был низкоросл, но мускулист. Пегая шерсть на его ногах, груди и спине была почти неотличима от шерсти на шкуре, бородатое лицо иссечено грубыми морщинами. Маленькие глаза под огромными надбровными дугами пугливо и хитро бегали по сторонам. Над мясистым носом нависал покатый лоб, убегавший к затылку, подбородка не было, и челюсти, будто срезанные наискось, торчали вперед. Его трудно было назвать красавцем, но он был крепок и, видимо, очень ловок, хотя ступал несколько по-обезьяньи, на согнутых в коленях ногах.

Он был вооружен — держал на весу большой сук, к которому сыромятными ремнями был привязан грубо выделанный камень. Синантроп был голоден и испуган — никогда еще он не заходил так далеко от своей стоянки. Но, хотя он был еще позвериному упрям, и ему уже было знакомо человеческое чувство долга. Он должен был вернуться с дичью, или даже старухи встретят его насмешками. Необычные запахи, подымавшиеся с болот, чей-то тяжелый топот вдали и голодные крики зверей в сумерках заставляли его поминутно вздрагивать. Сердце его стучало и готово было выпрыгнуть из широченной волосатой груди.

Мысли его были подобны земляным червям, медленным и

ленивым, в беспорядке ворочающимся в крошечном подземном мраке. Сейчас мы сказали бы, что ему не доставало четкости и дисциплины мышления. И только зрительные образы, четкие и примитивные, быстро сверкали в его мозгу один за другим, так что мысль лишь изредка успевала связать их между собой и позволить ему сделать какие-нибудь выводы. Он еще не привык думать.

Тем не менее он думал — об огне. Он никогда не видел горячих лав, ибо огонь передавали из поколения в поколение и сохраняли его, как самую дорогую ценность племени. Только старики рассказывали о стремительных реках бушующего огня. Этот огонь вышел из земли, и они укротили его. Он не ревел, как в лесных пожарах, а жил в пещерах, и образ его вызвал в памяти синантропа дразнящий запах жареного мяса...

Пора было передохнуть. Первобытный человек огляделся. Это была бесплодная местность, вся в песке и галечнике, а неподалеку, между наклонными глыбами, зияла щель провала.

Синантроп постоял, заглядывая внутрь. Затем он протиснулся в щель. И, когда померкло небо и начал накрапывать мелкий дождь, он подобрал два подходящих камня и, сидя на корточках, принялся бить их друг о друга. Его мысли медленно кружились вокруг форм, которые принимали камни. Он знал, что был в этом деле искуснее других, и верил, что хорошо отточенное оружие вернее поразит врага и удесятерит силы самых слабых рук. Он продолжал обивать два кремня, а искры летели от них подобно падающим звездам, в осенние ночи роями мчавшихся по небу.

Искры были холодными, огонь, который заключался в них, был безвреден и не помогал развеять холод. Синантроп давно уже его не замечал. Но, когда особенно яркая искорка упала на сухой мох и красная дымная улитка поползла по желтому стебельку, он отпрянул. Все исчезло, только горьковатый дымок щекотал ему ноздри. Тогда он снова присел на корточки и снова принялся за свое однообразное занятие, ибо стук рождающегося оружия согревал его и вселял бодрость. И вот снова запахло паленым, и опять по стебелькам мха поползла блестящая улитка. И вдруг быстрее, чем он мог сообразить, мох под его ступнями запылал, и темная щель в камнях осветилась. Синантроп в страхе выскочил из своей норы под дождь. Здесь было холодно и сыро, но он ничего не замечал, весь поглощенный непостижимостью случившегося. Расселина дохнула на него теплом, и он осторожно сунул в нее голову. Самого огня он давно не боялся, но это был какой-то странный огонь: он возник из

камней! И этот огонь угасал в каменной темнице — мох уже только тлел. Синантроп присел в стороне, напряженно стараясь удержать расползающиеся мысли и разбегающиеся образы. Затем он снова взял кремни. Он бил их долго, и вот снова появилась красная улитка. Тогда синантроп подгрел мох кучкой и стал дуть на нее. Кучка запылала!

Схватив чудодейственные кремни, он кинулся назад к племени, смутно понимая, что несет в этих двух камнях покоренный огонь и отныне не надо будет бояться, что огонь когда-нибудь может умереть...

За веком питекантропа, синантропа и других предшественников древних людей следовали тысячелетия первых людей древнего каменного века — неандертальцев. Наступало время, которым сейчас занимается не столько палеонтология, сколько археология. Последний день вне нашего времени я решил посвятить наблюдению над медленно занимающейся зарей человечества.

Дул ровный постоянный ветер. Было достаточно тепло, но не жарко. Мой указатель времени свидетельствовал, что до наших дней остается пятьсот тысяч лет.

Я слез с машины в прозрачном саловом лесу и сразу принялся маскировать ее срезанными ветвями. Невдалеке росли магнолиевые деревья, увитые лианами, и одно из них, довольно крупное, нависало над обрывом, за которым начиналась горная долина с маленьким пенистым ручьем, рощами мыльных деревьев и конскими каштанами. Ближе к горам жался нарядный желто-зеленый лес высокоствольных древовидных папоротников, а в стороне, у самого подножия горы, плотной зеленой стеной стояли бамбуки.

Я взял бинокль и взобрался на дерево над пропастью до средних его ветвей. Прямо на западе передо мной находилась большая стоянка синантропов.

Вокруг трех костров сновали люди в шкурах. Шкуры были заброшены на воткнутые в землю большие сучья, образуя грубые кривобокие шалаши. Я застал их в момент, когда взрослые охотники покидали стойбище.

Я долго следил, как эти люди с гривами темных волос до середины спины неторопливо, гуськом выходили из пологой низины и направлялись к теснинам горных отрогов.

Ленивый покой овладел деревней с уходом охотников. Женщины что-то стряпали на больших камнях, окружавших пылаю-

щие очаги, старики неподвижными серыми истуканами сидели на корточках у входов в шалаши, подростки таскали хворост. Дети беспорядочно бегали или ползали под ногами у взрослых, не привлекая ничего внимания. Многие с удовольствием рылись в кучках кухонных отходов, возвышавшихся посреди стойбища, и что-то проворно запихивали себе в рот.

Небо над долиной помрачнело, начался дождь. Все попрятались в шалаши и под навесы из шкур, а очаги забросали золой и прикрыли ветвями. Когда же через час дождь прекратился и засияло солнце, развернулись новые события.

На стойбище возвратились четыре девушки, неся прутики с наизнанными на них небольшими рыбками. Я засмотрелся на их трофеи и некоторое время раздумывал над тем, каким способом они ловят рыбу. Мысли мои были прерваны странным ревом со стороны горной гряды. На минуту в стойбище все замерло. Женщины и старики, заслонив глаза от солнца, вглядывались в далекий горизонт, а затем начался невообразимый переполох. Все бегали и кричали. Дети плакали, размазывая слезы и грязь по своим старообразным мордочкам. Подростки и старики, схватив оружие, выбежали на окраину становища. Они возбужденно переговаривались между собой, неуклюже размахивая руками. Я навел бинокль на горы и внезапно поймал в поле зрения громадный, медленно летящий камень. Как пушечное ядро он влетел в рощицу каштанов, и на его пути рухнули два дерева, взметнув в воздух листья и щепки. Несколько мгновений камень, подпрыгивая, катился по земле, ломая кустарник, как тростник.

Прошло еще минут десять, на становище вновь воцарилась тишина. Один из подростков с тонкими кривыми ногами побежал к кряжистому дереву в полусотне метров от стойбища и начал неуклюже карабкаться на него. Обезьянья сноровка была уже утрачена людьми, и он с трудом добрался до первых сучьев. Лезть стало легче, а боязнь высоты была ему, видимо, незнакома. Неожиданно он замахал рукой и что-то закричал тем, кто стоял внизу. Его мальчишеский голос походил на кваканье с хрипотцой и завыванием. Должно быть, ему не поверили и переспросили, но он уже проворно спускался, спрыгнул с нижней ветви и затараторил, описывая руками окружности и показывая на дерево. Женщины столпились, глядя то на него, то на дерево, затем почти разом повернулись в сторону гор. И тогда, словно бурые и серые листья под сильным порывом осеннего ветра, они кинулись бежать в глубину долины, подхватив оравших детей. Старики, покрытые уродливыми шрамами, ковыля-



*Гигантопитек в ярости схватил валун.*



ли по стойбищу, ища, по-видимому, куда бы спрятаться. Двое зарылись с головой в кухонные отбросы, один притаился в груде хвороста, а две страшные старухи, подобрав с горячих очагов какие-то коренья и печеные клубни, укрылись под корнями большого дерева, навалив на себя охапку шкур. Снова разнесся рев, но уже гораздо ближе... И вот перед стойбищем показались чудовищные обезьяны! Ничего подобного я никогда не видел. Это было стадо гигантопитеков, огромных гориллообразных чудовищ, ростом около трех метров; их было голов двадцать или более. Они рысью, враскачку бежали по долине. Один из гигантопитеков держал в лапе дымящийся факел, как мы держали бы в кулаке карандаш, и размахивал им.

Тут я заметил крошечные фигурки охотников и понял, что это их преследовали разъяренные чудовища. Синантропы мчались во весь дух, теряя оружие, но гигантопитеки быстро настигали их. Охотник, оказавшийся в цепочке бегущих последним, на миг остановился и метнул в ближайшего из преследователей увесистый камень. Чудовище взмахнуло лапой, поймало камень будто мячик и отбросило его далеко в сторону. Тогда я понял, кто швырнул огромную глыбу.

Шум могучего дыхания гигантопитеков доносился даже до меня. Изредка они издавали короткие рыкающие звуки, а иногда один из них гоготал и разевал, как пещеру, розовую пасть. Только одиннадцать синантропов вместо ушедших восемнадцати бежали, едва двигая ногами от усталости. Их лица с остановившимися от ужаса глазами блестели от пота, изо рта текла пена.

Гигантопитек взмахнул огромной лапой, еще один брошенный с огромной силой камень, крутясь, грохнулся о землю, сбив с ног двух коротконогих охотников. Удар был так силен, что мое дерево покачнулось, и я с опаской оглянулся на замаскированную машину.

Синантропы жалобно завопили, над их головами с жужжанием пронесся дымящийся факел, подобранный где-то гигантопитеком, и они как подкошенные повалились в траву. Только один еще не оставил надежду достичь стоянки, хотя спасение лучше было бы искать среди деревьев. Остальные охотники, распростертые в высокой траве, лежали совершенно неподвижно, уткнувшись лицом в землю. Гигантопитеки набежали на них, и я отвернулся, содрогнувшись от жалости и ужаса.

Когда я взглянул опять, гориллообразные чудовища, размахивая лапами толщиной в человеческий торс, с воем и воплями ковыляли к стоянке, ударяя огромными кулачищами себя в

грудь. Из травы позади них встали четверо уцелевших охотников. Камни взлетели и поразили одну обезьяну в лопатку и левую лапу у плеча. Но гигантопитек даже не заметил этого. Шалаши синантропов в мгновение ока оказались разрушены, шкуры и колья разлетелись в разные стороны. Какой-то хлам попал на тлеющие уголья очагов и вспыхнул смрадным, коптящим пламенем. Высоко в небо взлетали искры. Ружейным выстрелом треснула горевшая ветка, тлевшие угольки брызнули в разные стороны, и несколько их упало в груды хвороста. Дымные струи протянулись по ветру. Сучья затрещали, стали быстро обугливаться, и вдруг, словно взмах ослепительно белого крыла, над стойбищем встало жаркое море пламени. Рев и вопли огласили долину. Гигантопитеки в ужасе усталились на огонь. Вертя головами, они глядели, как вспыхивала сухая трава, как занимались и тлели шкуры и палки. Ветер резко переменялся, и голубовато-серые чудовища закашлялись, хватаясь лапами за грудь. Они кинулись бежать, испугавшись, вероятно, впервые в жизни. За ними неслись и крутились в вихрях клубы густого серого дыма, а они бежали вразвалку по равнине, упираясь в землю то правой, то левой передней лапой. Инстинкт уводил их в горы, в огромные пещеры и гнезда на тысячелетних деревьях. Там они были дома, там соперничали с пещерным медведем, и туда они стремились, уходя от едкой гари степного пожара, преследовавшего их по пятам.

Дымная полоса ушла к отрогам гор, рощи каштанов и магнолий горели гигантскими кострами, рассеивая тучи искр, и деревья издали напоминали колеблющиеся языки свечей на ветру.

Только тогда из дальнего леса и из прерии стали возвращаться на уничтоженную стоянку остатки племени. Из восемнадцати охотников племени уцелело только шесть, из четырех десятков женщин, детей и стариков — двадцать семь. Остальные были обнаружены и убиты гигантскими обезьянами. Плач, вой и стоны стояли над стоянкой. Раненые по-собачьи зализывали кровь. И только беззубые старики и сморщенные, с заросшими лицами уродливые старухи, казалось, не испытывали горечи и не разделяли печали племени. Они по-прежнему были многословны и болтливы; назойливыми и капризными оставались дети. Потом могучий, заросший шерстью до глаз вождь собрал всех вокруг себя и что-то сказал. Скорбь уступила место угрюмой сосредоточенности...

Солнце садилось, и я, усталый, переполненный впечатлениями этого страшного дня, побрел к машине.

## ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я лишь слегка тронул рычаг движения и через четыре минуты передвинул его на «стоп». Четырех минут оказалось достаточно, чтобы незримо пробежали сотни тысячелетий.

Меня обступал мир неандертальцев. Неандертальцы населяли все континенты, за исключением Америки.

Машина времени перенесла меня к концу дня в предгорья неизвестного мне горного хребта. Небольшая возвышенность позволяла хорошо обозревать местность. Направив бинокль на отдельно стоящую группу деревьев на северо-запад от меня, я почти тотчас же обнаружил стойбище неандертальцев. То, что это были именно неандертальцы, не оставляло ни малейшего сомнения. Почти такие же кособокие шалаши или навесы из сучьев и ветвей, покрытые сверху шкурами, как и у синантропов, располагались по внешнему краю стойбища. Целые груды щебня возвышались на окраинах этой палеолитической стоянки. Тут и там на высоких корявых сучьях торчали, как священные реликвии, побелевшие от времени медвежьи черепа. Это была стоянка охотников на пещерных медведей.

Люди, все еще чем-то напоминавшие зверей, бродили по утопанной земле между шалашами.

Некоторое время все мое внимание было поглощено их внешним обликом. Рост их не превышал среднего. У них были большие, крепкие головы и массивные туловища с короткими и сильными руками и ногами. Ступня их еще не образовала пружинистого, наподобие арки, свода, и все они страдали сильным плоскостопием, поэтому ходили и бегали они не очень быстро. Но особенно запоминались их лица: грубые и очень длинные, с огромными глазными впадинами. Глаза на широком лице отстояли один от другого дальше, чем у современного человека. Нос был мясист и крупен, челюсти сильно выступали вперед. Надбровные дуги были так велики, что образовывали над глазами навес. Это придавало и без того непривлекательному лицу какое-то особенно мрачное выражение. Неандерталец имел сильные шейные мышцы, и голова его всегда была несколько запрокинута назад. Рука, широкая и мускулистая, была еще не способна к тонким и сложным движениям пальцев, которые связаны с высокой культурой современных людей. Ходили неандертальцы на слегка согнутых ногах.

Затем я снова направил бинокль на стойбище. Несомненно, здесь царствовал культ пещерного медведя: черепа его были

подняты на многочисленные шесты, повсюду валялись разбитые и обожженные кости. Буро-черные медвежьи шкуры встречались гораздо чаще других шкур.

Наблюдая дальше за племенем, я заключил, что шли приготовления к охоте.

Кварцевые и кремневые наконечники привязывались тонкими сыромятными ремешками к древкам копий и дротиков. Наскоро доделывались длинные ручные рубила, игравшие роль охотничьих ножей и кинжалов, прикреплялись к дубинам каменные топоры. Несколько человек у костра обжигали деревянные концы копий. Женщины и подростки сидели поодаль возле шалашей и скребли шкуры или сшивали их толстыми жилами.

Мужчины, старики и подростки отовсюду выволакивали оружие и складывали его грудой посреди становища. Из оружия наибольшее впечатление производили тяжелые суковатые палицы, почерневшие от обугливания на костре, что придавало им особую твердость.

Облака на бирюзовом небе полыхали малиновым огнем близящегося заката, и желто-зеленая стена бамбуков качалась от ветра, размахивая удилищами коленчатых стволов; солнце уже садилось, когда сборы в дорогу были окончены.

Вдруг я заметил на опушке папоротникового леса существо в наброшенной на плечи шкуре. Оно было похоже как две капли воды на неандертальца, и я подумал, что это один из раненых или отставших. Но вскоре его поведение мне показалось непонятным. Он с четверть часа оглядывал с разных мест становище, осторожно передвигаясь по опушке леса и стараясь оставаться под прикрытием кустов. Затем он решился на большее и, низко пригибаясь, стал осторожно подступать к становищу. Он был приземист, плотен, и его косматая медного цвета голова казалась посаженной прямо, без шеи, на плечи.

На левом плече он нес длинную, довольно тонкую, но узловатую палицу, которую придерживал рукой. Его широкие, раздутые ноздри вдыхали запахи прерий и становища. Поравнявшись с началом выжженной пожаром полосы, он принялся шарить рукой в золе, прополз на коленях несколько метров, поднялся на ноги, насупившись и поглядывая на становище.

Заслышав шум и голоса, он поспешно пригнулся и тенью скользнул назад. Так мог вести себя лишь человек чужого племени.

Неандертальцы, чем-то весьма похожие на рослых жилистых детей, ставших стариками, нагружались своим несложным, но тяжеловесным скарбом. Женщины окликали и разыскивали

увлечшихся играми детей и кормили перед дорогой грудных младенцев. Начинало смеркаться, и дым от догоравших очагов прямыми сизыми полосами подымался к холодавшему небу. Вдруг женщина, сидевшая на камне у края стойбища, схватив обломок кремня, бросилась к кому-то, мелькнувшему у большого конского каштана. Но возле него никого не оказалось, и, обежав его, она завопила पुше прежнего. У нее на глазах ее малолетний сын был схвачен неизвестным охотником и исчез. Крик его оборвался. Кое-кто пошел посмотреть, что с ним приключилось. Вождь племени торопил оставить стоянку.

Внезапно над стойбищем пронесся многоголосый вопль, и какие-то чужие люди — неандертальцы чужого племени — с трех сторон кинулись на стойбище. Завязалась схватка. Они кололи и рубили, не делая различий. Люди первого племени защищались отчаянно. Женщины кололи копьями и размахивали топорами наравне с мужчинами и подростками. Нападавшие были более коренасты и казались более свирепыми. Потеряв оружие, противники боролись врукопашную, норовя вцепиться друг другу зубами в горло. Один неандерталец ослеп от удара по голове, завертелся на месте, потом побежал куда-то, ничего не соображая и выставив перед собой руки. Раза два он падал, но поднимался и бессмысленно бродил среди дерущихся. Нашупав кого-то руками, он впился зубами в его шею и старался повалить. Сам того не желая, он способствовал поражению своего племени, ибо его противником оказался занятый схваткой вождь. Пока он отбивался от цепких объятий соплеменника, его грудь пронзил дротик. Над стойбищем стоял шум и крики сражавшихся, треск копий и звенящие удары камней.

Нападающие отступили. Оставшиеся в живых замертво попадали от изнеможения. Почти все получили раны и не были в состоянии двигаться.

Наступил вечер, мгла спустилась с небес на стойбище. Ветви деревьев, отягченные листвой, растворялись в умиротворяющем мраке. Глухая тишина прилетела с ближних гор, стоны раненых и всхлипывания женщин как дым протянулись к звездному небу.

Неожиданно в красных отсветах костров снова появились крадущиеся фигуры. Гортанный грубый крик — и воины набросились на жертвы. С земли и со шкур им навстречу смогли подняться только семь человек: пять женщин и двое мужчин. Они носились по стойбищу, топча охладевшие тела и поскальзываясь на них. Одна женщина подобрала чью-то палицу и кинулась в середину схватки.

Последние вспышки битвы перенеслись в дальний конец стойбища, а потом на равнину. Там битва продолжалась несколько минут. Затем все стихло. Люди нового племени неандертальцев собирались у очагов истребленного народа. Они взволнованно и возбужденно переговаривались и, должно быть, подсчитывая что-то, загибали пальцы на руках.

Медленно взошла луна в туманном ореоле и залила местность голубоватым светом. Ее золотой диск пересекало курчавое облако.

Воины чужого племени разошлись по окраинам становища и начали стаскивать трупы к центру. Каждый из них, напрягая мышцы, выволакивал мертвые тела из кустов шалашей и даже из-под навесов. Грота изуродованных тел медленно росла, а всё новые «пополнения» поступали с разных концов становища. Трупы окружили воины, они с сомнением поглядывали на тяжело-раненых соплеменников, казалось недоумевая, почему и их не присоединили к груде праха. Послышались гневные возгласы. Предводитель — уродливый силач с непомерно широкой грудью — уже был готов вцепиться своими короткими мохнатыми лапищами в чье-то горло, но тут вмешался другой — моложе его и стройнее. Молодой воин начал пересчитывать здоровых воинов, показывая вытянутым пальцем то на него, то на согнутый палец другой руки. Прошло минут десять, пока он, сбиваясь и начиная пересчитывать сначала, довел это трудное занятие до конца. Предводитель внимательно и угрюмо слушал какие-то объяснения. Затем он, вероятно, потребовал для себя каких-то привилегий, и обступавшие его нехотя согласились. На этом палеолитический урок арифметики не кончился: груды тел растащили по числу воинов и снова сосчитали.

Потом им всем отрубили головы и нижним отверстием в черепе насадили их на толстые сучья. Если при этом окружавшая отверстие кость ломалась, неандертальцы вытаскивали рукой головной мозг и жадно отправляли его в свой широкий рот; съев мозг своего врага, победитель перенимал у него и его хитрость. И тут я понял, какому племени принадлежали эти люди: они были первобытными охотниками за черепами. Еще совсем недавно этот обычай существовал у малайских даяков, папуасских племен и индейцев Южной Америки.

После этих сложных приготовлений неандертальцы, даже раненые, принялись с большой сноровкой и умением расчленять тела и швырять их в огонь. Смерд разнесся над прериями.

Предводитель с жадностью наблюдал за всем этим процессом. Вдруг он схватил копье и, напрягшись, выдернул из очага

дымившуюся ногу. Потянув носом, он выхватил у ближайшего воина кремневый кинжал и полоснул им по затвердевшему мясу. Обжигая руки и рот, он припал к куску, и челюсти у него свело от жадности и долгого ожидания. Дикое пиршество каннибалов началось...

Потом некоторые из них направились к ручью напиться, сжимая копья в руках. Но и тогда ничто не нарушило тишину. Одни становились на колени и протягивали жирные, в копоты руки к воде, другие лакали, как звери. И пока они пили, луна зашла за холмы, подул легкий ветер, и глухая ночная мгла тихо-тихо спустилась и поглотила их. Лишь где-то вдалеке протрубил одинокий слон. Голос тоски долго вибрировал над долиной, поднялся выше и растаял в горах.

Это было последнее, что я видел в безжалостном мире наших далеких предков.

Экспедиция по Времени подошла к концу. Я был палеонтологом, и больше всего меня занимали проблемы моей замечательной науки. Но в антропогене, периоде формирования человека разумного, палеонтология примыкает к антропологии и археологии и даже несколько вторгается в их пределы. Мне оставалось только возвратиться домой. Грандиозный и цветущий мир людей, оставленный мной на целый месяц, ждал меня где-то за пределами наступившей минуты.

Быстрое развитие человеческого общества затормозило биологическую эволюцию человека. В мире людей с одинаковым или почти одинаковым успехом живут и действуют как сильные умственно и физически, так и более слабые во всех отношениях люди. Биологический фактор отбора стусевался перед вступившими в силу законами общественными, и слабые особи рода человеческого, которых в былые времена смёл бы естественный отбор, пользуются теми же благами жизни, что и сильные. Нет никакого основания считать, что в отдаленном будущем строение человека существенным образом изменится. Этого не случится, если человечество не применит по отношению к себе искусственные методы устранения из организма атавистических признаков. Если этого не случится, люди будущего не будут отличаться от нас ни анатомически, ни физиологически.

История грандиозных звериных битв окончена. Этими битвами руководил инстинкт. С началом человеческого общества на смену инстинктам приходит разум, именно им руководствовались люди в жестоких междоусобных войнах. Осознанная жестокость пронизывает всю историю человечества до наших дней.

Но и время войн с их десятками миллионов жертв приходит к концу. Свободное, бесклассовое общество на всей земле будет знаменовать полное торжество гуманности и высокого человеческого интеллекта. А затем наши потомки примут участие в истории иных миров, всюду, откуда проникнет к нам зов Вселенной, — слабый звездный луч.

...Сойдя с Машины времени в запертом кабинете Путешественника, я почувствовал себя средневековым узником, которому вдруг возвратили свободу. Я больше не боялся затеряться в бездонных пучинах сметенных временем миров: вокруг меня снова были люди! И я был бесконечно счастлив...

По-видимому, мое возвращение сопровождалось изрядным шумом, потому что я сейчас же услышал в коридоре торопливые шаркающие шаги владельца машины. От волнения он долго не мог попасть ключом в замочную скважину. Наша встреча? Что можно сказать о ней? Для него, как и для всех остальных, мое путешествие к предкам было заманчивым и опасным экспериментом. Пока я странствовал по бескрайним дорогам Прошлого, я находился в мире Умерших. Теперь же я вернулся в мир Живых. Слезы выступили на глазах старика, когда он объяснял мне это. Он уже не верил, что снова увидит меня. «Ну, а как машина — не подвела вас? — растроганно повторял он. — Так вы в самом деле видели эдрюсарха?! — и его изумлению не было границ. Но чаще других вопросов он задавал один: — Неужели вы, как и прежде, с нами? А я, признаться, очень боялся за вас!..»





# КЛАССИФИКАЦИЯ И КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

## основных групп амфибий, рептилий, птиц и млекопитающих.

### *КЛАСС АМФИБИИ, ИЛИ ЗЕМНОВОДНЫЕ*

#### ПОДКЛАСС АПСИДОСПОНДИЛЫ

##### Надотряд Лабиринтодонты

Группа амфибий, вымершая не позже триасового периода и достигшая расцвета в конце палеозойской эры. Включает много ископаемых родов, объединенных в несколько отрядов.

##### Надотряд Саллента

Отряд Анура. Лягушки и жабы. Ныне существующие земноводные имеют хорошо развитые четыре конечности и короткое туловище.

#### ПОДКЛАСС ЛЕПОСПОНДИЛЫ

Отряды Аистоподы, Нектриды, Микрозавры — мелкие земноводные, жившие в конце палеозоя.

Отряд Уроделы. Саламандры и тритоны. Ныне существующие саламандры и тритоны имеют нормально развитое туловище, но слабые конечности.

Отряд Аподы, или Гимнофионы. Червеобразные животные, дошедшие до наших дней, в основном живущие в земле.

### *КЛАСС РЕПТИЛИИ, ИЛИ ПРЕСМЫКАЮЩИЕСЯ*

#### ПОДКЛАСС АНАПСИДЫ

Отряд Котилозавры. Древний отряд рептилий, живших в конце палеозоя и в триасе.

Отряд Хелони. Черепахи ископаемые и современные.

## ПОДКЛАСС СИНАПТОЗАВРЫ

**Отряд Проторозавры.** Включает различных пермских и мезозойских рептилий.

**Отряд Зауроптеригий.** Морские мезозойские рептилии, например плезиозавры, плававшие главным образом с помощью хорошо развитых четырех конечностей, превратившихся в плавники.

## ПОДКЛАСС ИХТИОПТЕРИГИ

**Отряд Ихтиозавры.** Морские крупные рептилии с веретенообразным телом, приспособленным для жизни в море, передвигались в воде при помощи хвоста.

## ПОДКЛАСС ЛЕПИДОЗАВРЫ

**Отряд Эозухий.** Пермские и триасовые вымершие рептилии.

**Отряд Ринхоцефалы.** Древний отряд рептилий и живущий ныне сфенодон (гаттерия).

**Отряд Скватата.** Ящерицы и змеи. Сравнительно молодая группа рептилий. У некоторых родов ящериц конечности постепенно слабеют и уменьшаются, у змей конечности полностью отсутствуют.

## ПОДКЛАСС АРХОЗАВРЫ

**Отряд Текодонты.** Триасовые предки динозавров, птиц и других.

**Отряд Крокодилы.** Крокодилы, аллигаторы и кайманы — потомки земноводных архозавров, дожившие до наших дней.

**Отряд Птерозавры.** Вымершие летающие рептилии с перепончатыми крыльями.

**Отряд Зауришии.** Ящероподобные динозавры с трехлучевым тазом. Крупные и мелкие земноводные хищники и гигантские растительноядные земноводные ящеры.

**Отряд Орнитишии.** Птицеподобные динозавры с четырехлучевым тазом, растительноядные. Двуногие «утконосы» динозавры и четвероногие — покрытые панцирем или рогатые.

## ПОДКЛАСС СИНАПСИДЫ

**Отряд Пеликозавры.** Примитивные пермские звероподобные рептилии.

**Отряд Терапсиды.** Наиболее высокоорганизованные звероподобные рептилии поздней перми и триаса.

## КЛАСС ПТИЦЫ

### ПОДКЛАСС АРХЕОРНИТЫ

Древние примитивные юрские ископаемые птицы со многими чертами рептилий.

### ПОДКЛАСС НЕОРНИТЫ

Все остальные птицы, в том числе и современные.

#### Надотряд одонтогнаты

Зубастые птицы мелового периода.

#### Надотряд палеогнаты

Включает несколько страусоподобных нелетающих птиц сравнительно примитивного строения.

#### Надотряд неогнаты

Ныне живущие птицы с весьма совершенным строением, составляющие многочисленные отряды.

## КЛАСС МЛЕКОПИТАЮЩИЕ

### ПОДКЛАСС ПРОТОТЕРИИ, ИЛИ ПЕРВОЗВЕРИ

Яйцекладущие млекопитающие.

Отряд Моотрематы. Австралийские утконос и ехидна.

### ПОДКЛАСС ТЕРИИ, ИЛИ НАСТОЯЩИЕ ЗВЕРИ

Инфракласс и отряд Пантотерии. Мелкие юрские ископаемые млекопитающие, вероятные родоначальники оставшихся позднее групп.

Инфракласс Аллотерии, отряд Мультилуберкулят. Вымершая группа примитивных млекопитающих, несколько напоминавшая грызунов. Существовала с юрского периода по эоцен.

Инфракласс Метатерии, отряд Марсупиалы. Сумчатые млекопитающие, такие, как кенгуру, опосум и некоторые другие, в основном австралийские животные.

Инфракласс Эутерии. Высокоразвитые млекопитающие, составляющие основную массу существующего животного мира.

Отряд Инсективора. Насекомоядные с многобугорчатыми зубами. Родоначальники высших плацентных животных и современных землероек, кротов и дикобразов.

Отряд Хироптера. Летучие мыши.

Отряд Приматы. В основном древесные плацентарные животные (к этому отряду принадлежит также человек).

Отряд Карниворы. Плотноядные или хищники, как вымершие, так и современные.

Отряд Кондильартры. Примитивные вымершие копытные.

Отряд Литоптерны, Нотоунгуляты. Вымершие отряды копытных с примитивными чертами, характерными для Южной Америки.

Отряд Периссодактили. Непарнокопытные.

Отряд Артиодактили. Парнокопытные.

Отряд Гиракоиды. Кроликоподобные копытные Африки и Южной Азии.

Отряд Пробосциды, или хоботные. Слоны и их ископаемые предки, мамонты и мастодонты.

Отряд Сирены. Морские коровы, ламантины и дюгоны.

Отряд Цетацеи. Киты, кашалоты, дельфины.

Отряд Эдентата. Так называемые неполнозубые млекопитающие, обитающие в Южной Америке.

Отряд Тубулидентата. Ныне живущий трубкозуб Африки, муравьеды и некоторые другие.

Отряд Фолидота. Панголины или броненосцы.

Отряд Роденты. Грызуны.

Отряд Лагоморфы. Зайцы, кролики и пищухи.

## ОГЛАВЛЕНИЕ

|   |    |   |     |
|---|----|---|-----|
| <i>Вступление . . . . .</i>                 | 5  | Ужасы моря . . . . .  | 71  |
| Снова Машина времени . . . . .              | 6  | Появление креодонтов . . . . .  | 75  |
| Среди умерших миров . . . . .               | 10 | Прыжок в воздух . . . . .   | 77  |
| Подводные джунгли силура . . . . .          | 14 | Разучившиеся летать . . . . .   | 81  |
| Беспозвоночные и позво-<br>ночные . . . . . | 18 | На волоске от гибели . . . . .  | 83  |
| Плавник превращается в<br>лапу . . . . .    | 21 | Убийца в перьях . . . . .   | 86  |
| В сумраке безмолвных ле-<br>сов . . . . .   | 25 | В джунглях олигоцена . . . . .  | 92  |
| Живые капканы карбона . . . . .             | 32 | Неожиданное спасение . . . . .  | 96  |
| В недрах отживающего ми-<br>ра . . . . .    | 33 | Звери Арсиной . . . . .   | 103 |
| Опасная встреча . . . . .                   | 35 | В долине пламенеющих мо-<br>нументов . . . . .  | 107 |
| Схватка в папоротниках . . . . .            | 36 | Пернатые гиганты . . . . .  | 112 |
| «Паруса» в лесу . . . . .                   | 39 | В «слоновой» траве . . . . .  | 117 |
| Титанический охотник . . . . .              | 41 | Чудовища плейстоцена . . . . .  | 120 |
| Битва у реки . . . . .                      | 45 | Ледники спускаются в рав-<br>нины . . . . .   | 127 |
| Динозавры, или дивоящеры . . . . .          | 48 | Костры . . . . .  | 130 |
| Как развивались динозав-<br>ры . . . . .    | 56 | Победители и побежденные . . . . .  | 137 |
| Утро в мезозое . . . . .                    | 61 | Разоренное стойбище . . . . .   | 141 |
| Нашествие горгозавров . . . . .             | 64 | Возвращение . . . . .   | 148 |
| Крылатые химеры . . . . .                   | 66 | Классификация и краткая<br>характеристика основных<br>групп амфибий, репти-<br>лий, птиц и млекопитаю-<br>щих . . . . . | 154 |
| Похитители яиц . . . . .                    | 69 |   |     |

## К ЧИТАТЕЛЯМ

*Издательство просит отзывы об  
этой книге присылать по адресу:  
Москва, А-47, ул. Горького, 43.  
Дом детской книги.*

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

*Чижевский Герман Михайлович*

В ДЕБРЯХ ВРЕМЕНИ

Палеонтологическая фантазия

Ответственные редакторы  
Н. М. Беркова и А. Н. Стругацкий  
Художественный редактор  
Л. Д. Бирюков  
Технический редактор  
В. К. Егорова

Корректоры Л. М. Короткина и  
А. Б. Стрельник

Сдано в набор 16/VII 1963 г. Подписано к печати 23/X 1963 г. Формат 60×90<sup>1</sup>/<sub>16</sub> — 10 печ. л. (9,35 уч.-изд. л.). Тираж 115 000 экз. А09678.  
ТП 1963 № 599. Цена 38 коп.  
Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

---

Фабрика детской книги Детгиза.  
Москва, Суцеский вал, 49, Заказ № 5120.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО  
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ  
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

*В 1963 году в Детгизе вышли и выйдут в свет следующие  
научно-фантастические книги:*

**Мир приключений.**

Сборник научно-фантастических и приключенческих  
повестей и рассказов

*Гансовский С.*

**Шаги в неизвестное.**

Сборник научно-фантастических рассказов

*Громова А.*

**Поединок с собой.**

Повесть о необычайных опытах и открытиях в лаборатории  
профессора Лорана

*Журавлева В.*

**Человек, создавший Атлантиду.**

Сборник научно-фантастических рассказов

*Линевский А.*

**Листы каменной книги.**

Приключенческая повесть о жизни доисторического  
мальчика Льена и его племени

*Пальман В.*

**Красное и зеленое.**

Приключенческая повесть о судьбе советского ученого  
и его необычайном открытии.

*Эти книги по мере выхода их в свет вы сможете приобрести  
в магазинах Книготорга и потребительской кооперации.*

*Книги высылаются также по почте наложенным платежом  
отделом «Книга — почтой» областных, краевых и республикан-  
ских книготоргов.*

Сканирование - Беспалов, Николаева  
DjVu-кодирование - Беспалов





Цена 38 коп.





Г. ЧИЖЕВСКИЙ

# В ДЕБРЯХ ВРЕМЕНИ

ДЕТГИЗ